

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1889.

№ 19.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Письма католика въ журналъ „L'Union Chrétienne“ съ отвѣтами на нихъ
о. Владимира Гетте (продолженіе). *И—на*. 377—391
- Источники и предметъ догматики по воззрѣнію католическихъ богослововъ
послѣдняго полу-столѣтія (продолженіе). *А. Шостына* 392—414
- О церковныхъ плодоприношеніяхъ. *Н. Протопопова* 415—433

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Историческій обзоръ ученій о красотѣ и искусствѣ (продолженіе). Профес-
сора Московской духовной академіи. *Е. Амфитеатрова* 281—305
- Языкъ и Разумъ. Проф. Московской духовной академіи. *А. Смирнова* 306—328

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Постановленія съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, состо-
явшіяся 22 августа 1889 г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. д. № 16.

1889.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ № Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редаціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою

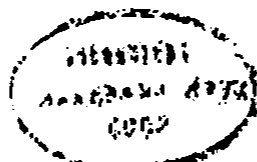
Пістєи вооѹмен.

Вѹрою разумѹваемѹ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Октября 15 дня 1889 года.

Цензоръ, Протоіерей Т. Павловъ.

ПИСЬМА КАТОЛИКА
ВЪ ЖУРНАЛЪ „L'UNION CHRETIENNE“
съ отвѣтами на нихъ о. Владимира Гетте.

(Продолженіе *).

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО КАТОЛИКА.

М. Г.!

Я не хочу вступать съ вами въ полемику. Моя цѣль состоитъ лишь въ томъ, чтобы въ этихъ письмахъ *изложить* ученіе католическое. Конечно, вы можете возражать на мои письма; но позвольте мнѣ продолжить мой планъ изложенія.

Чего только не говорили объ инквизиціи, о церковныхъ судахъ, о конгрегаціи индекса и пр.

Инквизиція была учреждена въ 1200 году Иннокентіемъ III для уничтоженія альбигойцевъ, для подчиненія мавровъ, людей невѣрующихъ и испанскихъ евреевъ.

Уже въ 1184 году соборъ Веронскій приказалъ епископамъ въ Ломбардіи разыскивать еретиковъ и подвергать ихъ наказанію при помощи свѣтскихъ властей. Но, по причинѣ болѣе и болѣе увеличивавшихся успѣховъ ереси, пришла къ убѣжденію въ необходимости церковнаго суда, обязаннаго знать

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1889 г. № 18.

эту ересь и проносить рѣшеніе о ней непогрѣшимымъ образомъ.

Когда рѣшеніе было объявлено, виновный былъ предаваемъ въ руки свѣтскихъ властей, которыя примѣняли къ нему наказанія соотвѣтственно съ тяжестью преступленія. Названіе *auto-da-fe* (актъ вѣры), усвоенное исполненію наказанія, торжественность, съ которою совершали самое наказаніе, ясно показываютъ, что искорененіе ереси было главною цѣлію инквизиціи. Въ эту эпоху преступленія противъ религіи, равно какъ и во всѣ эпохи процвѣтанія вѣры, были наиболѣе тяжкими. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что ихъ поражали казню самую жестокою, именно огнемъ, дабы напомнить объ адскихъ мукахъ и посредствомъ мученій подпавшаго казни внушить присутствующимъ святой страхъ; при этомъ, огонь признавался очистительнымъ средствомъ въ случаѣ ереси, богохульства, оскорбленія святыни и магіи.

Крестная казнь была уничтожена въ воспоминаніе о божественномъ Страдальцѣ, такъ какъ она послужила для Него орудіемъ казни. Въмѣсто ея ввели костеръ, и уже со времени первыхъ вѣковъ эту казнь стали примѣнять къ ереси. Во времена манихейской схизмы, Іоаннъ Дамаскинъ восклицалъ: «Какъ! Богъ терпитъ нападки отъ манихеевъ, Богъ не признается имъ полнымъ владыкою, и мы не истребляемъ ихъ огнемъ?»

Осужденнымъ инквизиціею назначали священника, который преподавалъ имъ послѣднее религіозное утѣшеніе; затѣмъ, къ мѣсту казни ихъ сопровождали кающіеся, или братья креста, которые молились о нихъ и обязаны были немедленно предать погребенію печальные останки ихъ. «Въ этомъ ли состоитъ черта жестокости?» спрашиваетъ аббатъ Бержье ¹⁾.

Когда виновный обнаруживалъ искреннее раскаяніе, его казнь часто была замѣняема пожизненнымъ заключеніемъ въ тюрьму. О. Мацедо въ 1670 г. выяснялъ и оправдывалъ инквизиціонный судъ, доказывая божественность его происхожденія. «Инквизиція, — говоритъ онъ, — въ принципѣ была основа-

¹⁾ Diction. de Théologie. *Inquisition*.

на уже на небѣ. Богъ исполнялъ обязанности перваго инквизитора, когда поразилъ возмущившихся ангеловъ; Онъ же продолжалъ исполнять эти обязанности въ отношеніи къ Адаму и Каину, въ отношеніи къ людямъ, которыхъ Онъ наказалъ потопомъ, или смѣшеніемъ языковъ во времена строенія Вавилонской башни; Моисей тоже исполнялъ эти обязанности во имя Бога, когда казнилъ евреевъ въ пустынь посредствомъ насильственной смерти, огнемъ съ неба, смертоносными змѣями, или поглощеніемъ въ пропасть земли. Затѣмъ, Богъ поручилъ исполненіе этихъ обязанностей св. Петру, своему викарію среди насъ, который и воспользовался ими при пораженіи смертію Анапіи и Сапфиры; а папы, преемники св. Петра, вручили исполненіе этихъ обязанностей св. Доминику и всѣмъ членамъ его ордена».

Нельзя лучше въ немногихъ словахъ доказать священное происхожденіе инквизиціи. Это учрежденіе достойно было охраняемо благочестивою ревностію католическихъ монарховъ, которые, такимъ образомъ, способствовали къ задержанію успѣховъ возникавшей ереси.

Францискъ I, — говоритъ отецъ Даніэль ¹⁾, — желая привлечь небесное благословеніе на свое оружіе, подалъ примѣръ, преисполненный благочестія и ревности, противъ новаго ученія, приказавъ бросить въ пламень извѣстное число еретиковъ, и прошедши съ церковною процессіею всѣ кварталы города Парржа, гдѣ воздвигнуты были костры, приблизился къ парламенту и объявилъ, что онъ желаетъ и приказываетъ, чтобы каждый указалъ на всѣхъ тѣхъ, кого онъ признаетъ причастнымъ и виновнымъ въ богохульствѣ, не обращая никакого вниманія на связи, происхожденіе и дружбу ²⁾.

Никто не станетъ оспаривать, что въ эти эпохи, называемыя варварскими, когда еретики подвергались казни, вѣра была болѣе живою и болѣе всеобщею, чѣмъ въ наши дни.

Спасительное зрѣлище этихъ казней, — страхомъ подобныхъ же казней, — удерживало тѣхъ, которые еще были располо-

1) *Hist. de France* V. 654.

2) *Gaillard*. VI. 437.

жены подражать виновнымъ, а присутствіе при этихъ актахъ вѣры епископовъ, королей, князей, членовъ свѣтскихъ судовъ сопровождалось несомнѣннымъ результатомъ нѣкотораго глубокаго насажденія въ сердцахъ присутствующихъ вѣры вмѣстѣ со страхомъ.

Наши разслабѣвшіе нравы отвращаются теперь отъ подобныхъ зрѣлищъ; а потому преступленія противъ религіи, вслѣдствіе ненаказанности, умножаются, и философія торжествуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія двухъ послѣднихъ вѣковъ указываетъ намъ на возрастающіе успѣхи философіи и нечестія во Франціи, въ силу безнаказанности, предоставленной ереси; между тѣмъ какъ Испанія, которая долѣе всѣхъ сохранила свои церковныя суды, и которая никогда не дѣлала ни малѣйшихъ попытокъ къ церковнымъ реформамъ, сохранила свою вѣру въ наибольшей неповрежденности. Поэтому, и революціи настоящихъ временъ никогда не могли пустить въ ней глубокихъ корней; эта нація всегда возвращается къ своимъ древнимъ монархическимъ и религіознымъ установленіямъ, и, именно, о ней, по всей справедливости, можно сказать теперь, что она есть старшая дочь Церкви.

Вареоломеевская ночь была фактомъ политическимъ, никто этого не станетъ оспаривать; тѣмъ не менѣе, нельзя отвергать религіознаго результата этой ночи. Надобно согласиться, что безъ этого факта и безъ грозной оппозиціи Лиги, протестантизмъ взомель бы на тронъ вмѣстѣ съ Генрихомъ IV; и вся Франція была бы увлечена этимъ королемъ въ ересь, какъ Англія была увлечена въ нее Генрихомъ VIII.

Когда Генрихъ IV сказалъ: «Парижъ стоитъ одной литургіи», то вмѣстѣ съ этимъ онъ высказалъ намѣренія, мало благоприятныя для католической религіи. А его Нантскій эдиктъ доказываетъ еще, что, не смотря на свое обращеніе, онъ всегда сохранялъ лютимныя сношенія съ своими прежними единовѣрцами, и если бы онъ жилъ долго, то помогъ бы имъ вернуть почву, которую они потеряли.

Богъ, заботящійся о сохраненіи Своей Церкви, не допустилъ до этого, и Ему благоугодно было, чтобы внукъ этого короля способствовалъ искорененію ереси своего дѣда. Отмѣ-

пеніемъ Нантскаго эдикта Людовикъ XIV однимъ почеркомъ пера остановилъ распространеніе церковной реформы.

Боссюягъ восклицалъ по этому поводу: «Вознесемъ къ небу наши восторги и скажемъ этому новому Константину, этому новому Θεодосію и пр. то, что нѣкогда отцы говорили на соборѣ Халкидонскомъ: «ты укрѣпилъ вѣру, ты истребилъ еретиковъ»¹⁾).

Философы возстали противъ строгостей, сопровождавшихъ исполненіе этого благочестиваго декрета; но Людовикъ XIV, желавшій положить серьезно конецъ всему этому, долженъ былъ употребить, именно, эти мѣры, и протестанты не оставили бы королевства, если бы ихъ сопротивленію и ихъ притворному обращенію не противопоставили строгихъ наказаній. Именно это и оправдываетъ многія мѣры, которыя представляются намъ проникнутыми чрезвычайно строгостію, какъ напримѣръ, слѣдующая мѣра:

Эдиктомъ 28 апрѣля 1686 года повелѣвалось, чтобы обращенные, отказывавшіеся во время болѣзни отъ католическаго причащенія, были осуждаемы на пожизненныя галеры съ лишеніемъ ихъ имущества, когда выздоровѣютъ. Ихъ жены, ихъ дѣти должны быть заключены въ тюрьму. А если эти заболѣвавшіе умирали, то судъ долженъ былъ продолжаться надъ ихъ трунами и сопровождался отнятіемъ всего оставшагося послѣ нихъ наслѣдства. Что же касается ихъ дѣтей, то они отсылаемы были въ іезуитскія collegia, или въ монастыри.

Этотъ эдиктъ былъ плохо исполняемъ при Людовикѣ XV а плохое исполненіе его одушевило философію, и усиліямъ ея, наконецъ, удалось добиться отъ слабаго Людовика XVI возвращенія протестантовъ во Францію.

Свобода вѣроисповѣданій, признанная съ этихъ поръ многими государствами, сдѣлала въ то же время дѣйствіе церкви бесплннымъ, потому что свобода эта задерживала исполненіе божественныхъ законовъ, преподанныхъ апостоламъ и освященныхъ соборами въ отношеніи къ ересямъ. вмѣстѣ съ этою свободою терпимость, т. е. индифферентизмъ въ дѣлѣ религіи,

¹⁾ Oraison de Le Tellier.

были приняты въ законы и открыли свободный доступъ всѣмъ анти-католическимъ доктринамъ.

При этомъ можно спросить, почему государство допускаетъ одни ереси, между тѣмъ какъ другія отвергаетъ? Сень-симонизмъ, фурьеризмъ, (національная) французская католическая церковь были объявлены правительствомъ лишенными охраны и покровительства; вопреки свободѣ вѣроисповѣданій, дарованной хартиєю, она были запрещены; но почему же? Эти новыя вѣрованія не имѣли ли такого же права на свое признаніе, какъ кальвинизмъ, лютеранство, аугсбургское вѣроисповѣданіе и другія протестантскія секты, авторизованныя государствомъ? Законовѣды отвѣчаютъ, что правительства оказываютъ терпимость и покровительство вѣроисповѣданіямъ, освященнымъ временемъ, хотя и не признаютъ за ними божественности происхожденія; и все это дѣлается съ тою единственною цѣлю, чтобы навсегда избѣжать возобновенія религиозныхъ возмущеній.

Такимъ образомъ, католицизмъ, подобно другимъ вѣроисповѣданіямъ, служитъ лишь поводомъ къ извѣстнымъ церемоніямъ и праздникамъ, и государство и семейство лишь приглашаются участвовать въ его величественныхъ церемоніяхъ, въ его годичныхъ пѣснопѣніяхъ, въ его молитвахъ; а въ концѣ года тщательно составляютъ смѣту потребнаго на это бюджета. Съ этихъ-то поръ церковь стала учрежденіемъ, подобнымъ всякому другому учрежденію, подобнымъ, напримѣръ, университету, академіямъ и всякому большому обществу, признанному государствомъ и оплачиваемому жалованьемъ.

Таковъ результатъ конституціоннаго правленія; но въ государствахъ абсолютныхъ единство религіи столько же необходимо, какъ и единство власти, потому что оба эти единства взаимно помогаютъ подчиненію націи; слѣдовательно, если Франція усвоила себѣ абсолютный характеръ въ политикѣ, она должна для послѣдовательности допустить подобный же характеръ управленія и въ религіи.

Съ того момента, когда религію признаютъ средствомъ порядка и повиновенія, не должны будутъ болѣе выносить свободного изслѣдованія въ отношеніи къ божественному закону,

какъ не терпятъ подобнаго же изслѣдованія въ отношеніи къ политическимъ постановленіямъ, и враги церкви должны быть признаваемы величайшими врагами государства. Религіозная оппозиція не представляетъ ли такой же опасности, какъ и политическая оппозиція?

Но кого надобно считать наибольшими врагами религіи, какъ не философовъ? И, однако же, существуютъ священнослужители, которые вдаются въ изслѣдованія съ философами, какъ существуютъ духовники, которые допускаютъ къ причащенію всѣхъ, кто только обращается къ нимъ за этимъ. И тѣ и другіе равно пренебрегаютъ своимъ призваніемъ, и становятся виновными въ томъ индифферентизмѣ, который изводитъ религію на степень обыкновеннаго мнѣнія и культъ—на степень церемоніи.

Философъ Жюль-Симонъ очень хорошо сказалъ: «священникъ, допускающій кого-либо къ общенію съ собою, не требуя отъ него дѣтской преданности ко всѣмъ откровеннымъ истинамъ, потерялъ смыслъ своего призванія. Онъ уже болѣе не священникъ, а философъ... Если,—что невозможно,—религія перестанетъ быть нетерпимою, то она перестанетъ быть уже религіею, потому что религію не изслѣдуютъ; её не продаютъ. Она вся подобна цѣльной пьесѣ. Её надобно принимать всецѣло, или же надобно всецѣло отвергать; малѣйшее колебаніе, малѣйшее утаиваніе дѣлаетъ вѣру бесполезною и разрушаетъ её»¹⁾).

Законъ политическій и гражданскій, не приходя болѣе на помощь въ отношеніи къ закону католическому и не принимая участія въ немъ, не подтверждаетъ уже его уголовныхъ постановленій; а потому и отлученіе—самое страшное наказаніе, какое только налагается на человѣка, такъ какъ оно при посредствѣ папы назначается Богомъ,—много потеряло въ своемъ вліяніи и въ своемъ дѣйствіи.

Нѣкогда оно было дѣломъ столь страшнымъ, что его признавали ужаснѣе самой смерти. Напримѣръ, мірянинъ, убившій священнослужителя, подвергается былъ отлученію, но если

1) *La Religion naturelle, quatrième partie.*

онъ убивать подобнаго же себѣ мірянина, то былъ лишь осуждаемъ на смерть. Чтобы усилить нравственное дѣйствіе этого наказанія, древніе соборы запрещали всякое сношеніе съ отлученными, тоже подъ страхомъ отлученія. И, именно, по причинѣ важности этого наказанія, на соборѣ Тридентскомъ было опредѣлено, что отлученіе должно быть предваряемо, по крайней мѣрѣ, двойнымъ предупрежденіемъ.

Въ XIII и XIV вѣкахъ отлучали судью, который осмѣливался поставять препятствія къ заарестованію имущества отлученнаго. Неодобрительныя дѣйствія, которыя свѣтскіе агенты допускали при совершеніи этого заарестованія, вызвали со стороны епископской власти жалобы предъ св. Людовикомъ, только что возвратившимся изъ крестоваго похода. Св. Людовикъ объявилъ, что онъ приметъ эти жалобы во вниманіе, если только ему докажутъ, *правильно ли былъ постановленъ приговоръ, или неправильно*. Но по настоянію первосвященника, этотъ благочестивый король, послѣ нѣкотораго колебанія, долженъ былъ уступить, наконецъ.

Среди важныхъ обстоятельствъ; когда надобно было примѣрными наказаніями утратить народъ и прекратить его послушаніе, казнили и отлученныхъ умершихъ безъ покаянія; такъ, выкопали и предали огню кости Арно, графа Форкалькьерскаго и другихъ. Положеніе, состояніе и богатство исчезали предъ тѣмъ божественнымъ судилищемъ, которое одинаково поражало всякаго измѣнника; такъ, Григорій VII однимъ своимъ канонемъ постановилъ, чтобы подданные отлученнаго государя не находились въ общеніи съ нимъ.

Но и галликанизмъ не пріобрѣталъ, поэтому, никакихъ выгодъ, отъ-того, что доктрина эта не была принята во Франціи, гдѣ короли ревниво стремились къ безконтрольному пользованію своею властію; и хотя церковная реформа достигла свободы изслѣдованія, но когда Людовикъ XIV почувствовалъ надобность въ первосвященническомъ содѣйствіи для освобожденія себя отъ реформаторовъ, то онъ долженъ былъ совершить актъ подчиненія, и призналъ римское верховенство.

Отлученіе касалось не одной только личности еретиковъ; оно поражало также и ихъ произведенія силою страшнаго

оружія Index'a, такъ какъ Index, для омерзения вѣрующихъ, указывалъ на книги, нечестиво рассуждавшія о предметахъ религіозныхъ, вопреки ученію Церкви.

Въ теченіе двухъ вѣковъ Церковь должна была указать особенно много философскихъ сочиненій съ этимъ страшнымъ клеймомъ, и должна была приказывать вѣрующимъ, если сочиненія эти попадутъ въ ихъ руки, бросать ихъ въ огонь, не позволяя себѣ читать ни одной страницы, подъ опасеніемъ и самимъ заразиться ими.

Однако же, можно видѣть католиковъ, признающихъ себя уважающими постановленія Церкви, которые открываютъ свои библіотеки для запрещенныхъ книгъ, каковы, на примѣръ, сочиненія: Монтескьё, Вольтера, Руссо и проч., и которые ставятъ ихъ на полкахъ рядомъ съ сочиненіями святого Августина, Боссюэта, Фенелона и пр.

Католики эти похожи на тѣхъ неблагоразумныхъ домохозяевъ, которые не опасаются наполнять свои дома горючими веществами, потому что съ этими веществами въ домахъ ихъ существуютъ насосы для тушенія пожара; знаютъ ли они, что огонь не окажется сильнѣе насосовъ?

Одни только священники имѣютъ право знакомиться съ дурными книгами, потому что при чтеніи ихъ они предохранены отъ вреднаго вліянія ихъ Духомъ Святымъ, при содѣйствіи Котораго они отличаютъ зло отъ добра, заблужденіе отъ истины.

Значитъ ли это, что служители Церкви не поддаются иногда заблужденію? Увы! даже знаменитые епископы не были изъяты отъ этого; Боссюэтъ, принявшій сторону галликанизма, доказалъ это; и въ наши дни нѣкоторые члены Церкви, безсознательно увлеченные революціонными идеями, пронизывающими современное общество, подобно рудниковымъ жиламъ, преуспѣваютъ въ доктринахъ, зараженныхъ новшествами, и такимъ образомъ, привлекаютъ на себя строгости Index'a.

А такъ какъ только отъ Святого Престола истекаетъ православная истина, то этимъ же престоломъ подается правильная и непогрѣшимая оцѣнка произведеній, которыхъ распространеніе угрожаетъ опасностію католической вѣрѣ; Index обнародывается во всей Церкви и не имѣетъ надобности быть

освящаемымъ соборомъ, потому что папа обладаетъ юрисдикціею во всѣхъ католическихъ странахъ; такимъ образомъ, желаніе отказаться отъ повиновенія опредѣленіямъ, исходящимъ отъ римскихъ конгрегацій, есть желаніе отказаться отъ повиновенія самому папѣ, коего приказанія конгрегаціи исполняютъ.

Итакъ, законы относительно Index'a обязательны для всѣхъ въ мірѣ христіанъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на апостолическія постановленія, каковы постановленія Пія IV, Климента VIII, Александра VIII, Бенедикта XIV. Эти постановленія напоминаютъ, что Index введенъ во исполненіе распоряженій Тридентскаго собора, по божественному праву, дарованному папѣ, для верховнаго и непогрѣшиваго упорядоченія церковныхъ дѣлъ и для рѣшенія вопросовъ православія.

Священная Конгрегація Index'a, преимущественно, наблюдаетъ за книгами, выходящими изъ подъ пера членовъ Церкви, изъ опасенія болѣе пагубнаго вліянія, какое можетъ проистекать отъ чтенія, именно, этихъ книгъ.

Удивляются, напримѣръ, что подъ одну и ту же анаѣму подводятъ иногда два различныя произведенія, и по духу, и по происхожденію, каковы напримѣръ: *«L'Observateur catholique»* (*Католическій наблюдатель*), обзоръ церковныхъ наукъ, издапіе отчасти священниковъ, и философское произведеніе подъ названіемъ: *«L'Esprit moral du XIX Siècle»* (*Направленіе нравственности XIX вѣка*), авторъ котораго дерзко отвергаетъ твореніе міра и божество Іисуса Христа.

Ударъ, поразившій первое сочиненіе, по крайней мѣрѣ, имѣлъ то благотворное дѣйствіе, что напомнилъ нѣкоторымъ членамъ Церкви ихъ обязанности; онъ потребовалъ отъ нихъ сообразоваться съ началами правосмыслия (orthodoxes), или перестать писать; между тѣмъ какъ другое запрещеніе (index) имѣло цѣлю, для возбужденія ужаса во всемъ католическомъ мірѣ, только указать на произведеніе нечестивое, котораго авторъ, будучи далекъ отъ того, чтобы исправиться и преклониться предъ ударомъ, сталъ только смѣяться.

Примите, м. г., и пр.

Отвѣтъ о. Владимира, на третье письмо католика.

ИНКВИЗИЦІЯ.

Милостивый государь.

Ваше третье письмо есть прямой выводъ изъ второго. Такъ какъ вы признаете церковь обществомъ какъ бы свѣтскимъ (*temporelle*), призваннымъ навязывать міру свои доктрины и имѣющимъ въ своемъ распоряженіи всѣ принудительныя средства, которыми обладаютъ гражданскія власти, то вы и должны были прійти къ слѣдующимъ выводамъ, будто инквизиція—законна, и будто церковь, представляемая папствомъ, розыскивая и осуждая на самыя жестокія казни тѣхъ, которые не хотятъ подчиниться ея верховному и непогрѣшному авторитету, поступаетъ такъ по неспоримому праву.

Конечно, страшное ученіе, изложенное вами въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, есть ученіе вашей папской церкви; и если-бы вы имѣли намѣреніе изложить только это ученіе, то вы не могли бы говорить какъ-либо иначе, а не такъ, какъ вы это сдѣлали.

Но вы, м. г., не ограничились только изложеніемъ ученія вашей церкви. Вы захотѣли еще защитить и доказать его истинность. Вы начинаете съ указанія на его происхожденіе отъ самого Бога, Который подвергалъ наказанію виновныхъ.

Позвольте же мнѣ сказать, что вы поступили неосмотрительно, стараясь доказать божественное происхожденіе инквизиціи. Прежде всего, надобно было бы много говорить о фактахъ божескихъ наказаній, приведенныхъ вами изъ Ветхаго Завѣта. Но я не хочу здѣсь распространяться о нихъ и вдаваться въ очень сложныя экзегетическія изслѣдованія въ отношеніи къ нимъ. Я хочу держаться лишь вопроса объ инквизиціи, и довольствуюсь утвержденіемъ, что Богъ имѣетъ много правъ, коихъ человѣкъ не можетъ усвоить себѣ въ отношеніи къ человѣчеству.

Ясно, почему вы предполагаете, будто Богъ перенесъ свои права на папъ, а папы перенесли ихъ на инквизицію; но,

именно, это-то и надобно было доказать. Вы, конечно, знаете, м. г., что ваши положенія отвергаются огромнымъ большинствомъ христіанъ, и что даже въ вашей небольшой ультрамонтанской церкви вы найдете людей, противорѣчащихъ этимъ положеніямъ. Вы сами можете привести въ числѣ противниковъ своихъ Фаллу, Брольи, Монталламбера, которые, однако же, всегда преданы были ультрамонтанству. Если же вы находите людей, противорѣчащихъ вамъ даже въ вашемъ собственномъ домѣ, то какъ можете выдавать за обще-принятую истину то, будто инквизиція ведетъ свое начало отъ Бога чрезъ посредство папы?

Въ вашей церкви имѣютъ обыкновеніе усвоить Богу всѣ безразсудства, которыя въ ней ежедневно изобрѣтаютъ. Вы должны, однако же, понять, что приписывая Богу свои доктрины, свои всякаго рода измышленія, свои страсти и свой фанатизмъ, — этимъ вы лишь укрѣпляете и распространяете атеизмъ во всѣхъ классахъ общества. Когда прихожанинъ слышитъ, что его приходской священникъ изображаетъ Бога по своему образцу, и приписываетъ Ему безразсудства, которыя онъ проповѣдуетъ, тогда прихожанинъ этотъ не станетъ болѣе вѣрить въ Бога. Онъ будетъ представлять себѣ Бога, каковымъ приходской священникъ изображаетъ Его; но собственный здравый смыслъ подскажетъ ему, что Богъ не можетъ быть такимъ; и такъ какъ онъ не имѣетъ достаточно разума, чтобы составить себѣ иную идею о Богѣ, то вотъ онъ и становится атеистомъ. Думаете ли вы, что вы не ввергаете въ атеизмъ многихъ, когда утверждаете, что Богъ есть величайшій въ мірѣ инквизиторъ; будто Онъ благословляетъ жестокости своего уполномоченнаго папы и Его полу-уполномоченныхъ, лицемѣрныхъ инквизиторовъ и этихъ страшныхъ палачей, наблюдающихъ за казнями осужденныхъ? Возставая противъ естественной идеи, которую люди обыкновенно имѣютъ о Богѣ, какъ объ отцѣ и благодѣтелѣ своихъ созданій, вы разрушаете понятіе о Божествѣ, которое каждый находитъ въ своей совѣсти и вы приводите cadaго къ слѣдующему печальному заключенію: Богъ, котораго намъ проповѣдуютъ, не можетъ существовать.

Папизмъ создалъ больше атеистовъ, чѣмъ всѣ философы, отвергавшіе бытіе Божіе.

Папа не получалъ отъ Бога никакой миссіи; еще съ большимъ правомъ надобно сказать, что онъ не получалъ отъ Бога права мучить и сожигать тѣхъ, которые отвергаютъ то, чтобы Богъ могъ даровать ему подобныя права.

Ваше сильнѣйшее доказательство въ этомъ отношеніи состоитъ въ слѣдующемъ: папа есть представитель истины, а истина имѣетъ право быть навязываемою даже посредствомъ силы.

Извините, м. г., оба ваши положенія не могутъ быть приняты. Даже если бы папа дѣйствительно былъ представителемъ истины, то кто вамъ сказалъ, будто онъ имѣетъ право навязывать истину посредствомъ пытокъ и костровъ? Богъ даровалъ человѣку разумъ—для руководства въ дѣлѣ изысканія истины. Вы отвергаете это иоложеніе, когда провозглашаете, будто одинъ какой-то человѣкъ имѣетъ право подавлять разумъ, мучить его и навязывать ему идеи, которыя онъ признаетъ недопустимыми. Подавляя разумъ, вы отвергаете дѣло Самого Бога. Люди, признающіе себя обладающими истиною, имѣютъ одно только право: предлагать еѣ разуму. Но когда хотятъ навязывать истину, тогда становятся тиранами, и тиранами самыми гнусными и самыми отвратительными, потому что желаютъ, подобно обыкновеннымъ тиранамъ, властвовать не только надъ тѣлами, но и надъ душою, которая должна оставаться неприкосновенною для ихъ посягательства, и надъ интеллектуальнымъ достоинствомъ, которое Богъ наложилъ на человѣческое созданіе, какъ главную печать, отличающую человѣка отъ другихъ тварей.

Итакъ, м. г., вы творите атеистическое дѣло, представляя Бога великимъ инквизиторомъ и дѣлая папу Его уполномоченнымъ въ дѣлѣ лицемѣрномъ и жестокомъ.

Но вы скажете, что, именно, во имя *истины* вы устанавливаете свои положенія.

Въ самомъ ли дѣлѣ вы обладаете истиною? Вы утверждаете это; между тѣмъ какъ большая часть христіанскихъ церквей отвергаетъ это. Что же такое ваша папская ультрамонтанская церковь предъ лицомъ всѣхъ другихъ христіанскихъ церквей?

Если мы перейдемъ за предѣлы христіанства, то найдемъ безчисленные религіозныя сборища, которыя тоже заявляютъ притязанія на обладаніе истиною. Папа ислама имѣетъ болѣе послѣдователей, чѣмъ католическій папа; *сынъ неба*, императоръ китайскій, имѣетъ ихъ болѣе, чѣмъ папа ислама; а великій лама имѣетъ ихъ даже болѣе, чѣмъ *сынъ неба*. Во имя истины, которою, по ихъ убѣжденію, они обладаютъ, они, пожалуй, имѣютъ право совершать въ отношеніи къ другимъ религіямъ поступки инквизиціонныя. Когда они предають мученіямъ нѣкоторыхъ миссіонеровъ, въ лицѣ которыхъ видятъ, и часто справедливо, иностраннхъ эмиссаровъ и предателей, вы кричите о преслѣдованіи и вы причисляете къ лику святыхъ вашихъ мучениковъ; но не видите ли вы, что эти люди примѣняютъ, и притомъ съ большою умѣренностію, ваши же собственныя начала?

Вы скажете, они не владѣютъ истиною; они же вамъ отвѣтятъ: напротивъ, мы-то и владѣемъ истиною, а вы впадаете въ заблужденіе. Всѣмъ вы желаете *навязать* то, что признаете за истину; но вы не хотите понять, что истина сама по себѣ достаточно прекрасна, чтобы покорить разумъ; стараясь же навязать ее посредствомъ насилія, вы дѣлаете ее ненавистною.

Насиліе и ложная политика всегда управляли папствомъ. Вотъ почему оно потеряло наибольшую часть своихъ послѣдователей, и вотъ почему оно доведено теперь до состоянія безжизненнаго трупа. Этотъ трупъ еще произносятъ нѣсколько неразумныхъ словъ: а вы думаете, что онъ еще движется и обладаетъ жизнью; но вы обманываетесь; его страшныя теоріи убили его; жизнь существуетъ только внѣ его.

Если вы хотите найти дѣйствительную причину инквизиціи, то ищите ее въ *фанатизмъ*, существовавшемъ въ челоуѣчествѣ во всѣ времена.

Принявши это во вниманіе, вы могли бы усвоить инквизиціи величайшую древность существованія. Она существовала среди евреевъ, и Иисусъ Христосъ былъ ея жертвою. Именно еврейскіе инквизиторы пригвоздили Его ко Кресту, не смотря на Его невинность, изъ-за оппозиціи, выраженной Имъ противъ ихъ дурныхъ ученій. Если бы Онъ поя-

вился въ средніе вѣка съ своимъ ученіемъ, то фанатики папизма подвергли бы Его пыткамъ и сожгли. Сожгли же они многихъ другихъ, которые не были виновны. Въ наше время много говорятъ о Джіордано-Бруно, которому недавно воздвигли статую предъ негодующимъ взоромъ папы. По истинѣ, мы не сравниваемъ его со Христомъ, этою высочайшею жертвою фанатизма; но какое зло сдѣлалъ Бруно? Въ своихъ произведеніяхъ онъ возбудилъ вопросы, которые теперь волнуютъ все человѣчество; и вотъ, именно, за это папа осудилъ его на сожженіе. Его палачи болѣе, чѣмъ онъ, заслуживали быть брошенными на костеръ; это-то и доказываютъ теперь, прославляя ихъ жертву.

Изложивши свою апологію инквизиціи, вы прославляете римскія конгрегаціи, служація только добавленіемъ къ ней. Вы говорите въ частности о конгрегаціи индекса; вы пытаетесь установить фантастическую теорію, чтобы сообщить ей удобопріемлемую идею, и по этому поводу, вы указываете на *l'Observateur catholique*, который подпалъ церковному порицанію при самомъ объявленіи о себѣ.

Безъ сомнѣнія, вы не знаете, что я былъ основателемъ и главнымъ редакторомъ этого изданія (publication). Это знали въ Римѣ, и вотъ почему, подвергши порицанію мое большое сочиненіе подъ названіемъ: *Исторія Французской Церкви (Histoire de l' Eglise de France)*, захотѣли поразить меня вторымъ ударомъ, чтобы сдѣлать мое (новое) изданіе невозможнымъ. Въ добрыя старыя времена меня хорошо вознаградили бы за мое сопротивленіе, а теперь меня только помѣстили въ числѣ сотоварищей Джіордано-Бруно. Къ счастью, эти добрыя старыя времена прошли, и прошли безвозвратно. Вотъ почему я могу теперь отвѣчать вамъ такъ, какъ я дѣлаю это, смѣясь надъ его святѣйшествомъ папою, надъ святою инквизиціею, надъ священною конгрегаціею Index'a и надъ всѣми святостями, которыя такъ благовонны для носа Людовика Вейлло и которыя зловонны для остального міра.

Примите, м. г., и пр.

И—нѣ.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОЧНИКИ И ПРЕДМЕТЪ ДОГМАТИКИ

ПО ВОЗЗРѢНІЮ КАТОЛИЧЕСКИХЪ БОГОСЛОВОВЪ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛУ-СТОЛѢТІЯ.

(Продолженіе *).

И) Обратимся теперь къ ученію католическихъ богослововъ о достоинствѣ и значеніи различныхъ учено-богословскихъ произведеній отдѣльныхъ лицъ.

Первое мѣсто въ ряду этихъ произведеній, несомнѣнно, должно принадлежать писаніямъ св. отцовъ церкви. Разумѣя подъ отцами церкви древнихъ святыхъ мужей, прославившихся своею ученостію и твердостію въ дѣлѣ защиты церковныхъ догматовъ, и отличая ихъ отъ позднѣйшихъ святыхъ учителей ¹⁾, новѣйшіе католическіе богословы отвергаютъ, однако, ту мысль, будто бы степень богословской авторитетности того или другого отца зависить отъ большей или меньшей его древности ²⁾. Тѣмъ не менѣе, степень этой авторитетности не у всѣхъ отцовъ одинакова; только она обуславливается уже не сравнительною древностію ихъ, а другими «болѣе существенными моментами». Къ числу этихъ послѣднихъ относится, прежде всего, различная степень ихъ святости, просвѣщенія

*) См. жур. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 18.

¹⁾ Scheeben, Dogmatik, п. 372, 348—349.—Perrone, op. cit. pars 11, п. 450.

²⁾ Scheeben, *ibidem*. Здѣсь же богословъ замѣчаетъ, между прочимъ, что «моментъ древности стали выдвигать на первый планъ только въ прошломъ столѣтіи и, притомъ—не столько въ пользу, сколько во вредъ богословски-церковному авторитету отцовъ».

и учености, а главнымъ образомъ неодинаковое отношеніе къ нимъ церкви, послѣку нѣкоторыхъ изъ нихъ она возвышается на свѣщницѣ преимущественно предъ другими ¹⁾. Сюда же относятся еще нѣкоторыя, болѣе внѣшніе моменты. Таковы, напр.: 1) особенно выдающееся церковное положеніе отца, въ качествѣ патріарха или папы; 2) его живое сношеніе со всею церковію посредствомъ писемъ или путешествій; 3) особенное вниманіе, которое обращали на себя его сочиненія, въ особенности—когда онъ предъ лицомъ всей церкви боролся противъ заблужденія ²⁾. Много также завидѣть авторитетность того или другого отца церкви и отъ того, раскрывалъ ли онъ извѣстное ученіе *ex professo* и на основаніи внимательнаго изученія своего предмета, или же—нѣтъ ³⁾.

Что касается самой области, на которую можетъ простираться авторитетъ и непогрѣшимость отеческаго ученія, то Шеебенъ характеризуетъ ее отчасти отрицательнымъ, отчасти положительнымъ образомъ. «Авторитетъ отцовъ не простирается—а) на истины чисто естественныя и философскія, или лучше—свѣтскія (*profane*), которыя не стоятъ въ формальномъ соотношеніи съ неповрежденностію и чистотою откровеннаго ученія»; не простирается онъ б) «и на истины, *откровенныя только per accidens*, потому что онѣ не принадлежатъ прямо и сами по себѣ къ откровенному ученію церкви» ⁴⁾. Но, съ другой стороны, онъ «не ограничивается только засвидѣтельствомъ формально-откровеннаго ученія, но простирается и на догматически-богословское

1) Ibid. n. 374. Heinrich, s. 0/0 f.

2) Ibidem.

3) Ibid.

4) Ibidem. Что разумѣетъ Шеебенъ подъ истинами, находящимися въ откровеніи *per accidens* (по случаю), это онъ выясняетъ въ началѣ своей догматики (п. 39). «Одна часть откровенныхъ истинъ,—говоритъ онъ,—открыта только ради себя самой, слѣд.,—составляетъ собственный предметъ того наученія, которое Богъ намѣревался дать человечеству, и потому составляетъ, по-преимуществу, предметъ вѣры, требуемой Богомъ;—между тѣмъ какъ другая часть истинъ сообщена случайно, только для подтвержденія и освѣщенія первыхъ истинъ», а также для большей «полноты и картинности описанія». Эти-то послѣднія истины и называются у Шеебена «откровенными *per accidens*». Такое же понятіе объ этихъ истинахъ даютъ и другіе новосхоластикъ, напр. Гейнрихъ (т. II, стр. 633—634).

постолкованіе откровенныхъ Писаній, а также—на послѣдовательное развитіе содержанія откровенія, кратко—на весь «*katholicus intellectus*» ¹⁾. Итакъ, отцы церкви имѣютъ полный авторитетъ не только какъ свидѣтели о той вѣрѣ, которую исповѣдывала церковь въ ихъ время, но и какъ учителя, изъясняющіе и развивающіе религиозную истину ²⁾. «Они,—говоритъ Шеебенъ,—служатъ какъ глаза, посредствомъ которыхъ церковь проникаетъ въ откровенную истину, и устами, чрезъ которыя церковь говоритъ своимъ чадамъ, а Духъ Святой—церкви» ³⁾.

Указавъ ту область, на которую простирается авторитетъ св. отцовъ, наши богословы заботливо отмѣчаютъ и тѣ условія, при которыхъ этотъ авторитетъ долженъ имѣть различную степень силы и дѣйствія.

Прежде всего, «что касается авторитета *отдѣльныхъ* отцовъ, то, естественно, не можетъ быть и рѣчи о *собственной* и *абсолютной непогрѣшимости* ихъ»; самое признаніе со стороны церкви является гарантіею только за истину нѣкоторыхъ извѣстныхъ сочиненій отцовъ (напр.,—анаематизмы св. Кирилла), но отнюдь не за истину всего ихъ ученія. Здѣсь можно быть увѣреннымъ только въ томъ, что тому или другому ученію отца въ его время не про-

1) Ibidem.

2) Ibid. п. 376.—Подобнымъ же образомъ и Перроне различаетъ въ отцахъ церкви качество свидѣтеля и качество учителя (*doctoris*), при чемъ авторитетъ ихъ въ первомъ отношеніи поставляетъ гораздо выше, чѣмъ авторитетъ въ послѣднемъ отношеніи.—См. «*De locis theol.*» pars II, pp. 451—452. На этомъ-то основаніи Перроне рекомендуетъ, далѣе, различать въ писаніяхъ отцовъ самый «*объектъ* вѣры, который они защищаютъ въ качествѣ свидѣтелей преданія, от *мотива* или того способа, которымъ они подтверждаютъ его (объектъ)». «Ибо,—замѣчаетъ онъ при этомъ,—въ предложеніи объекта вѣры они истинно выдаютъ себя за свидѣтелей; въ разсужденіи же, посредствомъ котораго они защищаютъ и доказываютъ его, они поступаютъ уже какъ учителя (*doctores*); иногда они приводятъ очень слабыя доказательства, благодаря которымъ, однако, истина самого объекта не можетъ быть ослаблена» Ibid. п. 454.

3) Впрочемъ, и Шеебенъ соглашается ограничить авторитетъ отцовъ церкви однимъ засвидѣтельствовашемъ церковнаго ученія, если подъ этимъ засвидѣтествованіемъ подразумѣвать и самое выраженіе ученія, а подъ собственнымъ ученіемъ отцовъ разумѣть только ихъ личныя мнѣнія, родъ и форму доказательства, равно какъ и замѣчанія о такихъ предметахъ, которые стоятъ только въ отдаленномъ отношеніи къ предмету церковнаго учительства.—Ibidem.

тивустояло какое-нибудь общезвѣстное церковное ученіе и что, поэтому, оно не заслуживало цензуры и запрещенія. Впрочемъ, при особыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ бываетъ возможна нравственная увѣренность въ истинѣ звѣстнаго ученія отца церкви, напр., когда какой-нибудь знаменитый отецъ въ теченіе долгаго времени выдавалъ это ученіе за каѳолическую истину, а противпковъ его объявлялъ еретиками, при чемъ церковь не выражала никакого противорѣчія этому ¹).

Все это,—по замѣчанію Шеибена,—имѣетъ приложеніе и къ авторитету нѣсколькихъ или даже большаго числа согласныхъ между собою отцовъ ²).

Полную свою силу и значеніе авторитетъ отцовъ получаетъ въ случаѣ *согласія всѣхъ отцовъ*; тогда авторитетъ ихъ поставляется наравнѣ съ авторитетомъ церкви вообще, вселенскихъ соборовъ и папскихъ рѣшеній, слѣд.—ему приписывается непогрѣшимость ³). А такъ какъ въ дѣйствительности (*in concreto*) невозможно узнать мнѣнія всѣхъ отцовъ относительно каждаго ученія (напр., по недостатку документовъ), и такъ какъ, съ другой стороны, Духъ Святой заботится о томъ, чтобы изъ существующихъ на лицо отеческихъ выраженій не возникло ложное *consensus patrum*,—то можно и должно принимать какъ вполне доказанное *consensus patrum* и въ томъ случаѣ, если всѣ тѣ отцы, выраженія которыхъ фактически сохранились до насъ и даже только *относительно* *многіе* изъ нихъ единогласно свидѣтельствуютъ объ известномъ ученіи. При этомъ, можно даже удовольствоваться священнымъ числомъ 10 или 12 отцовъ ⁴).

Кромѣ численности отцовъ, авторитетъ ихъ свидѣтельства много зависитъ и отъ самой формы, въ которой оно бываетъ выражено. Если, именно, согласные между собою отцы,—всѣ или, по край-

1) Ibid. n. 378.—Срав. у Перропе—подобныя же мысли въ указанномъ трактатѣ n. 453; у Гейриха, стр. 108 и сл.

2) Ibid.

3) n. 379.

4) Ibid.

ней мѣрѣ, большинство изъ нихъ,—формальнымъ образомъ свидѣтельствуя о томъ или другомъ ученіи, какъ объ общезвѣстномъ догматѣ церкви,—то этимъ самымъ вполне бываетъ доказанъ *догматическій характеръ* и непогрѣшимая истина этого ученія, слѣдовательно—и непогрѣшимость самого отеческаго свидѣтельства. Напротивъ, если у согласныхъ между собою отцовъ (также у всѣхъ или у большей части изъ нихъ) недостаетъ такого формальнаго засвидѣтельствованія общезвѣстной церковной вѣры, а есть только определенное и рѣшительное выраженіе ученія,—то ученіе это уже не можетъ быть признано за формальный догматъ и абсолютно-непогрѣшимую истину, слѣдовательно—и авторитетъ самихъ отцовъ не безусловно обязателенъ (хотя все-таки прямое отверженіе его обнаружитъ собою дерзость и подвергнется цензурѣ) ¹⁾.

Таковъ, по воззрѣнію новѣйшихъ ультрамонтанскихъ богослововъ, авторитетъ св. отцовъ, какъ свидѣтелей и проводниковъ догматическаго церковнаго преданія ²⁾.

В) Прострая отеческій періодъ до XII вѣка, эти богословы утверждаютъ, дакъ, что дѣятельность отцовъ въ качествѣ свидѣтелей и проводниковъ преданія, а также и въ качествѣ учителей, развивавшихъ принятое отъ древности ученіе, продолжали непосредственно примыкающіе къ нимъ средневѣковые богословы, по преимуществу—схоластическіе ³⁾. Эти позднѣйшіе богословы, разсматриваемые въ отношеніи указанной двойкой дѣятельности своей, имѣютъ,—по замѣчанію Шеебена,—весьма важный авторитетъ, который, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, равняется даже авто-

¹⁾ Ibid. Ср. нѣкоторыя подобныя же замѣчанія у Перроие (тамъ-же).

²⁾ Католическіе богословы болѣе свободнаго направленія признаютъ полное и непреложное значеніе за согласнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ отцовъ церкви (Kuhn, Dogm. s. 26); подробныхъ же какихъ-нибудь разсужденій о большей или меньшей нравственной достовѣрности частныхъ показаній одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ отцовъ у нихъ не встрѣчается.

³⁾ Reggione, *ibid.* n. 456. Шеебенъ къ средневѣковымъ схоластикамъ присоединяетъ также и позднѣйшихъ знаменитыхъ богослововъ «послѣднихъ трехъ столѣтій» (Dogmat. n. 384).

ритету св. отцовъ ¹⁾. На эти-то обстоятельства, уравнивающія авторитетъ позднѣйшихъ богослововъ съ авторитетомъ св. отцовъ, мы и обратимъ здѣсь вниманіе. Именно, Шесбенъ полагаетъ, что «авторитетъ согласныхъ между собою знаменитыхъ богослововъ можетъ породить полную увѣренность въ католической истинѣ какого-либо ученія, если, съ одной стороны, это ученіе преподается какъ совершенно достоверное, а съ другой—преподается какъ таковое *всѣми и постоянно*,—словомъ, если существуетъ *consensus universalis et constans non solum opinionis, sed firmæ et ratæ sententiæ* ²⁾. «Въ этомъ случаѣ,—говоритъ нашъ богословъ,—*consensus theologorum* точно такъ же, какъ и *consensus Patrum*, служитъ вѣрнымъ признакомъ того, что ученіе, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно принадлежитъ, тѣмъ или другимъ образомъ, къ католической истинѣ ³⁾. Частнѣе: если всѣ богословы согласны между собою въ томъ, что извѣстное ученіе есть церковный догматъ, то этимъ съ неопровержимостію бываетъ доказано, что ученіе это дѣйствительно есть догматъ, и что отрицаніе его было бы ересью; если же богословы соглашаются только въ томъ, что извѣстное ученіе не можетъ быть отвергаемо безъ вреда для католической истины вообще, то этимъ доказывается, что это ученіе дѣйствительно принадлежитъ какъ-нибудь къ католической истинѣ; если, наконецъ, богословы согласно заявляютъ просто только о томъ, что они считаютъ какое-нибудь ученіе за достоверное и достаточно доказанное, то и въ такомъ случаѣ отрицаніе этого ученія было бы дерзостью (*temeraria*) ⁴⁾. Словомъ, о чемъ бы ни свидѣтельствовали схоластическіе богословы и ихъ позднѣйшіе послѣдователи, все это, по представленію новѣйшихъ ультрамонтанскихъ богослововъ, безусловно обязательно для тепе-

¹⁾ Scheeben, n. 387.

²⁾ Т. е. «если существуетъ всеобщее и постоянное согласіе не только въ простомъ мнѣніи, но и въ твердомъ, неизмѣнномъ убѣжденіи».

³⁾ Dogmatik, n. 390.

⁴⁾ Ibid.

решенныхъ и будущихъ догматическихъ, лишь бы только свидѣтельство это было высказано у нихъ съ единодушнымъ согласіемъ ¹⁾.

Заслуживаютъ вниманія и самыя основанія, приводимыя въ пользу обязательнаго значенія этого *consensus theologorum*. Такихъ основаній Шеибенъ указываетъ три. Сущность перваго изъ нихъ можно выразить слѣдующимъ образомъ: при разсужденіи объ отвлеченныхъ истинахъ весьма легко возникаютъ, обыкновенно, самыя различныя мнѣнія; если же теперь въ извѣстномъ какомъ-нибудь случаѣ такого различія нѣтъ, а на мѣсто его, напротивъ, является полное согласіе всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ, — то это служитъ явнымъ доказательствомъ того, что общепризнанная истина имѣетъ для себя самое твердое основаніе. Это вполне согласно и съ основнымъ положеніемъ Тертуліана: *«quod apud multos unum invenitur, non est erratum, sed traditum»* ²⁾. Второе основаніе въ пользу той-же самой мысли состоитъ въ томъ, что «согласіе богослововъ предполагаетъ и заключаетъ въ себѣ и согласіе учащей церкви», — по положенію бл. Августина: *«error, cui non resistitur, approbatur, et veritas, quae non defenditur, opprimitur»* ³⁾. И это тѣмъ болѣе приложимо къ средневѣковымъ богословамъ, что сама церковь въ особенности почтила богословскія школы среднихъ вѣковъ не меньшею рекомендаціею, чѣмъ какой удостоилась и св. отцы. Наконецъ, третье и самое главное основаніе заключается въ слѣдующемъ: «хотя богословы и не имѣютъ прямого обѣтованія Св. Духа, однако, приличествующее учащей и послушающей церкви соприсутствіе Св. Духа требуетъ, чтобы Онъ предохранялъ отъ заблужденія и всю совокупность богослововъ, потому что, въ противномъ случаѣ, послушающая церковь, которая слѣдуетъ за ними

¹⁾ Перроне весьма ясно высказываетъ эту мысль о безусловной обязательности согласнаго свидѣтельства схоластическихъ богослововъ въ томъ же трактатѣ, п. 457.

²⁾ Т. е.: «что оказывается у многихъ совершенно одинаковымъ, то не есть слѣдствіе заблужденія, но слѣдствіе преданія».

³⁾ Т. е.: «заблужденіе, противъ котораго не возстаютъ, (черезъ это самое) одобряется, и истина, которой не защищаютъ, (черезъ это же самое) опровергается».

и довѣряется имъ, и вмѣстѣ Церковь учащая, члены которой выходятъ изъ ихъ школы, были бы введены въ заблужденіе» ¹⁾.

Итакъ, постоянное согласное свидѣтельство всѣхъ средневѣковыхъ и позднѣйшихъ богослововъ относительно какого-нибудь догматическаго ученія служить непогрѣпительнымъ и общеобязательнымъ выраженіемъ непреложной истины.

Мы опускаемъ здѣсь разсужденія ультрамонтанскихъ богослововъ относительно большей или меньшей авторитетности отдѣльныхъ схоластическихъ богослововъ, порождающей въ соотвѣтственной степени нравственную увѣренность въ истинѣ ихъ ученія; опускаемъ также и разсужденія ихъ о той области, на которую простирается авторитетъ этихъ богослововъ, а также и о необходимости различать въ ихъ сочиненіяхъ объектъ вѣры отъ мотива или способа доказательства его; со всѣмъ этимъ мы познакомились уже при изложеніи ихъ взгляда на сочиненія св. отцовъ; чего же нѣбудь новаго и особеннаго, сравнительно съ тѣмъ, что было сказано ими относительно этихъ послѣднихъ, мы не находимъ у нихъ въ настоящемъ случаѣ. Но мы желали бы здѣсь обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Богословы либеральные совсѣмъ не упоминаютъ о какомъ-нибудь особенномъ значеніи схоластическихъ и позднѣйшихъ богослововъ, какъ носителей и проводниковъ апостольскаго преданія. И есть даже основанія думать, что они положительно отвергаютъ подобную мысль. Такъ, напр., Кунъ старается провести и обосновать то положеніе, что доказательство изъ преданія въ догматикѣ имѣетъ ту цѣль, чтобы «путемъ историческаго изслѣдованія, филологическаго и критическаго разсмотрѣнія извѣстной литературы твердо установить, во что вѣровали апостольскіе мужи (Apostoliker), непосредственно примыкающіе къ Апостоламъ, во что, далѣе, вѣровали слѣ-

¹⁾ Scheeben, Dogmatik, p. 391. Замѣчательно, что самъ Церроне, который вообще очень избѣгателенъ на доказательства, не могъ додуматься до такого сильнаго основанія въ пользу обязательности согласнаго свидѣтельства богослововъ и удовольствовался только первымъ изъ всѣхъ перечисленныхъ у Шеибена оснований. Op. cit. p. 457.

довавшие за ними отцы церкви, (вѣровали) какъ въ христіанскую истину, что провозвѣщали они какъ апостольское ученіе, и какъ они на основаніи этой вѣры и этого ученія, пзъясняли Священное Писаніе» ¹⁾. Поэтому, по мнѣнію Куна, догматистъ можетъ считать свою задачу въ отношеніи къ преданію вполне оконченною только тогда, когда онъ докажетъ указаннымъ путемъ, что «то же самое, во что и теперь вѣрують и учать въ церкви, по существенному своему содержанію—составляло предметъ вѣры и ученія отъ самыхъ апостольскихъ временъ» ²⁾. А если такъ, то само собою понятно уже, какъ этотъ богословъ долженъ относиться къ сочиненіямъ средневѣковыхъ и позднѣйшихъ богослововъ; нѣтъ сомнѣнія, что для доказательства апостольскаго происхожденія того или другого ученія онъ отнюдь не обратится къ сочиненіямъ этихъ авторовъ, удаленныхъ отъ апостоловъ весьма большимъ разстояніемъ десяти и болѣе столѣтій, но довѣрится только наиболѣе древнимъ памятникамъ общецерковной вѣры ³⁾. Шеебену пзвѣстенъ этотъ взглядъ «либеральныхъ богослововъ», осмѣлившихся отвергать «*auctoritas theologorum scholasticorum*» — но онъ видитъ въ этомъ непониманіе и искаженіе самой сущности церковнаго преданія. Вотъ собственныя слова его по этому поводу: «говорили» ⁴⁾, что доказывать преданіе должно посредствомъ свидѣтелей древнѣйшаго времени, потому что дѣло идетъ объ историческомъ фактѣ,—о томъ, что какое-нибудь ученіе передано отъ апостоловъ; но этимъ отрицается особая сущность церковнаго преданія и всегда — жизненный характеръ его» ⁵⁾. И

¹⁾ Dogmatik, Bd. 1, s. 217

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibid. s. 218.

⁴⁾ Онъ разумѣетъ собственно либеральныхъ богослововъ прошлаго столѣтія; но не трудно видѣть, что слова его прямо направляются и по адресу Куна.

⁵⁾ Dogmatik, n. 385. Сущность же и отличительный характеръ церковнаго преданія Шеебенъ поставляетъ,—какъ это видно изъ его ученія о законахъ развитія преданія,—въ самомъ тѣсномъ сцѣпленіи однихъ истинъ съ другими, какое сцѣпленіе имѣетъ, по нему, троякій видъ,—именно: «*fides minorum (veritatum)*» заключается въ *fides majorum (veritatum)*, *fides posteriorum*—въ *fides majorum* (т. е. *antecessorum*), *fides minorum (membrorum ecclesiae)*—въ *fides majorum*

дѣйствительно, мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что Шеебенъ отнюдь не ставитъ для догматиста такой трудной задачи въ отношеніи къ преданію, какую поставилъ ему Кунъ. Онъ вовсе не требуетъ, чтобы догматистъ постарался доказать абсолютную, т. е. апостольскую, древность какой-либо истины, дошедшей до насъ по преданію; съ его точки зрѣнія, это было бы даже излишне; тѣмъ болѣе, ужъ положительно *глупо* было бы (*es wäre thöricht*) ожидать отъ богословской науки во *всѣхъ* догматическихъ ученіяхъ прямого указанія на весь ходъ развитія преданія. Напротивъ, для догматиста вполне достаточно, если онъ докажетъ древность истины только относительную ¹⁾; а въ этомъ-то послѣднемъ случаѣ, конечно, схоластическіе богословы могутъ оказать ему весьма существенную услугу ²⁾.

К) Не послѣднее мѣсто въ ряду всѣхъ проводниковъ божественнаго Преданія занимаютъ у новѣйшихъ ультрамонтанскихъ богослововъ и самые еретики, отлученные церковію ³⁾. По словамъ Перроне, они «даютъ намъ двойное, весьма ясное, свидѣтельство объ истинной вѣрѣ и догматическомъ преданіи, и именно, — какъ въ томъ, что они удерживаютъ (изъ церковнаго ученія, отдѣляясь отъ церкви), такъ и въ томъ, что они оспариваютъ» ⁴⁾. Въ первомъ случаѣ они свидѣлствуютъ о преданіи положительнымъ

gum (membrum ecclesiae) — п. 315. Ann. 1. Это значитъ, что, если древняя церковь вѣровала въ какую-нибудь пзвѣстную истину, изъ которой церковь позднѣйшая вывела другую, то эта послѣдняя уже заключалась въ той истинѣ, и слѣд., древняя церковь вѣровала, въ сущности, и въ новѣйшую истину. Точно также, вѣра потомковъ всегда заключалась уже въ вѣрѣ предковъ, и вѣра низшихъ членовъ церкви заключается въ вѣрѣ членовъ высокопоставленныхъ. Очевидно, что при такихъ воззрѣніяхъ, строго говоря, и не должно было бы требовать историческихъ доказательствъ въ пользу того, что нѣтъ преданія никогда не порывалась и теперешняя вѣра церкви не отлична отъ древней вѣры ея.

¹⁾ п. 363; 370.

²⁾ Въ томъ, именно, предположеніи, что *fides posterorum* (каковы средневѣковые схоластики) заключается въ *fides majorum* (каковы предшественники ихъ — отцы церкви и мужи апостольскіе).

³⁾ Perrone, Tract. «de locis theol.» pars 11, sect. 11, cap. 11, § VIII. Scheeben, Dogmatik, 358. Heinrich, s. 88 ff. У перваго болѣе подробно; его мы и будемъ держаться теперь.

⁴⁾ Ibid. n. 460.

образомъ, во-второмъ—отрицательнымъ. И, прежде всего,—во всемъ томъ, что они имѣютъ общаго съ церковію, они служатъ «неподвунными свидѣтелями о той древней вѣрѣ, которая сохранялась въ церкви, когда они сами удалились отъ нея, или же были отлучены ею»; и въ этомъ случаѣ, чѣмъ древнѣе еретики, тѣмъ достопримѣчательнѣе ихъ свидѣтельство ¹⁾. Въ поясненіе и подтвержденіе этого богословъ приводитъ множество примѣровъ изъ древней церковной исторіи. Вотъ одинъ изъ нихъ: «Евѣионы и Керинѣяне являются для насъ свидѣтелями о томъ, что церковь вѣровала въ истинное человѣчество Христа, потому что и сами они провозглашали, что Христосъ былъ истинный человѣкъ, даже несоединенный ни съ чѣмъ (pugus)» ²⁾. Равнымъ образомъ, еретики представляютъ замѣчательный документъ древней католической вѣры и преданія даже въ той части церковнаго ученія, на которую они нападали. Это потому,—говоритъ Перроне,—что если бы то ученіе не господствовало въ церкви въ вѣкъ каждой отдѣльной секты, то еретики никогда и не возстали бы на него, и не были бы осуждены и отвержены церковію, какъ новаторы. Ибо кто будетъ отрицать, что церковь исповѣдывала три различныя лица въ Богѣ, когда Савелліане измыслили единое лицо въ тремъ Богѣ? или,—что она вѣровала въ божественность Слова, когда Аріане безразсудно говорили, что это божественное Слово сотворено?» ³⁾. Ко всему этому Перроне прибавляетъ, что даже «изъ того самаго основанія, на которомъ древніе еретики возставали противъ какой-либо католической истины, и изъ тѣхъ трудностей, которыя они стремились разрѣшить, можно уразумѣть истинное ученіе церкви и догматическое истолкованіе писаній, а также и тотъ традиціонный образъ мыслей, который нѣкогда такъ же процвѣталъ въ церкви, какъ и теперь процвѣтаетъ» ⁴⁾. Вотъ и примѣръ въ доказательство этого: «когда Тертуллианъ, сдѣлавшись

¹⁾ п. 461.

²⁾ Ibid.

³⁾ п. 462. Здѣсь же приводятся не мало и другихъ подобныхъ примѣровъ.

⁴⁾ п. 463.

уже монтанистомъ, возсталъ противъ индульгенцій, которыя давались епископами по ходатайству мучениковъ, и настаивалъ на дѣйстви одного Христова удовлетворенія съ цѣлю исключить удовлетвореніе мучениковъ,—то не даетъ ли онъ ясное свидѣтельство относительно того образа мыслей и того ученія католической церкви, котораго держалась она касательно этихъ членовъ въ третьемъ вѣкѣ?»¹⁾

Такъ смотря на древнихъ еретиковъ богословы ультрамонтанскіе; напротивъ, у другихъ католическихъ богослововъ (напр., у Куна, Клее) еретики отнюдь не поставляются въ числѣ носителей божественнаго Преданія.

1) Наконецъ, скажемъ нѣсколько словъ и вообще о сочиненіяхъ, касающихся церковной исторіи, въ которыхъ точно также ультрамонтанскіе богословы находятъ непререкаемыя свидѣтельства относительно догматическаго преданія церкви²⁾. Перроне утверждаетъ, какъ несомнѣнную истину, что «исторія, излагающая дѣянія церкви, всего болѣе способствуетъ познанію ея вѣры и преданія»³⁾. А такъ какъ не всѣ исторіи имѣютъ одинаковую важность и не всѣ одинаково слѣдуютъ истинѣ, то для богослова, желающаго пользоваться ихъ трудами, «потребна большая проицательность и критическое искусство»⁴⁾. При этомъ, Перроне указываетъ и тѣ правила, которыя догматистъ долженъ имѣть въ виду, если хочетъ съ успѣхомъ пользоваться учеными историческими изслѣдованіями. Вотъ эти правила, замѣтованные имъ у Кануса: 1) «Кромѣ священныхъ авторовъ, никакой историкъ не можетъ быть надежнымъ, т. е. способнымъ произвести твердую вѣру въ богословіи. 2) Исторіи уважаемые—какъ церковные, такъ

1) Ibid. При этомъ богословъ съ восторгомъ замѣчаетъ, что и самъ Кальвинъ не представилъ въ опроверженіе индульгенцій ничего новаго, сравнительно съ тѣмъ, что высказывалъ уже Тертуліанъ.—Not. 2.

2) Perrone, *ibid.* § 9; у Шеибена краткое замѣчаніе объ этомъ — п. 358; у Гейнриха, стр. 92 и сл.

3) Ibid. n. 468

4) n. 466.

и свѣтскіе—доставляютъ богослову твердый аргументъ, какъ для подтвержденія своихъ сужденій, такъ и для опроверженія ложныхъ мнѣній противниковъ. 3) Если всѣ одобренные и уважаемые исторіи сходятся въ одномъ и томъ же дѣяніи, то отъ ихъ авторитета замѣтается надежный аргументъ, такъ что догматы богословія утверждаются даже на весьма прочномъ основаніи¹⁾, У другихъ католическихъ богослововъ (Кунъ, Клее) мы рѣшительно не встрѣчаемъ даже и намека на то, будто бы изъ позднѣйшихъ ученыхъ историческихъ изслѣдованій можно замѣтывать доказательства въ пользу догматическихъ, апостолами преданныхъ истинъ.

М) Намъ остается теперь показать, какое значеніе приписываютъ новѣйшіе ультрамонтанскіе богословы различнымъ археологическимъ памятникамъ, какъ документамъ древне-церковнаго преданія²⁾. Говоря вообще, всѣмъ этимъ памятникамъ приписывается чрезвычайно важное значеніе. Перроне, напр., прямо заявляетъ о нихъ, что, «восходя къ самому началу христіанской религіи, они представляютъ величайшую силу убѣдительности, такъ что многіе, которыхъ нельзя было тронуть писаніями св. отцовъ, или декретами соборовъ и другими аргументами этого рода, признали истину, побѣжденные, наконецъ, этими древнѣйшими памятниками, и, отвергнувъ заблужденія, возвратились въ лоно католической церкви»³⁾.

(скажемъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ частности, и прежде всего—о надписяхъ.

Сохранившіяся до насъ надписи представляютъ собою, по мнѣнію Перроне, весьма ясныя свидѣтельства относительно церковнаго преданія самыхъ древнихъ временъ; и онѣ тѣмъ драгоцѣннѣе для современнаго догматиста, что отъ первыхъ вѣковъ суще-

1) п. 469.

2) Подъ этими памятниками у Перроне разумѣются «надписи, монеты, печати, лампы, стекла, живописныя и скульптурныя изображенія, мозаическія произведенія, саркофаги, усыпальницы (катакомбы), священныя зданія, и пр. т. под. Op. cit. п. 470, 475. Срав. почти то же самое у Шебена, п. 356 и 358; у Гейнриха, стр. 31 и сл.

3) Ibid. п. 470.

ствованія церкви до насъ дошло лишь весьма немного отеческихъ писаній. Изъ нихъ можно замѣтствовать самыя неопровержимыя доказательства въ пользу многихъ догматическихъ истинъ, въ особенности — касательно единства существа и троичности лицъ въ Божествѣ, относительно таинствъ—Крещенія, Миропомазанія (con-firmatio), Евхаристіи, относительно призыванія и почитанія святыхъ и проч. Напр., что касается Крещенія младенцевъ, то,—по словамъ Перроне, — «имѣется почти безчисленное множество камней, на которыхъ говорится о младенцахъ, только-что омоченныхъ и названныхъ *fideles* и *neophyti*. Такъ, у Викторія дѣвочка девяти мѣсяцевъ называется *Tecla fidelis*; равнымъ образомъ, Викторъ LXXX дней называется у Болдетта *Neophytus*» ¹⁾.

А вотъ и тѣ правила, которымъ долженъ слѣдовать догматистъ, чтобы извлечь по возможности большую пользу изъ употребленія древнихъ надписей,— «1) Должно установить древность тѣхъ камней, свидѣтельство которыхъ приводится; 2) прежде чѣмъ заносить надписи въ богословскій трактатъ, ихъ должно прочесть какъ-можно точнѣе; 3) въ особенности должно стараться, чтобы понять надписи въ правильномъ и истинномъ смыслѣ; 4) должно остерегаться, чтобы не принять какія-нибудь фразы въ превратномъ смыслѣ; 5) чтобы вывести изъ надписей твердое доказательство, для этого полезно будетъ сносить одну надпись съ другою; 6) должно сносить надписи съ другими, наиболѣе достовѣрными памятниками того же вѣка; 7) наконецъ, должно принимать въ соображеніе не только надписи, но и украшенія ихъ, и изъ этихъ послѣднихъ должно заключать о смыслѣ первыхъ, или же выводить новый аргументъ» ²⁾.

Точно также и изъ остальныхъ памятниковъ христіанской древности «можно добыть,—по мнѣнію того же богослова,—весьма много свидѣтельствъ касательно древняго преданія христіанъ» ³⁾.

¹⁾ Ibid. п. 472, гдѣ приводится много и другихъ подобныхъ примѣровъ, подтверждающихъ различныя догматическія истины — (Victorius et Boldettus — извѣстные собиратели древнихъ памятниковъ—п. 475).

²⁾ п. 473.

³⁾ п. 475.

И, прежде всего,—изъ нихъ мы узнаемъ, что «въ церкви была упрочена верховная власть Петра»; или же опровергается и «парадоксъ о двойкой главѣ (*de bicipite capite*) церкви—Петръ и Павлъ» ¹⁾. Вотъ и фактическое подтвержденіе всего этого. «Въ флорентинскомъ музеѣ сохраняется бронзовая лампа (*aenea lucerna*), на которой изображена лодка, представляющая собою употребительный у древнихъ христіанъ символъ церкви; на кормѣ ея сидитъ Петръ и держитъ руль, между тѣмъ какъ на передней части ея стоитъ Павелъ въ положеніи говорящаго оратора,—²⁾ чѣмъ, очевидно, одинъ только Петръ обозначается, какъ верховный правитель церкви, въ рукахъ котораго находится управленіе ея» ³⁾. Любопытенъ также другой подобный примѣръ, любопытенъ не столько самъ по себѣ, сколько по тому выводу, который дѣлается на основаніи его у католическихъ догматистовъ.—На стеклянномъ обломкѣ изображены оба Апостола, Петръ и Павелъ. Павелъ представляется съ открытыми устами и говорящимъ предъ собраніемъ; Петръ же раскрываетъ три пальца правой руки, по обычаю епископа, молящагося о благополучіи народа. «Этимъ,—заключаетъ Перроне,—изображается, конечно, верховная власть Петра и надъ Павломъ, и надъ всѣмъ Господнимъ стадомъ» ⁴⁾.

Не будемъ приводить множества другихъ примѣровъ, посредствомъ которыхъ Перроне хочетъ наглядно научить католическихъ

1) *Ibid.*

2) Буквально: «съ такими жестами, съ такими устами, съ какими долженъ быть изображенъ ораторъ, произносящій рѣчь» — «*eo gestu, illo ore, quo verba faciens orator sit exprimentus*».

3) *Ibid.* Здѣсь Перроне приводитъ въ примѣчаніи слова Маффейя объ этой же лампѣ, который, между прочимъ, съ восторгомъ восклицаетъ, что «этотъ памятникъ краснорѣчивѣе самыхъ книгъ». (Подлинныя слова этого итальянскаго автора Перроне передаетъ по-латыни въ концѣ своей книги,—стр. 589).—Другой ученый, Гваданий, цитруемый здѣсь же у Перроне, слишкомъ чистосердечно заявляетъ по поводу той же самой лампы, что «въ пользу правъ Римскаго Первосвященника нельзя представить ничего болѣе вѣскаго (*ponderosius*), чѣмъ этотъ памятникъ». Нельзя не поблагодарить за столь откровенное признаніе...

4) *Ibid.*—Оставалось только добавить: вотъ самое неопровержимое доказательство изъ божественнаго Преданія въ пользу того, что догматъ о главенствѣ Римскаго Первосвященника признавался Церковію еще въ первые вѣка!

догматистовъ извлекать изъ различныхъ останковъ христіанской древности «сильнѣйшія доказательства» въ пользу догматовъ своей церкви. Скажемъ только, что, разсматривая всѣ, вообще, памятники этого рода, «какъ восполненіе недостатка книгъ, которыхъ отцы, тѣснимые преслѣдованіями язычниковъ, не могли даже обнаружить, или которыя похитило у насъ всепожрающее время» ¹⁾, Перроне видитъ въ нихъ наилучшее средство для доказательства того, что «церковь (католическая) ни въ какомъ членѣ вѣры не сдѣлала нововведенія, инославные же совершенно отступили отъ древняго ученія» ²⁾.

Что касается католическихъ богослововъ болѣе либеральнаго направленія, то у нихъ совсѣмъ не упоминается объ описанныхъ археологическихъ памятникахъ, какъ о документахъ божественнаго Преданія.

Разсматривая ученіе католическихъ богослововъ ультрамонтанскаго направленія о Свящ. Писаніи, мы имѣли уже случай говорить о явномъ стремленіи ихъ, съ одной стороны, расширить первоисточники христіанскаго вѣроученія, съ другой—придать имъ условный характеръ и значеніе, поставивъ ихъ въ полную зависимость отъ верховной іерархической власти. Приступая, затѣмъ, къ изложенію ученія этихъ богослововъ о Св. Преданіи, и въ частности—о тѣхъ посредствахъ или проводникахъ, благодаря которымъ оно дошло до насъ, мы замѣтили предварительно, что и здѣсь мы встрѣтимся съ тѣмъ же самымъ стремленіемъ. Теперь, изложивъ это самое ученіе, мы осмѣливаемся думать, что приобрѣли новое и рѣшительное доказательство въ пользу своихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ иначе,—если только не стремленіемъ расширить первоисточники вѣроученія,—можно объяснить тотъ замѣчательный фактъ, что новѣйшіе ультрамонтанскіе богословы находятъ теперь непогрѣшительную богопреданную истину даже

1) п. 471.

2) п. 478.

тамъ, гдѣ не думали искать ея не только болѣе либеральныя богословы, но и богословы ультрамонтанскіе же, только писавшіе свои трактаты «de locis theologicis» ¹⁾ нѣсколькими годами ранѣе?

И это стремленіе ультрамонтанскихъ богослововъ представляется намъ явленіемъ вполне естественнымъ, если даже не необходимымъ. Признавъ за догматъ непогрѣшимость папы, эти богословы не могутъ уже быть увѣрены въ томъ, что когда-нибудь будетъ положенъ предѣлъ появленію новыхъ догматическихъ истинъ,— истинъ, которыхъ прежде никто не находилъ ни въ Св. Писаніи, ни въ общепризнанныхъ документахъ божественнаго Преданія. Между тѣмъ, на догматистѣ лежитъ прямая обязанность оправдать всѣ эти, вновь появляющіяся, догматическія истины свидѣтельствами Св. Писанія и Св. Преданія. А такъ какъ въ этихъ послѣднихъ (если принимать ихъ въ томъ же видѣ, въ какомъ они принимались до появленія новыхъ истинъ) не всегда бываетъ возможно подыскать требуемыя доказательства,—то богословъ, естественно, находитъ себя вынужденнымъ расширить ихъ объемъ. И вотъ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ Св. Писанія оказывается уже не одинъ только смыслъ, а одновременно нѣсколько буквальныхъ и духовныхъ смысловъ, даже очень различныхъ между собою.—То же самое и съ Свящ. Преданіемъ. Въ числѣ документовъ, заключающихъ въ себѣ догматическое преданіе вселенской Церкви, наряду съ опредѣленіями вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, оказываются теперь и постановленія римскихъ конгрегацій;—рядомъ съ писаніями св. отцовъ теперь поставляются и ученія произведенія знаменитыхъ схоластиковъ и другихъ позднѣйшихъ богослововъ. При этомъ, какъ тѣмъ, такъ и другимъ одинаково приписывается сверхъестественный даръ непогрѣшимости. Равнымъ образомъ, къ числу же свидѣтелей о Божественномъ Преданіи теперь относятся и всѣ, вообще, ученые историки, даже еретики. И здѣсь совершенно не принимается во вниманіе та очевидная истина, что ссылаться на возрѣнія еретиковъ въ доказательство такого или иного ученія

¹⁾ Т. е. о такихъ мѣстахъ, въ которыхъ сохраняется христіанское вѣроученіе.

церкви возможно только въ томъ случаѣ, когда уже, помимо еретическихъ сочиненій, бываетъ извѣстно изъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, источниковъ, какъ именно относилась церковь къ тѣмъ или другимъ положеніямъ ихъ. Сюда же принадлежатъ, наконецъ, и римскія катакомбы съ своими скульптурными и живописными изображеніями и прочими вещественными памятниками христіанской древности,—причемъ эти послѣдніе нерѣдко оказываются «краснорѣчивѣе самыхъ книгъ» (быть можетъ, даже и священныхъ ?!).

Теперь понятно, что какой бы неслыханный догматъ ни появился въ римской церкви,—богословъ-ультрамонтанинъ едва ли уже затруднится подыскать для него великое множество основаній въ различныхъ смыслахъ Св. Писанія и въ безчисленныхъ документахъ божественнаго Преданія. Только нужно ли говорить здѣсь о томъ, какой безграничный просторъ дается при этомъ субъективному произволу въ дѣлѣ истолкованія Свящ. Писанія и разъясненія смысла различныхъ документовъ Преданія? Мы видѣли, какъ Шеебенъ изъясняетъ извѣстные слова книги Притчей о вѣчной Премудрости, съ цѣлію извлечь отсюда нѣкій *sensus consequens* для обоснованія догмата о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи. Мы видѣли также и у Перроне, какъ католическіе богословы, жаркіе поборники папскаго главенства, изъясняютъ въ пользу этого догмата изображеніе первоверховныхъ Апостоловъ на лодкѣ. И удивительное явленіе! Богословы, извлекающіе изъ одного и того же мѣста Свящ. Писанія множество самыхъ различныхъ смысловъ, какъ-будто бы совсѣмъ и не замѣчаютъ того, что и указанное изображеніе также можетъ имѣть нѣкоторый другой смыслъ, даже прямо противоположный тому, какой оно получило въ ихъ комментаріѣ. Въ самомъ дѣлѣ,—что препятствуетъ истолковать это изображеніе, напр., слѣдующимъ образомъ: «Апостоль Павелъ представленъ въ положеніи говорящаго,—слѣдовательно, ему преимущественно приписывается право учить народъ и дѣлать необходимыя распоряженія касательно хода и направленія лодки, иначе—церковной жизни; Апостоль Петръ изображенъ спящимъ на кормѣ и держащимъ руль,—слѣдовательно, ему при-

писана низшая и даже служебная роль въ отношеніи къ Ап. Павлу, такъ что онъ относится къ послѣднему,—если позволительно такъ выразиться,—какъ простой лоцманъ къ капитану судна». Само собою разумѣется, мы вовсе не хотимъ выдавать это толкованіе упомянутаго изображенія за единственно вѣрное; очень можетъ быть, что возможны и другія, болѣе правильныя, объясненія его: мы хотимъ только указать, какъ много субъективизма и личнаго произвола допускаютъ ультрамонтанскіе богословы въ дѣлѣ объясненія смысла и значенія различныхъ документовъ Св. Преданія. Субъективизмъ—очевидно—нисколько не лучше протестантскаго, съ тѣмъ только различіемъ, что у протестантовъ онъ составляетъ общее достояніе всѣхъ безъ различія, у католиковъ же онъ предоставленъ первѣе всего учащей церкви (собств.—папѣ), а затѣмъ партіи ультрамонтанскихъ богослововъ, которые могутъ фантазировать совершенно безнаказанно, тогда какъ свободной мысли другихъ богослововъ постоянно грозитъ *index*... Наконецъ, предположимъ даже, что приведенное ранѣе ультрамонтанское толкованіе этого изображенія совершенно вѣрно. Допустимъ, что художникъ, авторъ изображенія, дѣйствительно хотѣлъ выразить въ этомъ произведеніи своемъ идею верховнаго главенства Ап. Петра (слѣдовательно—и его преемниковъ—римскихъ первосвященниковъ) въ церкви; допустимъ даже, что при этомъ художникъ явился выразителемъ не своего только субъективнаго и личнаго убѣжденія, а убѣжденія цѣлой римской церкви, къ которой онъ принадлежалъ. Спрашивается: можно ли и въ такомъ случаѣ смотрѣть на этотъ памятникъ, какъ на выраженіе вѣрованія и образа мыслей всей древне-вселенской Церкви? Отнюдь еще нѣтъ. Въ немъ можно видѣть выраженіе образа мыслей одной только римской мѣстной церкви, но не болѣе. Можетъ, конечно, случиться, что въ этой частной церкви еще въ глубокой древности зародилась горделивая мысль о какомъ-то исключительномъ верховномъ положеніи ея епископовъ въ отношеніи ко всей вселенской церкви. Но что изъ этого? Можно ли на этомъ основаніи заключать, что таково было и исконное вѣрованіе и убѣжденіе всей вообще

христіанской церкви?—Или въ какомъ случаѣ. Думать такъ—значило бы возвышать частное преданіе мѣстной церкви надъ общимъ преданіемъ всего христіанскаго міра ¹⁾.

А если такъ, то откровенное заявленіе, что «въ пользу правъ римскаго первосвященника нельзя представить ничего болѣе вѣскаго, чѣмъ упомянутый памятникъ»,—это заявленіе представляется уже не подтвержденіемъ и оправданіемъ, но самымъ лучшимъ опроверженіемъ римскаго догмата.

Итакъ, произвольный субъективизмъ въ толкованіи Св. Писанія и Преданія и возвышеніе частнаго преданія мѣстной церкви надъ преданіемъ обще-церковнымъ,—вотъ печальные результаты отлученнаго стремленія ультрамонтанскихъ богослововъ, стремленія—какъ можно болѣе расширить первоисточники христіанскаго вѣроученія.

Но этого мало. Безъ сомнѣнія, изъ того же самаго стремленія прорастекаетъ и то положеніе новѣйшихъ ультрамонтанскихъ богослововъ, что отцы церкви имѣютъ полный и непреложный авторитетъ не только какъ свидѣтели о древне-церковной вѣрѣ, но и какъ учителя, изъясняющіе и развивающіе религіозную истину. Говоря такимъ образомъ, богословы забываютъ ту несомнѣнную истину, что отцы церкви несравненно достовѣрнѣе тамъ, гдѣ они просто констатируютъ, какъ фактъ, что церковь принимаетъ какъ догматъ, и что она отвергаетъ какъ ересь,—нежели тамъ, гдѣ они предлагаютъ подробное и философское раскрытіе самаго содержанія догмата. Въ первомъ случаѣ они говорятъ во имя авторитета преданія и представляютъ намъ преданное ученіе церкви въ самомъ строгомъ смыслѣ, безъ примѣси своихъ субъективныхъ возрѣній,—тогда какъ, описывая и раскрывая самое содержаніе догмата, они нерѣдко примѣшиваютъ къ этому и свое личное

¹⁾ Впрочемъ, такое возвышеніе частнаго преданія римской церкви надъ преданіемъ всей, вообще, христіанской Церкви не представляетъ для новѣйшихъ ультрамонтанскихъ богослововъ ничего нелѣпаго,—и мы видѣли уже, что Шеебенъ и Гейнрихъ прямо и безъ всякихъ обиняковъ называютъ преданіе римской церкви «нормальнымъ преданіемъ для всей остальной церкви».

умозрѣніе, то выводя догматъ изъ богословской или философской системы, то указывая его мѣсто въ этой системѣ и обосновывая его въ ней. Само собою понятно уже, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ вовсе нельзя смотрѣть на всякое слово св. отцовъ, какъ на непреложную богопреданную истину. Но этого-то и не хотятъ принять во вниманіе ультрамонтанскіе богословы, безотчетно увлекшіеся указаннымъ своимъ стремленіемъ.

Впрочемъ, не будемъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ ошибочныхъ воззрѣній ультрамонтанскихъ богослововъ, которыя, по нашему мнѣнію, явились у нихъ, какъ неизбежные результаты того же самаго стремленія. Такое разсмотрѣніе повело бы насъ слишкомъ далеко. Поэтому, обратимъ вниманіе еще только на одинъ знаменательный фактъ. Оказывается, что, по воззрѣнію богослововъ ультрамонтанскаго направленія, божественное преданіе одинаково можно заимствовать, какъ изъ подлинныхъ историческихъ документовъ, такъ и изъ документовъ не подлинныхъ и даже завѣдомо подложныхъ. Вотъ какъ рассуждаетъ по этому поводу, напр., самъ Шеебенъ: «подлинность документовъ ¹⁾»,—говоритъ онъ,—не зависитъ безусловно отъ того, что они подлинны въ историческомъ смыслѣ, т. е. дѣйствительно происходятъ отъ тѣхъ авторовъ, подъ именемъ которыхъ они являются; коль скоро они бывають приняты въ церкви съ такимъ достоинствомъ, которое соответствуетъ ихъ мнимому происхожденію, то и дѣйствительно имъ принадлежитъ это достоинство; и если они, сообразно съ мнимымъ своимъ происхожденіемъ, выказываютъ притязаніе на абсолютное достоинство (какъ, напр., догматическія декретаціи папъ), то это достоинство принадлежитъ имъ и въ дѣйствительности» ²⁾. Основаніе для этого богословъ находитъ въ дѣятельности Св. Духа, «Который никогда не допуститъ, чтобы церковь приняла въ уваженномъ значеніи какой-нибудь матеріально (т. е. по содержанію)

¹⁾ Подлинность (Authentic) здѣсь понимается какъ подлинность «церковная», т. е. въ смыслѣ истинности содержанія документа, согласнаго съ ученіемъ Церкви.

²⁾ Dogmatik, n. 356.

ложный документъ»¹⁾. Разсматривая, затѣмъ, съ этой точки зрѣнія известныя «Лжеисидоровскія декреталія» и вполнѣ признавая ихъ за выдумку (*Erdichtung*), нашъ богословъ рѣшительно утверждаетъ, что нѣтъ никакого ущерба для истины, если построить на этихъ декреталіяхъ «историческій аргументъ въ пользу преданія первыхъ столѣтій»²⁾. Спрашивается теперь: какой же критерій имѣется у богослова для того, чтобы безошибочно распознать,—содержитъ ли известный подложный документъ истинное, древне-церковное ученіе, или же ученіе ложное, вновь измышленное? Отвѣтъ на это въ общихъ чертахъ уже известенъ. При опредѣленіи истинности содержанія того или другого историческаго документа, должно руководствоваться вовсе не сравненіемъ этого содержанія съ ученіемъ Св. Писанія, равно также и не снесеніемъ его съ другими, подлинно-достоувѣрными документами божественнаго Преданія,—но единственно только голосомъ верховной іерархической власти, издающей законы для всей, вообще, церкви. Если эта власть принимаетъ какой-нибудь завѣдомо-подложный документъ за папскій догматическій декретъ, то этотъ документъ, хотя бы и не былъ таковымъ, долженъ имѣть абсолютный авторитетъ, какъ содержащій непогрѣбительную богопреданную истину.

А отсюда со всею очевидностію открывается и другое, отмѣченное нами, стремленіе ультрамонтанскихъ богослововъ,—стремленіе поставить божественное Преданіе въ полную и непосредственную зависимость отъ верховной власти учащей церкви³⁾. Прекрасно и очень откровенно, нисколько не маскируясь подобно позднѣйшимъ своимъ собратіямъ, высказалъ это Перроне на первыхъ же страницахъ своего трактата «*de verbo Dei scripto et tradito*». *Ecclesiae magisterio*,—говоритъ онъ здѣсь,—*subordinata (est) Scriptura et Traditio*,—*cum ejus tantum sit tum de veris ac genuinis Scripturis earumque legitimo sensu, tum de veris divinisque traditionibus judicare...*⁴⁾

1) Ibid.

2) п. 357.

3) Точно такъ же, какъ это было и съ Священнымъ Писаніемъ.

4) Vol. IX. п. 3.

Но признавъ право судить о вселенской истинѣ исключительною принадлежностію «Христова Канцлера», ультрамонтанскіе богословы признали тѣмъ самымъ и возможность появленія въ будущемъ новыхъ документовъ Божественнаго Преданія, изъ которыхъ точно также, по мѣрѣ надобности, можно будетъ извлекать «историческіе аргументы въ пользу преданія первыхъ столѣтій» для оправданія новыхъ догматовъ, могущихъ появиться въ римской церкви.

Итакъ, самыя условія церковной жизни, именно—появленіе въ римской церкви новыхъ догматовъ и возможность такого же появленія ихъ на будущее время,—вынудили приверженцевъ папской непогрѣшимости не только расширить первоисточники христіанскаго вѣроученія, но и допустить въ принципѣ возможность дальнѣйшаго ихъ расширенія.

А. Шосткинъ.

(Продолженіе будетъ).

О ЦЕРКОВНЫХЪ ПЛОДОПРИНОШЕНІЯХЪ.

Слово *плодоприношенія* имѣетъ разныя значенія. Буквально это значить *приношенія плодовъ*. Въ такомъ значеніи мы видимъ употребленіе этого слова, напр., въ 7 пр. Гангрскаго собора. Правило это издано было, какъ извѣстно, противъ Евстафіанъ, которые начатки древесныхъ плодовъ, приносимые вѣрными, принимали и раздѣляли сами, безъ вѣдома епископа. Указанное значеніе этого слова подтверждается и филологическими данными: греческому слову *καρποφορίας* въ латинскомъ текстѣ соотвѣтствуютъ прямо слова *fructos oblatos*¹⁾. Но кромѣ употребленія въ этомъ буквальномъ значеніи, или въ тѣсномъ смыслѣ приношенія плодовъ, слово *плодоприношенія* имѣетъ и другой, гораздо болѣе широкій, смыслъ: иногда оно служитъ какъ терминъ, означающій *всѣ вообще приношенія въ Церковь*. Въ такомъ значеніи это слово употребляется въ Постановленіяхъ Апостольскихъ. Въ IV кн. 6 гл. Ап. Пост. перечисляются тѣ личности, отъ которыхъ епископъ, по причинѣ ихъ грѣховной жизни, не долженъ принимать *плодоприношеній*, какъ сказано тамъ. Изъ смысла этого мѣста видно, что рассматриваемое нами слово означаетъ не одни только приношенія плодовъ, а всѣ вообще приношенія церковныя, все, что христіане приносили съ собою въ церковь. Такое пониманіе подтверждаетъ и латинскій текстъ Пост. Апостоль-

¹⁾ Beveregius. *Zυνοδικόν, sive pandectae canonum ss. apostolorum et conciliorum*. T. I. p. 420.

скихъ, въ которомъ славянскому термину *плодоприношенія* соответствуетъ слово *oblaciones* ¹⁾, означающее *всякія вообще приношенія*, а не *fructi oblati*—*приношенія плодовъ*, какъ въ 7 и 8 правилахъ Гаягрскаго собора. Въ послѣднемъ смыслѣ терминъ *плодоприношенія* употребляетъ и наша славянская Кормчая книга. Въ толкованіи на 7—е пр. Гаягрскаго собора тамъ такъ говорится: «аще кто плодоношенія церковная, рекше, всякъ приносъ, приносимый въ церкви....» Означая собою всякія вообще приношенія въ церковь, т. е. все то, что именно можно *принести* ²⁾; терминъ *плодоприношенія* въ такомъ случаѣ необходимо обнимаетъ собою и начатки съ десятинами, которые въ древнее время приносились въ христіанскую церковь.

Обычай дѣлать посильныя приношенія на церковь въ новомъ завѣтѣ восходитъ къ самому началу устроенія христіанской церкви. Казна, хранившаяся у ап. Іуды, вся состояла изъ тѣхъ добровольныхъ пожертвованій, которыя послѣдователи Христа приносили Ему и Его апостоламъ (Іоан. XII, 6; Лук. VIII, 2—3). Послѣ вознесенія І. Христа на небо и сошествія Св. Духа на апостоловъ, въ первыя времена христіанства, мы видимъ то же самое: христіане приносятъ на церковь, что и сколько кто желаетъ, и церковная казна составляетъ исключительно изъ этихъ приношеній. При этомъ нужно сказать, что въ самое первое время послѣ основанія церкви замѣчается особенная ревность къ церковнымъ приношеніямъ: нѣкоторые жертвуютъ даже болѣе, чѣмъ позволяютъ ихъ средства (2 Кор. VIII, 2, 3). Такая горячая ревность къ пожертвованію на церковь въ первое время особенно проявляется въ Іерусалимской церкви: «никто изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее» (Дѣян. IV, 32), говоритъ писатель Дѣяній. Это усердіе христіанъ къ церкви Божіей, въ разной степени проявлявшееся въ церковныхъ приношеніяхъ, составляетъ вообще одну изъ характеристическихъ чертъ христіанской жизни первыхъ трехъ вѣковъ. Ирней, писатель II вѣка, говоритъ, что іудей по-

¹⁾ Patrologiae cursus completus, T. I. p. 811.

²⁾ Поэтому недвижимая собственность не подходитъ подъ это опредѣленіе.

свящаютъ Богу десятины отъ всего, что имѣютъ; христіане же свободные (т. е. отъ ветх. закона) все, что имѣютъ, опредѣляютъ на пользу Господню, охотно и свободно давая самое большее, какъ имѣющіе большую надежду ¹⁾. По свидѣтельству Тертуліана (кон. II в. и нач. III в.), каждый вѣрующій въ то время считалъ своею нравственною обязанностію принести посильное пожертвованіе въ церковь ²⁾. Прийти въ церковь съ пустыми руками и не «почтить Господа отъ праведныхъ трудовъ своихъ» (кн. Притч. III, 9) считалось въ то время страннымъ, выходящимъ за предѣлы христіанскаго обычая, поступкомъ ³⁾. Такіе поступки вызывали обличенія со стороны пастырей церкви. Такъ, Кипріанъ (III в.) упрекаетъ знатныхъ женщинъ за то, что онѣ ничего не жертвуютъ ⁴⁾. Впрочемъ, указанное обличеніе Кипріана сколько, съ одной стороны, свидѣтельствуется, вмѣстѣ съ Апостольскими Постановленіями и Тертуліаномъ, о томъ, что осуждаемые имъ поступки были, вообще, противны духу христіанъ того времени; столько же, съ другой, говоритъ и за то, что случаи ослабленія ревности къ пожертвованію на церковь въ половинѣ третьяго вѣка являются несомнѣнными фактами. Въ IV вѣкѣ этотъ упадокъ усердія вѣрующихъ къ плодоприношеніямъ церковнымъ достигаетъ уже такой степени, что возникаетъ забота объ обезпеченіи церковныхъ доходовъ пріобрѣтеніемъ недвижимой собственности. Поэтому исторія плодоприношеній, какъ исключительныхъ доходовъ церкви, обнимаетъ собою, строго говоря, собственно только первые три вѣка христіанства. Съ IV же вѣка, когда церковь, получивъ права гражданства, получила вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность пріобрѣтать недвижимую собственность, послѣдняя, по крайней мѣрѣ на востокѣ, дѣлается мало-по-малу главнымъ источникомъ церковныхъ доходовъ, а приношенія вѣрующихъ начинаютъ занимать здѣсь

¹⁾ «Противъ ересей», кн. IV, гл. XXXIV.—Beveregius. «Codex canonum Ecclesiae primitivae vindicatus et illustratus». London. 1678 ann. lib. I, cap. IV, 6.

²⁾ Апол. XXXIX гл.

³⁾ Апост. Пост. 2 кн. 36 гл.

⁴⁾ Cyprian «de opere et elemosyna».—Beveregius. «Annotationes in ss. apostolorum, conciliorum patrumque canones».

второстепенное мѣсто, составляя лишь незначительную долю церковнаго дохода. Поэтому и всѣ почти церковные восточные каноны, касающіеся плодopиношеній, не идутъ по времени, собственно говоря, дальше IV вѣка.

Руководясь этими соображеніями, мы ограничиваемся въ разъясненіи вопроса о церковныхъ плодopиношеніяхъ и обнимаемыхъ ими начаткахъ и десятинахъ первыми четырьмя вѣками христіанства.

Во время устроенія на землѣ Церкви Христовой, въ эпоху земной жизни Іисуса Христа, приношенія вѣрныхъ послѣдователей Его были двоякаго рода: они состояли, какъ показываетъ Евангеліе, изъ денежныхъ пожертвованій и изъ жизненныхъ припасовъ, т. е. приношеній натурою. Въ Евангеліи Іоанна говорится про ап. Іуду: «ковчежець имѣяше и вмѣтаемая носаше» (XII, 6). Евв. Маркъ и Лука упоминаютъ о женщинахъ, которыя, когда Іисусъ Христосъ былъ въ Галилеѣ, ходили за Нимъ и служили Ему отъ имѣній своихъ (Марк. XV, 40—41, Лук. 8, 3); т. е., нужно думать, доставляли все необходимое для удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей. То же самое видимъ и въ церкви апостольской. Такъ, въ Іерусалимѣ вѣрующіе приносили апостоламъ частію деньги, выручешія отъ продажи имѣнія (Дѣян. II, 45, IV, 35), частію же приношенія натурою, что необходимо вытекаетъ изъ словъ Евв. Луки: «никто изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее» (Дѣян. IV, 32). Конечно, не все имущество продавалось, но, очевидно, больше то, что само по себѣ не могло быть полезно для церкви, какова, напримеръ, недвижимая собственность, владѣть которою было неудобно по причинѣ преслѣдованія со стороны язычниковъ и іудеевъ. Что же оставалось непроданнымъ, то приносимо было къ апостоламъ *какъ есть*, въ своемъ натуральномъ видѣ ¹⁾. Эти приношенія натурою, какъ видно изъ канонныхъ церковныхъ и изъ свидѣтельствъ разныхъ писателей, составляли собою самое большое количество церковныхъ приношеній въ

¹⁾ О существованіи натуральныхъ приношеній въ церкви апостольской можно заключить и изъ I посл. къ Коринѣ. XI гл. 20—22 ст.

первенствующей церкви. Вѣрующіе приносили хлѣбъ, вино, елей и еиміамъ—для цѣлей богослужебныхъ; кромѣ того, разные жизненные припасы, какъ-то: медъ, молоко, масло, овощи, плоды, птицъ, зерновой хлѣбъ и др. ¹⁾.

Какъ особый видъ церковныхъ плодоприношеній, въ древней христіанской церкви извѣстны были такъ называемые начатки и десятины. Этотъ видъ приношеній въ церковь былъ взятъ изъ ветхаго завѣта (Лев. XXVII, 30—32; Числ. XVIII, 21, 26, 28, 31) и потому, надо думать, введенъ былъ въ новозавѣтной церкви первоначально христіанами изъ іудеевъ. Однако въ первое время приношеніе начатковъ и десятинь едва ли имѣло значеніе общаго обычая. По крайней мѣрѣ, до второй половины II вѣка нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы заключать о приношеніи въ христіанскую церковь въ это время начатковъ и десятинь. Весьма вѣроятнымъ объясненіемъ этого обстоятельства можетъ быть то соображеніе, что апостолы и пастыри христіанскіе должны были тогда особенно заботиться объ охраненіи только что насажденной церкви Христовой отъ всякой, хотя бы самой незначительной, примѣси чуждыхъ религіозныхъ обычаевъ и обрядовъ, дабы церковь Христову возрастить и укрѣпить въ неповрежденной чистотѣ и цѣлости. Историческія свидѣтельства о приношеніи въ церковь начатковъ или десятинь, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ начинаются, какъ мы сказали, со второй половины II вѣка. Первое такое свидѣтельство принадлежитъ Иринею, который говоритъ только о приношеніи однихъ начатковъ. Въ IV кн. «Противъ ересей» (32 гл.) св. Ириней пишетъ: «итакъ, должно приносить Богу начатки Его творенія... итакъ, должно, чтобы мы дѣлали Богу приношенія и во всемъ были бы благодарны устройтелю (fabricatori) Богу, съ чистою мыслию, съ вѣрою безъ лицемѣрія, въ твердой надеждѣ, съ горячею любовію принося начатки твореній ²⁾. Отсюда можно предположить,

¹⁾ Ап. пр. 3 п 4; Апост. Пост. 2 кн. 34 гл.; Григор. Назіанз. 80-е письмо; Гавгр. соб. пр. 7.

²⁾ Beveregius. «Codex canonum....» Lib. II, cap. II, 7.

что утверждение обычая приносить начатки падаетъ приближительно на конецъ II вѣка. О приношеніи начатковъ въ III вѣкѣ свидѣлствуютъ 3 и 4 правила апостольскія, писатель Постановленій Апост. ¹⁾ и нѣкоторые другіе писатели. Такъ, Оригенъ въ 8-й кн. «Противъ Цельса», сказавши, что Цельсъ желаетъ, чтобы начатки посвящались демонамъ, прибавляетъ: «мы кому приносимъ начатки, къ Тому же обращаемся и съ молитвами нашими ²⁾. О существованіи обычая приносить начатки и въ IV вѣкѣ говоритъ 7 правило Гангрскаго собора (340—370), постановленное, какъ мы сказали, противъ Евстафіанъ, которые незаконно присвоили себѣ право распоряженія начатками отъ приносимыхъ плодовъ. Кромѣ того, Григорій Назіанзинъ въ 80 письмѣ (къ Аерію и Алипію) пишетъ: «справедливо и благочестиво посвящать Богу начатки....» Начатки приносились отъ колосьевъ, плодовъ, овощей, хлѣба, вина, масла, меда, скота, шерсти, заработной платы и всего, чѣмъ, по словамъ Ап. Постан., «снабжаетъ Господь Богъ вѣрующіихъ» ³⁾. Историческія данныя для рѣшенія вопроса о времени приношенія въ церковь десятинъ являются лишь съ III вѣка. Прежде всего вопросъ о десятинахъ поднимается на востокѣ: о нихъ говоритъ Оригенъ, утверждая, что и въ новозавѣтной церкви должно приносить десятины ⁴⁾. Изъ Постан. Ап. (7 кн. 29 гл.) видно, что не позднѣе конца III вѣка приношеніе десятинъ является уже довольно твердымъ обычаемъ. Обычай этотъ, появившись первоначально на востокѣ, распространился и укоренился главнымъ образомъ на западѣ, гдѣ десятины приносились, по свидѣтельству Амвросія ⁵⁾, отъ зернистаго хлѣба, вина, древесныхъ плодовъ, домашняго скота, сада, жалованья и даже ловитвы. На востокѣ же десятины давались въ очень немногихъ мѣстахъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что ни правила апостольскія,

1) 8 кн. 40 гл.; 2 кн. 25 гл., 27 гл.

2) Beveregius. «Codex canonum....» Lib. II, cap. II, 7.

3) 3 и 4 пр. Ап.; 80 письмо Грпгор. Назіанз.; Пост. Апост. 2 кн. 34 гл., 7 кн., 29 гл.

4) Orig. in Num. hom. 11.

5) Sermo in feriam III.

ни каноны восточныхъ соборовъ совсѣмъ не упоминаютъ о десятинахъ. Гдѣ же, на востокѣ, давались десятины, тамъ онѣ, подобно начаткамъ и западнымъ десятинамъ, вѣроятно, приносились отъ всего вообще, чѣмъ Господь благословлялъ христіанина. И начатки и десятины, по мнѣнію древнихъ христіанъ, имѣли характеръ обязательныхъ церковныхъ приношеній, подобно тому, какъ и въ ветхомъ завѣтѣ. Такой взглядъ высказывали Оригенъ и писатель Пост. Апост. Въ Апост. Пост. начатки и десятины прямо противопоставляются добровольнымъ приношеніямъ (2 кн. 27 гл.). Впрочемъ, такой взглядъ въ Православной Церкви оставался только простымъ мнѣніемъ и никогда не получалъ санкціи отъ церковныхъ каноновъ.

Принимая посильныя жертвы вѣрующихъ, древняя церковь въ то же время заботилась о томъ, чтобы установить опредѣленный строй и порядокъ въ приѣмѣ и употребленіи этихъ пожертвованій. Заботы эти касаются опредѣленія времени и мѣста приношенія церковныхъ даяній, указанія относительно тѣхъ лицъ, отъ которыхъ должно или не должно было принимать плодоприношенія; опредѣленія тѣхъ предметовъ, на которые расходовалась церковная казна, и, наконецъ, назначенія тѣхъ лицъ, которыя должны были завѣдывать приѣмомъ и употребленіемъ церковныхъ плодоприношеній. Эти заботы церкви начинаются съ самаго перваго времени христіанства.

Относительно попытокъ установить опредѣленное время приношенія церковныхъ пожертвованій нужно сказать, что онѣ еще были въ церкви апостольской. Такъ, изъ 1-го посланія къ Коринѣянамъ (XVI, 2) мы видимъ, что ап. Павелъ въ церквахъ Галатійской и Коринѣской назначаетъ для приношенія пожертвованій въ церковь каждый воскресный день. Вѣроятно, еженедѣльные сборы были установлены апостоломъ и во всѣхъ другихъ основанныхъ имъ церквахъ. Сборы пожертвованій совершались по воскреснымъ днямъ и во II вѣкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ Іустинъ мученикъ (Аполог. I. 67 гл.) По словамъ Тертуліана, сборы эти въ африканской церкви производились ежемѣсячно (XXXIX гл. ап.). Очень возможно, впрочемъ, что и въ африканской церкви при ежемѣсячныхъ сборахъ были и еженедѣльные. Сборъ плодопри-

ношеній въ древней церкви соединялся обыкновенно съ богослужебными собраніями: древніе христіане молитву и милостыню ставили въ самую тѣсную связь. Относительно приношенія начатковъ и десятинъ ничего неизвѣстно, составляли ли они особый родъ приношеній, или же приносились въ одно время съ другими церковными пожертвованіями. Кромѣ приношеній, доставляемыхъ въ опредѣленное время, въ древней церкви были еще пожертвованія неопредѣленныя относительно времени, чрезвычайныя. Они были приносимы въ церковь по поводу какихъ нибудь знаменательныхъ случаевъ и обстоятельствъ и обыкновенно отличались своимъ обиліемъ. Чрезвычайныя пожертвованія были приносимы христіанами чаще всего по случаю смерти родственниковъ, особенно мучениковъ. Бывали и другія обстоятельства, по поводу которыхъ вѣрующіе приносили въ церковь чрезвычайныя пожертвованія. Такъ, св. Кипріанъ, по случаю полученія епископскаго сана, пожертвовалъ въ церковь все свое имущество ¹⁾.

По мѣсту, куда приносились, плодоприношенія церковныя раздѣлялись въ древней церкви, какъ видно изъ 3 и 4 прав. апост., на два разряда: одни приносились въ храмъ ²⁾, другія въ домъ епископа и пресвитеровъ. Въ храмъ можно было приносить хлѣбъ и вино для таинства Евхаристіи, еиміамъ для кажденія во время св. приношенія и елей для освѣщенія храма, т. е. прежде всего предметы, нужные для христіанскаго богослуженія; изъ другихъ же приношеній разрѣшено было приносить въ храмъ исключительно хлѣбные колосья и виноградъ (3 пр. ап.), когда они только что созрѣваютъ ³⁾, и притомъ приносить не какъ жертвы, а только какъ начатки ⁴⁾. Всѣ же другія плодоприношенія, какъ-то: всѣ прочіе плоды, медъ, молоко, птицъ, овощи и т. д. апостольскія правила

¹⁾ Церк. Ист. Евсев. III, 37.

²⁾ Въ правилахъ сказано *къ алтарю*. Но такъ какъ алтарь въ древнее время не отдѣлялся отъ остальной части храма, то приношеніе чего-либо въ храмъ въ то время равнозначительно было приношенію къ алтарю.

³⁾ На это указываетъ названіе въ 3 пр. Апост. колосьевъ новыми и стоящія послѣ слова *винограда* слова *въ надлежащее время*, т. е. во время сбора (Толкователи).

⁴⁾ См. кромѣ 3 и 4 пр. Ап., 46 пр. Карѣ. соб. и 28 пр. VI вс. соб.

строго запрещаютъ приносить въ храмъ, назначая мѣстомъ ихъ приношенія домъ епископа или пресвитеровъ ¹⁾ (3 и 4 пр. Ап.). Въ храмъ потому запрещено было приношеніе ихъ, что одни изъ этихъ приношеній въ религіи языческой, другія въ іудейской ²⁾ были жертвенными приношеніями; вслѣдствіе этого новообращенные изъ язычниковъ и іудеевъ, естественно, не могли совсѣмъ отрѣшиться отъ взгляда на эти приношенія, именно какъ на жертвенныя. Но такой взглядъ существенно противорѣчилъ учрежденію Господню о новозавѣтной жертвѣ. Поэтому Церковь, охраняя чистоту христіанскаго вѣроученія, необходимо должна была запретить приношеніе «къ алтарю» вышеуказанныхъ плодоприношеній. Если разрѣшалось приношеніе елея и еиміама, потребныхъ для благолѣпія христіанскаго богослуженія, то потому, вѣроятно, что они, по религіознымъ обычаямъ, скорѣе, кажется, составляли жертвенныя принадлежности, нежели матеріалъ самыхъ жертвъ. Что же касается приношенія винограда и колосьевъ ³⁾, то приносить первый, по мнѣнію толкователей, дозволялось ради того, что изъ него добывается вино, служащее веществомъ для таинства Евхаристіи; ради того же, думаемъ, разрѣшалось приношеніе и хлѣбныхъ колосьевъ (*Χίβρα*) ⁴⁾.

Приношенія вѣрующихъ хранились обыкновенно въ особой кладовой, которая у Тертуліана (Апол. гл. XXXIX) называется *анса*, въ Пост. Апост. — корваною (23 кн. 6 гл.).

Церковныя пожертвованія дозволялось приносить только въ

¹⁾ Карфагенскій соборъ разрѣшилъ было (46 пр.) приношеніе къ алтарю меда и молока, какъ начатковъ отъ младенцевъ, но VI вс. соб. снова запретилъ это (57 пр.)

²⁾ Аристевъ.

³⁾ Зонара и Вальсамопъ, въ толкованіи на 3 пр. Ап., говорятъ, что этотъ канонъ дозволяетъ приносить къ алтарю и *овощи* (гр. ὄσπρια, лат. — *legumina*) (Beveregius. Ζυσιδικόν... Т. I, 2 р.). Такое толкованіе неправильно: 3 апостольское правило въ числѣ запрещенныхъ приношеній прямо указываетъ и на *овощи*; ἢ ὄσπρια стоятъ въ греч. текстѣ, *vel legumina* — въ лат. (*ibidem*).

⁴⁾ *Χίβρα* иногда означаетъ *пшеничныя* зерна. Поэтому, думаемъ, можно предположить, что 3 пр. Ап. этимъ словомъ разрѣшаетъ собственно приношеніе *пшеницы*. Наше пониманіе подтверждаетъ и 46 пр. Каро. соб., которое изъ начатковъ отъ растений дозволяетъ приносить въ храмъ, кромѣ винограда, только *пшеницу*.

христіанскую церковь. 71-е пр. Ап. грозитъ отлученіемъ тому, кто сдѣлаетъ какое-либо приношеніе въ языческое капище или іудейскую синагогу. Такъ какъ такое приношеніе свидѣтельствовало бы объ единомысліи приносящаго съ тѣмъ учрежденіемъ, куда приносилось, то надо полагать, что этимъ правломъ церковь необходимо запрещаетъ приносить какія бы то ни было пожертвованія, и во всякую христіанскую, но неправославную общину. Съ другой стороны, древняя церковь обращала строгое вниманіе, какъ на свойство приношенія, такъ и на качества жертвователя. Изъ Пост. Апост. (3 кн., 8 гл.) видно, что обращалось вниманіе на то, не приобрѣтено ли приносимое незаконнымъ путемъ, напр., путемъ воровства, или распутства. 46 пр. Ап. запрещаетъ принимать приношенія отъ еретиковъ. Въ исторіи церкви первыхъ вѣковъ извѣстенъ такой, между прочимъ, фактъ: еретикъ Маркіонъ ¹⁾, присоединившись къ православію, сдѣлалъ богатое приношеніе въ церковь, но когда онъ опять отпалъ отъ православія, то жертва его была возвращена ему назадъ. Въ Апост. Пост. (кн. 4, гл. 8) говорится, что лучше погибнуть Церкви, нежели принять какія-либо приношенія отъ враговъ Божіихъ, закоренѣлыхъ грѣшниковъ ²⁾. Впрочемъ, въ крайнемъ случаѣ, въ случаѣ непреодолимаго желанія со стороны нечестивыхъ принести свой даръ въ церковь, принимать приношенія отъ нихъ разрѣшалось ради того, «чтобы не отвратить сближающихся съ церковію» (Пост. Ап. 4 кн. 10 гл.). Только эти приношенія должны были дѣлаться добычею огня, т. е. тратиться на дрова, уголья и т. д., но никакъ не должны были служить лицемъ для благочестивыхъ (ibid). Лицамъ же кающимся въ церковь, напротивъ, сама внушала дѣлать приношенія (Кипр. «о падшихъ»).

Относительно употребленія церковныхъ плодоприношеній древняя церковь въ своей практикѣ вполне слѣдовала примѣру Іисуса Христа. Имущество, составлявшееся изъ тѣхъ

¹⁾ Маркіонъ былъ дуалистъ—Ц. ист. Геттэ, II т. 60 стр.

²⁾ Въ 4 кн., 6 гл. Пост. Апост. перечисляются тѣ лица, отъ которыхъ Церковь не должна принимать плодоприношеній.

пожертвованій, приносить которыя вѣрующіе считали своею нравственною обязанностию, Іисусъ Христосъ и Его ученики употребляли на устройство пасхальной вечери, на нужды бѣдныхъ и на свое собственное содержаніе (Іоан. XIII, 29). То же самое видимъ и въ древней церкви, начиная со времени апостольскихъ.

Часть церковнаго достоянія употреблялась на необходимыя издержки по совершенію богослуженія ¹⁾. Другая, несравненно большая, часть расходовалась на бѣдныхъ. Забота объ облегченіи участи бѣдняковъ, о доставленіи матеріальной помощи пеимущимъ составляла одну изъ самыхъ важныхъ заботъ древней церкви. Апп. Петръ и Іоаннь, отправляя апп. Павла и Варнаву на проповѣдь, даютъ имъ особенную заповѣдь, особенное наставленіе: помнить нищихъ (Галат. II, 9, 10). Въ іерусалимской и другихъ церквахъ во времена апостоловъ бѣдные всегда находили себѣ щедрое матеріальное пособіе изъ церковнаго имущества (Дѣян. II, 45; XI, 27.—29). Особенно это нужно сказать о церкви іерусалимской, гдѣ, при полнѣйшемъ общеніи имущества, не было буквально ни одного нищаго: «не бѣше бо нищъ ни единъ въ нихъ» (Дѣян. IV, 34), говоритъ писатель Дѣяній Апост., повѣствуя о щедрой благотворительности вѣрующихъ въ Іерусалимѣ. Материнская забота и попеченіе о бѣдныхъ составляетъ одну изъ главныхъ характеристическихъ чертъ древней церкви и послѣ-апостольскаго времени. 41 пр. Ап. говоритъ, что церковь должна оказывать вспомошествованіе всѣмъ нуждающимся ²⁾. Тертуліанъ въ XXXIX главѣ своей апологіи пишетъ: «каждый ежемѣсячно, или когда въ другое время пожелаетъ, вносить извѣстную умѣренную сумму, сколько можетъ и сколько хочетъ... Эта касса благочестія идетъ на пропитаніе и погребеніе нищихъ, на поддержку неимущихъ сиротъ, на содержаніе служителей, взнуренныхъ старостию, на облегченіе участи несчастныхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе» и т. д. Кипріанъ въ одномъ изъ писемъ къ клиру даетъ такое распо-

¹⁾ Дѣян. II, 46; 3 пр. Ап.; 8 кн. 31 гл. Ап. Пост.; 8 пр. Теофила Алекс.

²⁾ Тоже и въ 38 пр. Ап. и въ 21 пр. Гангр. соб.

ряженіе: «прошу васъ, все распредѣлите: сколько нужно израсходовать на заключенныхъ въ тюрьмахъ, сколько на тѣхъ, которые не могутъ зарабатывать достаточно для своего пропитанія»¹⁾. По свидѣтельству Корнелія, епископа Римскаго, Римская церковь въ половинѣ III вѣка содержала на приношенія вѣрующихъ болѣе 1500 бѣдныхъ²⁾ (Евсев. Ист. Ц. VI, 43). Заботу древней церкви о бѣдныхъ мы назвали выше материнскою. Да, о христіанской церкви первыхъ вѣковъ можно сказать, что она именно съ любовію и нѣжностію матери старалась, сколько могла, облегчать тяжелыя матеріальныя нужды несчастныхъ бѣдняковъ! Эта нѣжная попечительность церкви особенно проявлялась въ ея отношеніи къ больнымъ бѣднымъ. Удовлетворялись даже самыя мелкія ихъ потребности: если у нихъ не было глинянаго сосуда, то церковь давала имъ и это³⁾. Нечего и говорить о великихъ нуждахъ. Въ важныхъ случаяхъ предъ нуждами бѣдныхъ умалялись всѣ другія нужды. Такъ, если на какую-нибудь важную потребность бѣдняковъ, напр. для выкупа изъ плѣна, не хватало обыкновенныхъ церковныхъ средствъ, то въ этомъ случаѣ продавалась церковная утварь, даже сосуды. Такой фактъ извѣстенъ, между прочимъ, изъ практики св. Амвросія⁴⁾. Подобныя дѣйствія церкви получили санкцію на Кароагенскомъ соборѣ, который разрѣшаетъ, въ случаѣ нужды, трату церковныхъ вещей (42 пр.). И такая благотворительность древней церкви простиралась на всѣхъ, требующихъ помощи, безъ различія друзей и враговъ. Если преслѣдуемый несчастными обстоятельствами бѣднякъ прибѣгалъ къ ея помощи, то она видѣла въ немъ не православнаго, не еретика, не язычника, не грѣшника, не праведника⁵⁾—нѣтъ, она видѣла въ немъ

¹⁾ Cyr. epist ad clerum—«de cura pauperum et quiete plebis». Beveregius. Annotatio in canonem ap. XLI.

²⁾ Мы не упоминаемъ здѣсь о благотворительныхъ учрежденіяхъ великихъ отцевъ IV в., Іоанна Златоуста и Василія Великаго. Не упоминаемъ потому, что едва ли эти учрежденія были основаны на плодоприношеніи вѣрующихъ.

³⁾ Душеп. Чт. 1879 г., т. I, стр. 453.

⁴⁾ «De officiis» 11. 6.

⁵⁾ Пост. Апост. 3 вѣ. 4 гл.

только несчастнаго, во всей наготѣ его вопіющей нужды, и съ полною готовностію тотчасъ отверзала ему свою щедрую руку. Готовая всегда на помощь бѣдному, древняя церковь дѣлала однако строгій разборъ лицамъ, просившимъ церковнаго пособія. Она считала своимъ долгомъ помогать только совершенно безпомощнымъ (Ап. Пост. 2 кн. 63 гл.). Поэтому тѣ бѣдные, которые могли рассчитывать на помощь внѣ церкви, напр., если имѣли богатыхъ родственниковъ, не должны были получать церковнаго пособія (I Тим. V, 16). Впрочемъ, и изъ совершенно безпомощныхъ не всѣ имѣли право на полученіе вспомоствованія отъ церкви. Обращалось вниманіе на причины бѣдности. Церковь помогала только тѣмъ бѣднымъ, которые терпѣли матеріальную нужду въ силу, какъ мы сказали, независящихъ отъ нихъ несчастныхъ обстоятельствъ. Тѣмъ же, которые впали въ крайнюю нужду по своей собственной винѣ, были бѣдны по причинѣ своей лѣности, было отказываемо въ церковномъ пособіи ¹⁾: церковь не могла поощрять тунеядства. Изъ лицъ, имѣвшихъ право на церковное вспомоствованіе, особенное вниманіе церкви обращали на себя: исповѣдники, вдовицы ²⁾ дѣти сироты, не имѣвшія пристанища, странники и убогіе ³⁾. Кто получалъ церковное пособіе, тому запрещалось просить милостыню внѣ церкви ⁴⁾. Достояніе церкви, раздаваемое бѣднымъ, состояло частію изъ обыкновенныхъ приношеній вѣрующихъ, частію изъ десятинъ ⁵⁾.

Какъ особый родъ церковной благотворительности, въ первые вѣка существовали такъ называемыя *агаты*—вечери любви. Это были благочестивыя собранія, на которыхъ вѣрующіе имѣли общія трапезы, составлявшіяся изъ натуральныхъ приношеній и учрежденныя для поддержанія взаимной любви

1) 2 Солун. III, 10. Пост. Апост. 2 кн. 4 гл.

2) Относительно вдовицъ нужно сказать, что имъ не всегда оказывалось преимущество предъ замужними женщинами; бывали случаи, когда послѣдніе считались церковью болѣе заслуживающими помощи (Ап. Пост. 2 кн. 4 гл.).

3) Пост. Апост. 5 кн. 1 гл.; 4 кн. 2 гл.; 41 пр. Ал.; 25 пр. Антиох. соб.; 11 пр. Теофила Алекс.

4) Апост. Пост. III кн. 7 гл.

5) Пост. Апост. 8 кн. 30 гл.; 2 кн. 25 гл.

и для насыщѣнія бѣдныхъ (1 Кор. XI, 20 — 22). Тертуллианъ говоритъ: «значеніе нашей вечери можно названія это узнать изъ ея названія *ἀγάπη*, что значитъ *любовь* ¹⁾. Происхожденіе вечерей любви относится еще ко временамъ апостольскимъ. Первоначально онѣ возникаютъ въ іерусалимской церкви (Дѣян. II, 46). На самыхъ первыхъ порахъ христіанства, когда, при малочисленности вѣрующихъ, церковная жизнь носила чисто семейный характеръ, вечера любви, въ Іерусалимѣ, происходили въ домахъ и совершались ежедневно. Позднѣе же, еще при апостолахъ, когда число христіанъ значительно увеличилось и жизнь церкви начала принимать уже характеръ общественной жизни, агапы стали совершаться въ храмѣ и собственно въ воскресные дни (Дѣян. XX, 7, 11). Агапы существовали въ древней церкви и послѣ времени апостольскихъ. Тертуллианъ говоритъ: «нѣтъ ничего удивительнаго, что у насъ общіе столы» (Апол. XXXIX гл.). Киприанъ въ книгѣ «о благотвореніи» обличаетъ тѣхъ, которые въ церквяхъ брали доли, назначенныя бѣднымъ. Кромѣ этого, о существованіи въ церкви вечерей любви послѣ апостоловъ видно изъ опредѣленій нѣкоторыхъ соборовъ, касающихся этихъ вечерей ²⁾. Такъ какъ агапы совершались въ церквяхъ (28 пр. Лаод. соб.) и соединялись обыкновенно съ таинствомъ Евхаристіи, то въ нихъ могли имѣть участіе одни только вѣрные, находящіеся въ мирѣ и общеніи съ церковью. Поэтому явные грѣшники и тѣ, которые подвергались публичному покаянію, также оглашенные и не принадлежащіе къ церкви не допускались на эти вечера. Особенное усердіе христіанъ къ устройенію агапъ обнимаетъ собою собственно первые два вѣка. Въ третьемъ вѣкѣ замѣчается значительное ослабленіе этого обычая. Въ концѣ III вѣка агапы совершались уже въ особые только дни, преимущественно въ дни памяти мучениковъ. Въ IV вѣкѣ на Лаодикійскомъ соборѣ (28 пр.) является запрещеніе совершать вечера любви въ храмахъ. Запрещеніе это было вы-

¹⁾ Апол. XXXIX гл. *Beveregius. Annotationes...*

²⁾ Гаягр. соб. 11 пр. Лаодик. соб. 27 и 28 пр. Карфаг. соб. 51 пр. и VI всел. соб. 74 пр.

звано тѣми злоупотребленіями, которыя начали вкрадываться на вечера любви еще во времена апостоловъ (I Кор. XI, 20—22. 2 Петр. 11, 13) и которыя къ IV вѣку окончательно извратили агапы, это, по своей основной идеѣ, прекрасное учрежденіе, обративъ ихъ въ способъ безобразнаго пиршества, тунеядства ¹⁾ и бражничанья. Именно какъ такое извращеніе истинныхъ вечереи любви агапы IV вѣка и были запрещены 28 пр. Лаодикійскаго собора ²⁾. Этимъ объясняется то, повидимому, странное явленіе, что незадолго до того времени, какъ Лаодикійскій соборъ запрещаетъ совершеніе вечереи въ храмахъ, считая ихъ недостойными такого св. мѣста, соборъ Гангрскій (11 пр.) грозитъ отлученіемъ тому, кто осмѣливается презирать агапы. Дѣло въ томъ, что, издавая это правило, Гангрскій соборъ возстаетъ противъ тѣхъ христіанъ, которые ради излишняго воздержанія пренебрегали агапами даже и въ томъ случаѣ, когда онѣ совершались вполне скромно ³⁾. Какъ бы взамѣнъ вечереи любви, бѣдные стали получать остатки хлѣба и вина, которые прежде раздѣлялись только между клириками (Феоф. Алекс. 8 пр. Апост. Пост. 8 кн. 31 гл.).

Наконецъ, церковное достояніе употреблялось на содержаніе церковнаго клира. Изъ исторіи апостольской церкви мы видимъ, что апостолы получали содержаніе отъ церковныхъ приношеній (Дѣян. IV, 32; къ Филипп. IV, 10, 16). Такъ было въ древней церкви и послѣ времянъ апостольскихъ. «Священники и служители Божіи не имѣли никакого земнаго наслѣдія» ⁴⁾, по словамъ Оригена, «потому что ихъ наслѣдіемъ былъ Господь». «Епископъ и клиръ должны пи-

1) Изъ 27 пр. Лаодик. соб. видно, что нѣкоторые даже уносили домой съ вечереи любви части съѣстныхъ припасовъ.

2) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ церквахъ обычай устраивать вечера любви въ храмахъ продолжался еще довольно долго, пока, наконецъ, не послѣдовало снова запрещеніе на VI всеа. соб. (74 пр.).

3) Таковы были Евстафіане, которые держали строгій постъ даже въ воскресные дни.

4) Въ первые вѣка христіанства многіе, владѣвшіе имуществомъ, при вступленіи на служеніе церкви, раздавали свое имѣніе бѣднымъ.

таться отъ благъ вѣрующихъ — говорится въ Пост. Апост. (2 кн. 34 гл.). Въ основѣ этого обычая лежитъ изреченіе Спасителя, утвержденное Его примѣромъ и Его ближайшихъ учениковъ, что трудящійся достоинъ награды за труды свои (Лук. X, 7), и что, слѣдовательно, служащіе алтарю, по словамъ апостола, имѣютъ полное право и питаться отъ алтаря (1 Кор. 9, 13). Впрочемъ, не всякіе клирики могли получать церковное пособіе. Иисусъ Христосъ потому принималъ пособіе изъ приношеній вѣрующихъ, что во время проповѣди Самъ не имѣлъ никакихъ постороннихъ источниковъ содержанія, не имѣлъ даже Своего угла, гдѣ бы Онъ могъ приклонить утомленную главу Свою (Мѣ. VIII, 20). Апостолы тоже старались, насколько возможно, не обременять церкви издержками на ихъ содержаніе. Ап. Павелъ, не смотря на всѣ труды по дѣлу проповѣди, своими руками зарабатывалъ себѣ пропитаніе (Дѣян. 20, 34, 28, 30). Поэтому и въ древней церкви отъ церковнаго достоянія питались только бѣдные члены клира. Изъ 41 пр. ап. видно, что епископъ долженъ былъ обращаться за помощію къ церкви лишь тогда, когда имѣлъ нужду въ самомъ необходимомъ (1 Тим. VI, 8). 59 пр. Ап. узаконяетъ церковную помощь только неимущимъ клирикамъ. Вслѣдствіе этого тѣ члены клира, которые владѣли собственнымъ имуществомъ ¹⁾, должны были содержаться на свои средства. Брать что либо изъ церковнаго достоянія въ этомъ случаѣ прямо считалось святотатствомъ ²⁾. Такимъ образомъ, и въ лицѣ клира древняя церковь помогала собственно бѣднымъ. Церковное достояніе, раздаваемое клиру, состояло частью изъ простыхъ приношеній вѣрующихъ, частью изъ начатковъ ³⁾ (Пост. Ап. II кн. 36 гл. VIII кн. 31 гл.; 4 пр. Ап.). Участіе въ агалахъ, какъ особой формѣ церковной благотворительности, простиралось и на клириковъ (Пост. Апост. 2

¹⁾ Имѣть таковое дозволяется 41 Пр. Апост.

²⁾ Hieronimi—de clericis.

³⁾ Такъ какъ въ первое время христіанства приношеніе начатковъ было, какъ мы видѣли, очень обильно, то можно думать, — какъ справедливо замѣчаетъ Вальсамонъ, въ своемъ толкованіи на 4 пр. Ап., — что отъ начатковъ удѣлялась часть и бѣднымъ.

кн. 28 гл.). Карфагенскій соборъ 51 правиломъ запрещаетъ это участіе.—Діакониссы принадлежали къ клиру, поэтому и относительно содержанія своего пользовались правами клириковъ (Пост. Апост. VIII кв. 31 гл.).

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о лицахъ, завѣдовавшихъ пріемомъ и употребленіемъ церковныхъ плодоприношеній въ древней церкви.

Въ апостольское время главное управленіе церковнымъ достояніемъ первоначально принадлежало однимъ апостоламъ (Дѣян. IV, 35—37), затѣмъ распоряженіе приношеніями церковными было ввѣрено апостолами пресвитерамъ (Дѣян. XI, 29—30), какъ тогда назывались и епископы. Въ послѣдующее время главнымъ распорядителемъ достоянія церкви является епископъ. Пост. Апост. называютъ епископа «домостроителемъ и правителемъ церковныхъ дѣлъ» (Пост. Апост. 2 кн. 35 гл.) и усвояютъ ему, какъ человѣку Божію, главный надзоръ за пріемомъ и употребленіемъ плодоприношеній, начатковъ и десятинъ (Ап. Пост. 2 кн. 25 гл.). Соборъ Гаягрскій запрещаетъ принимать и раздавать начатки отъ плодовъ безъ воли епископа (7 пр.). Завѣдуя церковнымъ достояніемъ, епископъ древней церкви былъ полнымъ хозяиномъ церковнаго имѣнія: онъ не подчинялся никакому контролю, никому не давалъ отчета въ своихъ распоряженіяхъ. Постан. Апост., запрещая требовать отъ епископа отчета въ управленіи имуществомъ церкви, говорятъ, что «у него есть свой требователь отчетовъ, Господь Богъ, вручившій ему такое домостроительство и сподобившій его толикаго мѣста въ священствѣ» (II кн. 35 гл.). То же самое подтверждаетъ и 38 пр. Ап., которое прямо говоритъ, что епископъ долженъ управлять церковнымъ имѣніемъ «Богу назирающему». Да и странно было бы не положиться въ управленіи имуществомъ на того, кому «ввѣрены драгоцѣнныя души человѣческія» (41 пр. Ап.). Если 40 пр. Ап. и повелѣваетъ, чтобы собственное имѣніе епископа было извѣстно, то это вовсе не ради недовѣрія къ нему. Повелѣніе это мотивируется другими соображеніями: во-первыхъ, чтобы по смерти епископа не произошло путаницы въ счетахъ, а во-вторыхъ, для того, чтобы имя его не

подвергалось нареканію ¹⁾. Личность епископа, этого свѣтильника вѣры и благочестія, должна быть свободна отъ малѣйшей тѣни подозрѣнія въ недобросовѣстномъ управленіи церковнымъ имѣніемъ. Однако, имѣя такую неограниченную власть въ распоряженіи достояніемъ церкви, епископъ все-таки былъ не болѣе, какъ только блюстителемъ церковнаго имѣнія. 38 же пр. Ап. запрещаетъ епископу присвоивать что либо себѣ или дарить родственникамъ изъ имущества церкви. Такъ какъ епископъ былъ главнымъ управителемъ церковнаго имѣнія, то всѣ, получавшіе пособіе отъ церкви, получали его по распоряженію епископа. Въ его вѣдѣніи состояла раздача пособія клиру. 59 пр. Ап. раздаяніе вспомошествованія клиру усвояетъ прежде всего епископу. Кипріанъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ клиру пишетъ: «такъ какъ мнѣ не приходится быть теперь между вами, то прошу васъ: позаботьтесь о вашихъ доляхъ и моихъ, чтобы не было нарушено порядка и экономіи» ²⁾. На епископѣ же прежде всего лежала забота и о бѣдныхъ мірянахъ (Ап. Пост. 2 кн. 30 гл.). Удѣляя отъ церковнаго достоянія нуждающимся, епископъ долженъ былъ поступать самымъ добросовѣстнымъ образомъ: долженъ былъ помогать непремѣнно всѣмъ достойнымъ помощи, давая сколько нужно каждому (Ап. Пост. III, 4). Для этого ему необходимо нужно было знать всѣхъ членовъ своей общины (Ап. Пост. 2 кн. 27 гл.). Поэтому нисколько не удивительно, что древняя церковь требовала отъ каждаго епископа, чтобы онъ былъ «щедръ, вдоволюбивъ, страннолюбивъ» ³⁾, услужливъ, неутомимъ, непостыденъ и проникающъ, кто болѣе достоинъ вспомошествованія» ⁴⁾ (Апост. Пост. 2 кн. 3 гл.). Чтобы облегчить дѣло вспомошествованія бѣднымъ, епископу въ древней церкви назначены были помощники: пресвитеры и діаконы (41 пр. Ап.). Постановленія Ап. говорятъ, что въ

¹⁾ См. 24 пр. Антиох. соб.

²⁾ Beveregius. Annotationes... (annot. in canonem apost. XLII).

³⁾ Изъ 41 пр. видно, что епископъ содержалъ у себя на церковный счетъ странниковъ.

⁴⁾ За эти заботы бѣдные должны были поминать въ своихъ молитвахъ имя епископа (Ап. Пост. 3 кн. 13 гл.).

раздаяніи церковныхъ стяжаній должны приниматьъ участіе, съ вѣдома епископа, и пресвитеры съ діаконами (2 кн. 32 гл.). Въ упомянутомъ нами раньше ¹⁾ письмѣ къ клиру Кипріанъ, давая распоряженіе о раздѣленіи церковнаго пособія между клириками и бѣдными мірянами, поручаетъ это раздѣленіе пресвитерамъ и діаконамъ. Особенно помогали епископу діаконы. Даже самая должность діаконовъ первоначально была учреждена именно для цѣли служенія бѣднымъ ²⁾. Діаконы обыкновенно принимали приношенія христіанъ, діаконы хлопотали при устроеніи вечерей любви, діаконы должны были посѣщать требующихъ помощи, діаконы должны были вести записи бѣдныхъ и напоминать о нуждающихся епископу—словомъ, діаконы въ древней церкви были правою рукою епископа въ дѣлѣ помощи бѣднымъ ³⁾. Не даромъ Пост. Апост., называя епископа Моисеемъ, діакона называютъ Аарономъ (2 кн. 30 гл.). Діаконамъ помогали діакониссы, которыя заботились о бѣдныхъ женщинахъ (Апост. Пост. 3 кн. 19 гл.).

Этимъ мы и заканчиваемъ разъясненіе каноническаго права восточной церкви, поскольку оно имѣетъ своимъ предметомъ церковныя плодоприношенія. Сущность этого права, освященнаго примѣромъ Іисуса Христа и апостоловъ и утвержденнаго практикою и постановленіями древней церкви, сводится, собственно, къ тому положенію, что въ каждой церковной общинѣ, основанной на истинно-каноническихъ началахъ, изъ добровольныхъ приношеній христіанъ необходимо должна составляться церковная казна и что эта казна, это богатство церкви, должно быть прежде всего богатствомъ нищихъ.

Н. Протопоповъ.

¹⁾ Стр. 432, прим. 2.

²⁾ Дѣян. VI, 1—6; VI всел. соб. 16 пр.

³⁾ Пост. Апост. 2 кн. 28 гл.; 3 кн. 19 гл.; 2 кн. 32 гл.

только извѣстнаго рода впечатлѣнія, которыя опредѣляются, какъ бы выбираются, его природой, объединяются ея единствомъ и образуютъ ограниченный особый кругъ его опыта, подобно этому въ собственной природѣ человѣка должно быть нѣчто, особымъ образомъ воспринимающее данное, ищущее за непосредственно даннымъ еще другого, прямо не даннаго, и способное, съ помощію даннаго, находить для себя это не данное. Уже эти стремленія природы человѣка выдѣляли его для его собственнаго чувства изъ окружающаго его видимаго живого міра, заставляли его чувствовать себя чѣмъ-то особымъ среди существъ этого міра, связаннымъ не столько съ нимъ, сколько съ другимъ, невидимымъ міромъ. Съ пробужденіемъ его мысли и по мѣрѣ возвышенія его отъ непосредственности бытія къ самосознательности жизни, его наблюденія, размышленія вели его къ болѣе ясной и положительной мысли о себѣ, какъ существѣ. принадлежащемъ къ иному порядку существъ, высшему животнаго міра, и о существахъ послѣдняго, какъ далеко низшихъ его, погруженныхъ въ матеріальную жизнь, хотя въ нихъ, можетъ быть, есть и нѣчто высшее чистой животности, нѣчто человѣческое. Платонъ, которому специфически-человѣческое въ природѣ человѣка представлялось такъ чуждымъ земному, животности, что онъ видѣлъ въ немъ дѣйствіе воспоминанія, вынесеннаго душою человѣка изъ жизни ея до соединенія съ тѣломъ, выразилъ только это общее чувство и убѣжденіе человѣчества, когда сказалъ (въ Тимей): человѣкъ <не земное растеніе, а небесное (φύτον οὐχ ἐγγύσιον, ἀλλ' οὐράνιον)>. И какъ скоро мысль человѣка стала пытаться точнѣе опредѣлить вообще и очевиднымъ признакомъ отмѣтить существенное отличіе человѣческой природы отъ животной, человѣкъ сталъ вообще отличать себя отъ животнаго, какъ существо разумное отъ неразумнаго, и прямое выраженіе этого отличія указывать въ своей способности слова, наглядно отличающей его отъ безсловеснаго животнаго. И такъ тѣсною представлялась ему эта связь слова съ разумомъ, что древніе греки однимъ словомъ λόγος, обозначали и слово, и разумъ, какъ явленіе, и неотдѣлимое отъ него основаніе его, и далѣе—область психическихъ дѣятельностей,

непосредственно связанныхъ съ фізіологическою жизнію, болѣе или менѣе общихъ у человѣка съ животными и составляющихъ *животную* жизнь, отличали отъ высшей области разумнаго, специфически-человѣческаго, составляющаго собственно *человѣческую* жизнь (область познавательныхъ силъ и дѣятельностей, собственно духовныхъ чувствованій и воли), обозначая первую именемъ τὸ ἄλογον, вторую—τὸ λογιστικόν, — отличали въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ потомъ въ христіанствѣ различаются *плоть* и *духъ*.

Такъ, не безъ исключеній, но довольно согласно, рѣшался въ мысляхъ человѣчества, не всегда ясно стоявшій передъ его сознаниемъ, но всегда, такъ сказать, дѣйствовавшій въ немъ, вопросъ о природѣ человѣка и отношеніи его къ другимъ существамъ въ окружающемъ его чувственномъ мірѣ. Не безъ исключеній: отрѣшаясь отъ непосредственнаго чувства и сознанія, мысль человѣка нерѣдко приводила его къ существенно иному взгляду на человѣка и отношеніе его къ животному міру. Но уже судьба и результаты такихъ исключительныхъ явленій въ исторіи движенія мысли по отношенію къ этому вопросу побуждаютъ насъ видѣть въ нихъ не возвышеніе болѣе сильной и острой мысли къ болѣе правильному пониманію дѣла, а только частныя и временныя, особыми, временно дѣйствовавшими, причинами произведенныя уклоненія мысли отъ общаго направленія въ рѣшеніи вопроса,—направленія, принятаго въ силу особыхъ причинъ. Мы замѣтимъ здѣсь только, что взглядъ, остававшійся въ согласіи съ убѣжденіемъ непосредственнаго сознанія, постоянно выходилъ изъ борьбы съ такими противными ему взглядами не только побѣдителемъ, но болѣе твердымъ внутренно и болѣе сильнымъ для новой подобной борьбы,—основы его только болѣе выяснялись, расширялись, углублялись, болѣе, такъ сказать, смыкались и становились болѣе недоступными мелкимъ и одностороннимъ нападеніямъ съ цѣлію подорвать ихъ. Всѣ эти явленія нерѣдкихъ уклоненій отъ него и враждебныхъ отношеній къ нему становятся достаточно понятными намъ, когда мы представляемъ себѣ, какъ легко человѣческая мысль, ограниченная, часто поддающаяся субъективнымъ расположеніямъ, и вмѣстѣ съ

тѣмъ, пропорціонально жизненному значенію своихъ вопросовъ, спѣшащая къ рѣшенію ихъ, впадаетъ въ односторонности, и какъ склонна она укрѣпляться въ однажды принятомъ одностороннемъ направленіи, отыскивая и употребляя въ дѣло все, повидимому пригодное для того, невольно не замѣчая препятствующаго тому, или, когда замѣчаетъ, стараясь придать ему другой видъ, или, рѣже, отлагая въ сторону, какъ имѣющее разрѣшиться,—конечно, въ благопріятномъ ей смыслѣ,—въ будущемъ, съ успѣхами знанія.

Подобное, по своему отношенію къ убѣжденію непосредственнаго чувства и сознанія, направленіе мысли получило силу и въ наше время, и оно-то, въ видахъ проведенія своего взгляда на человѣка въ его отношеніи къ животному міру, стремится утвердить, какъ единственную научно-правильную, ту точку зрѣнія на языкъ человѣка и его отношеніе къ разуму, на которую мы указали вообще.

Эта точка зрѣнія въ наше время особенно усвоена всѣми дарвинистами, но она же, какъ и вообще Дарвинова гипотеза, вполне по мысли матеріалистамъ, позитивистамъ и всѣмъ, колеблющимся между матеріализмомъ и позитивизмомъ, многочисленнымъ сторонникамъ того направленія въ современной наукѣ, которое, пренебрежительно называя ученыхъ иного направленія метафизиками, себѣ исключительно усволяетъ имя научнаго и которое вполне точно будетъ названо направленіемъ механистическаго міропониманія. Для мысли, усвоившей это направленіе, точно познаваемое есть единственный достойный предметъ познания и науки, а точно познаваемое есть фактически данное, познаваемое со стороны постоянной связи явленій въ немъ. Не съ природой вещей имѣетъ дѣло наука, не познаніе того, что такое та или другая вещь по своей природѣ, существу, задача науки: это непознаваемо. «Не остается ничего», говоритъ Литтре (*Paroles de philosophie positive*), «кромѣ того, что въ наукѣ называютъ закономъ». Законъ—опредѣленная постоянная послѣдовательность явленій; дѣло науки—открывать, устанавливать эту постоянную послѣдовательность явленій, законы теченія ихъ. Мысль, повидимому, не можетъ этимъ удовлетвориться,—не дается ей здѣсь объ-

ясненія явленій. Она, однако, легко удовлетворяется: дѣло въ томъ, что мысль, принявшая это направленіе, вовсе не желаетъ различать понятія закона и причины, — вопросъ о природѣ вещей переходитъ для нея въ вопросъ о происхожденіи ихъ, какъ феноменовъ; совокупность феноменовъ, съ которыми, какъ предшествующимъ, оказывается постоянно связаннымъ данный феноменъ, получаетъ для нея значеніе совокупности условій его; постоянная послѣдовательность феноменовъ превращается для нея въ причинную связь ихъ, и въ результатъ для нея получается объясненіе ихъ. Много объяснено такимъ образомъ: пути, ведущіе къ объясненію, такъ опредѣленны, законы — причины оказываются повсюду такъ однородны, что необъясненное представляется, все равно, что объясненнымъ, — нужно только, конечно не малое, время для выполненія, безъ сомнѣнія легкаго, труда установленія постоянной связи и послѣдовательности явленій во всемъ кругѣ опыта. На почвѣ опытно даннаго, фактическаго, такимъ образомъ строится для мысли какъ бы само собою, чисто объективно (хотя только съ помощію безсознательно внесенныхъ ею изъ себя самой, не данныхъ опытно, апіорическихъ элементовъ, каковы и понятія закона и причины), цѣльное міросозерцаніе, и чѣмъ болѣе она обживается и устроивается въ немъ съ тою же помощію, тѣмъ болѣе въ немъ замыкается. Что сначала только устранялось ею изъ науки, какъ научно непознаваемое, то теряетъ для нея уже всякое значеніе, представляется совсѣмъ нереальнымъ, порожденіемъ распущеннаго, недостигшаго еще самосознанія и самообладанія, ума, можетъ быть, необходимымъ въ такомъ его состояніи, но не имѣющимъ ничего себѣ соотвѣтствующаго въ реальномъ мірѣ. «Вселенная», говоритъ Литтре (*ibid.*). «представляется намъ теперь совокупностію вещей, имѣющею въ себѣ самой свои причины, которыя мы называемъ законами». Стремленіе къ такому механическому объясненію и такое механическое пониманіе захватываетъ весь кругъ наукъ, такъ какъ всѣ науки исходятъ отъ фактически даннаго. Безраздѣльное господство механизма въ чисто физическомъ мірѣ, по мнѣнію сторонниковъ механизма, не можетъ быть разумно оспаривасмо. Съ неменьшею увѣренностію подчиняютъ они ему

міръ органической жизни, представляя намъ живыя тѣла простыми соединеніями физико-химическихъ феноменовъ. Естественно. они не останавливаются на этомъ и также съ полною увѣренностію въ успѣхѣ стремятся овладѣть въ пользу механизма областью психическихъ феноменовъ и цѣлымъ человекомъ со всею его духовною жизнью. Достаточно, съ одной стороны, представить себѣ, какъ трудно овладѣть съ точки зрѣнія механизма психическимъ міромъ во всей его цѣлости прямымъ путемъ, какъ пытаются матеріалисты, а съ другой—вспомнить въ общихъ чертахъ Дарвинову гипотезу, чтобы легко понять, какъ симпатична должна быть всѣмъ сторонникамъ механистическаго міропониманія эта гипотеза, по своему характеру вполне механистическая и вмѣстѣ открывающая имъ непрямой, но болѣе удобный путь къ полному овладѣнію человекомъ и полученію нѣкотораго цѣльнаго міросозерцанія съ ихъ точки зрѣнія. Не можетъ не быть симпатиченъ имъ и тотъ взглядъ на языкъ и его отношеніе къ разуму, какой устанавливаетъ эта гипотеза.

По этой гипотезѣ всѣ органическія существа въ исторіи своего возникновенія и образованія связаны между собою и составляютъ неизмѣримо длинную цѣпь постепенныхъ образованій и преобразованій изъ извѣстныхъ первичныхъ зачатковъ органическихъ формъ подъ вліяніемъ естественныхъ условій жизни и путемъ чисто механическаго взаимодействія ихъ. Родовыхъ первоначальныхъ свойствъ нѣтъ; всѣ черты живыхъ существъ имѣли свое происхожденіе въ определенное время въ процессѣ постепеннаго образованія ихъ, имѣли свой эмбриональный періодъ, свой періодъ развитія и утвержденія. Относительно самыхъ первичныхъ зачатковъ сторонники гипотезы не могутъ доказать, что они образовались или, по крайней мѣрѣ, могли образоваться въ матеріи сами собою, при надлежащемъ соединеніи въ ней заключающихся нужныхъ для того условій, тѣмъ не менѣе убѣждены, что они должны были образоваться именно такимъ образомъ. Если матерія носитъ въ себѣ такое богатство силъ и средствъ, что могла произвести изъ себя міръ растительный и міръ животный во всемъ ихъ разнообразіи, то представляется уже и страннымъ думать,

чтобы человѣкъ, у котораго такъ много общаго съ животнымъ, который оказывается въ такой всесторонней зависимости отъ матеріальныхъ и внѣшнихъ вообще условій жизни, не стоялъ по своему происхожденію и природѣ въ родственной связи съ животнымъ міромъ, но стоялъ какъ существо, превышающее творческое могущество матеріальной природы, раскрытое ею въ произведеніи и развитіи цѣлаго органическаго міра до человѣка. Человѣкъ есть только завершеніе развитія животнаго міра; въ немъ, какъ во всякомъ животномъ, все — продуктъ естественнаго развитія. И духовныя силы человѣка не суть нѣчто существенно новое, чего не было бы въ животныхъ и въ зачаточной формѣ; напротивъ, для всѣхъ духовныхъ силъ человѣка можно указать зачатки въ психическихъ силахъ, обнаруживаемыхъ животными. Все различіе и здѣсь въ степени развитія, и очень естественно думать, что образовалось это различіе постепенно и что постепенное развитіе зачатковъ духовныхъ силъ въ животномъ мірѣ до высоты ихъ въ человѣкѣ произошло такимъ же путемъ, при дѣйствіи тѣхъ же средствъ, какъ и постепенное развитіе, по гипотезѣ, животнаго міра на землѣ.

Сторонники гипотезы не могутъ не видѣть, и не отрицаютъ, громаднаго различія въ духовномъ отношеніи между представителемъ низшей человѣческой расы, низшимъ дикаремъ, и высшею обезьяной, наиболѣе человѣкоподобнымъ животнымъ. Человѣкъ и здѣсь, въ низшемъ дикарѣ, уже является человѣкомъ, со всѣми специфически человѣческими чертами, вообще существомъ разумнымъ; а животное и въ наиболѣе человѣкоподобныхъ представителяхъ своего царства все остается только животнымъ, неразумнымъ существомъ, совершенно замкнутымъ въ кругѣ чувственной жизни, очерченномъ для него опредѣленною организаціей его, и во всѣхъ своихъ стремленіяхъ и дѣятельностяхъ опредѣляющимся потребностями тѣла и управляющимся тѣмъ, что называется инстинктомъ. Но все это различіе, т. е. вообще разумность человѣка, думается дарвинистамъ, могло и должно было образоваться путемъ естественнаго развитія, все это различіе должно быть слѣдствіемъ какого-нибудь усовершенствованія организма, какой-нибудь ор-

ганической способности, жизнию развитой у человѣка изъ зачатковъ ея въ животномъ, возвысившей интеллектуальную силу человѣка, развиваемой далѣе дѣятельностію послѣдней и въ то же время этимъ своимъ развитіемъ способствовавшей ея развитію. И одною изъ такихъ посредствующихъ способностей, которая, развившись у человѣка, въ состояніи была перевести его отъ простой чувствительности къ сознательности, отъ ощущенія къ мысли, отъ инстинкта къ разуму, имъ представляется способность членораздѣльнаго, словеснаго языка.

Самъ Дарвинъ не говоритъ намъ прямо, что языкъ создалъ изъ неразумнаго животнаго разумное существо, человѣка: онъ только, съ одной стороны, указываетъ на то, что развитіе умственныхъ способностей должно было сдѣлать значительный шагъ впередъ, когда языкъ вошелъ въ употребленіе, а съ другой—показываетъ,—что—главное въ нашемъ вопросѣ,—какъ могъ быть сдѣланъ первый шагъ къ употребленію языка, говоря именно, что какое-нибудь обезьяновидное животное, необыкновенно умное, могло вздумать подражать вою извѣстнаго хищнаго животнаго для извѣщенія своихъ родичей объ угрожающей опасности и свойствѣ ея, и это было бы первымъ шагомъ къ образованію языка. Первое не представляетъ ничего неудобопріемлемаго и съ обыкновенной, старой, точки зрѣнія на отношеніе языка къ разуму. И второе еще не заставляетъ насъ оставить эту точку зрѣнія, если будемъ понимать сказанное Дарвиномъ, по точному смыслу его выраженій, такъ, что первый шагъ къ языку и могъ быть сдѣланъ только животнымъ необыкновенно умнымъ, умнымъ уже не по-животному, а по-человѣчески. Но и самъ Дарвинъ, нужно думать, не разрѣшилъ бы намъ такого пониманія, а дарвинисты прямо устраняютъ возможность его и вообще прежнюю точку зрѣнія, на дѣло. Достаточно будетъ указать на Геккеля, вождя нѣмецкихъ дарвинистовъ. По Геккелю, именно съ образованіемъ языка развившееся уже прежде человѣковидное животное — *Homo-alalus* пришло къ сознанію и разуму, такимъ образомъ совершилась «вторая и болѣе важная часть очеловѣченія (*Menschwerdung*)», и именно возникновеніе членораздѣльнаго языка, которое, безъ сомнѣнія, болѣе всего помогло

образованію глубокаго раздѣленія между человѣкомъ и животнымъ» (*J. Von Meyer: Philosophische Zeitfragen, 139*).

Психологи-механисты, въ своихъ построеніяхъ (физиологической или, что то же для нихъ, научной психологической), только съ полнымъ сочувствіемъ, какъ въ собственномъ дѣлѣ, помогаютъ дарвинистамъ въ дѣлѣ проведенія и утвержденія такого взгляда на языкъ человѣка въ его отношеніи къ разуму и далѣе на отношеніе человѣка къ животному міру: не иное что, а это именно, дѣлаетъ, на примѣръ, Вундтъ, которымъ «вопросъ о происхожденіи языка сводится къ вопросу о происхожденіи мимическихъ движеній вообще» и «этимъ упрощается настолько же, насколько обобщается» (*Вундтъ: лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, II, 485*).

Языкъ человѣческій по этому ученію мы должны признать механическимъ произведеніемъ постепеннаго механическаго же преобразованія и усовершенствованія животной организациі самую жизнь, и должны видѣть въ немъ уже не выраженіе и свидѣтельство разумности человѣка, а источникъ ея и съ нею всего, что теперь такъ глубоко отдѣляетъ человѣка отъ животнаго: мы будемъ имѣть въ такомъ случаѣ правильный, научный взглядъ на дѣло. Дѣйствительно ли, однако, это такъ?

Факты и на нихъ основанныя соображенія, какія приводятся и могутъ быть приведены въ подтвержденіе научности и правильности такого взгляда, кратко можно представить въ слѣдующемъ видѣ.

Какъ скоро изобрѣтенъ языкъ, т. е., усвоена привычка связывать извѣстный смыслъ съ движеніями, особенно звуками, вызываемыми у живого существа его внутренними состояніями и взаимоотношеніями съ другими существами, съ внѣшнимъ міромъ вообще, обозначать нѣчто этими движеніями и звуками, вмѣстѣ съ этимъ получено орудіе разложенія мысли, элементы которой даны уже въ чувствительности, но остаются здѣсь еще слитыми. Съ помощію этого орудія чувствующее существо освобождается отъ неопредѣленности чувствованія и простаго возрѣнія, содержаніе его интеллигенціи выясняется для него и становится его собственностію. За ощущеніемъ здѣсь слѣдуетъ абстракція, выдѣляющая и сохраняющая отдѣль-

ные элементы, связывая ихъ съ матеріальными знаками, легко опять находимыми памятью; элементы эти соединяются по ихъ взаимному сродству; отсюда обобщеніе, а обобщеніе уже прямо ведетъ къ умозаключенію. которое есть не иное что, какъ нисхожденіе отъ общаго къ частному или восхожденіе отъ частнаго къ общему. Такимъ образомъ, дать чувствующему существу языкъ значитъ дать ему вмѣстѣ способность мыслить, разумъ вообще, и открыть ему возможность человѣческаго интеллектуальнаго развитія.

Но не находимъ ли мы уже у животныхъ зачатковъ языка, изъ которыхъ могъ бы развиваться языкъ человѣка? Отвѣтъ долженъ быть утвердительный: животныя не только чувствуютъ, но имѣютъ и языкъ. «Понятіе языка не связано исключительно съ словомъ. Языкъ есть всякое выраженіе чувствъ, представленій или понятій» (*Вундтз*, тамъ же). Различаются вообще два рода языка: языкъ чувства и языкъ мысли, разума. Первый у человѣка представляется произвольными движеніями и особенно криками, междометіями; второй — членораздѣльный, словесный языкъ человѣка. Невозможно утверждать, что это психологическіе феномены двухъ совершенно различныхъ порядковъ. Оба рода языка мы видимъ соединенными у человѣка такъ, что онъ мало по малу и незамѣтно переходитъ отъ одного къ другому въ своемъ дѣтствѣ и потомъ въ теченіе жизни у него часто одинъ становится на мѣсто другого. Притомъ, въ самомъ языкѣ разума можно и нужно различать двѣ ступени — языкъ представленій и языкъ понятій. «Языкъ дитяти первоначально есть только языкъ чувства; лишь мало по малу онъ начинаетъ передавать представленія и наконецъ уже понятія. Есть цѣлые народы, у которыхъ эта послѣдняя ступень, ступень выраженія понятій, достигнута только весьма несовершенно, которыхъ языкъ всегда переводитъ понятіе на представленіе и, такимъ образомъ, возвращаетъ насъ къ тому времени, когда и весь человѣческій языкъ былъ еще исключительно языкомъ представленій» (*Вундтз*, тамъ же). Пусть животное теперь вовсе не имѣетъ языка разума; но оно чувствуетъ и безспорно имѣетъ языкъ чувства, — именно языкъ, какъ средство взаимнаго сообщенія, а не простой рефлексъ, отраженіе

и разрѣшеніе внутренняго возбужденія, не имѣющее дальнѣйшаго значенія. И если настоящій человѣкъ, дѣтство котораго такъ мало отличается отъ состоянія животности, необходимо начинаетъ языкомъ чувства прежде, чѣмъ приобретаетъ языкъ разума, то почему бы и животность, собственно такъ называемая, не могла въ теченіе вѣковъ, перейти отъ одного къ другому? Нужны еще дополнительные условія? Правда. Но какія?

Мнѣніе, утверждающее, что такой переходъ возможенъ только при посредствѣ особой интеллектуальной способности, не только стоящей выше чувствительности, но представляющей собою совершенно новое, чуждое животному, начало въ человѣкѣ, при посредствѣ разума, вполне неосновательно.

Съ одной стороны, въ чувствительности уже даны элементы мысли, притомъ какъ бы стремящіеся къ переходу въ мысль и у животныхъ уже переходящіе, по крайней мѣрѣ, въ опредѣленные представленія, такъ что языкъ животныхъ собственно неточно называютъ языкомъ чувства,—это уже нѣчто большее, чѣмъ только языкъ чувства. По крайней мѣрѣ «языкъ высшихъ животныхъ есть языкъ чувства и представленія» (*Вундтъ*, тамъ же). «Если бы», говоритъ Вундтъ (тамъ же, 483), «языкомъ животныхъ мы называли только тѣ звуки, которые издаетъ животное, то можно было бы согласиться съ тѣмъ, что языкъ животныхъ есть языкъ чувства. Но это было бы то же, какъ если бы подъ человѣческою рѣчью разумѣли только одни междометія. Въ мимическихъ движеніяхъ животнаго мы находимъ нѣчто большее, нежели такія грубыя проявленія чувства, вызываемыя только усиленнымъ аффектомъ. Въ движеніяхъ собаки, которой хочется, что бы ее взяли съ собой, выражается цѣлый рядъ совершенно опредѣленныхъ представленій, имѣющихъ только одинъ смыслъ. Эти движенія говорятъ: возьми меня съ собой, такъ ясно, какъ только могутъ сказать слова» ¹⁾. Не здѣсь, значитъ, не въ присутствіи

¹⁾ Сводя вопросъ о происхожденіи языка на вопросъ о происхожденіи мимическихъ движеній вообще, Вундтъ раздѣляетъ эти движенія на 1) рефлекторныя, выражающія всегда только чувство, 2) указательныя, служащія для выраженія представленій, но относящіяся только къ представленіямъ о предметахъ наличныхъ и не выходящія изъ сферы ближайшей, непосредственной чувственной обстановки,

достаточнаго интеллектуальнаго элемента, лежитъ условіе перехода отъ языка чувства къ языку мысли,—условіе, котораго недостаетъ животному.

Съ другой стороны, новая фізіологія ясно показываетъ намъ, гдѣ именно лежитъ это условіе, своими открытіями убѣждая насъ, что даже и ощущение еще не главное въ языкѣ, что всякій языкъ, какой бы онъ ни былъ, вполне подчиненъ мозговому механизму, вполне зависитъ отъ него и различныхъ случайностей, могущихъ повредить его.

Многочисленными фактами новая фізіологія доказываетъ, что языкъ есть функція органа языка, подобно другимъ, производимая автоматически дѣйствующимъ механизмомъ этого органа. Этотъ органъ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ голосовымъ аппаратомъ, на существованіе котораго у животныхъ въ достаточно совершенномъ видѣ для произведенія членораздѣльныхъ звуковъ обыкновенно указываютъ въ доказательство, что именно только въ отсутствіи у животныхъ мысли, разума, заключается причина отсутствія у нихъ членораздѣльнаго человѣческаго языка. Существуетъ особый органъ языка, отличный отъ всѣхъ другихъ, и если еще могли бы быть указаны нѣкоторыя незначительныя и частныя затрудненія для теоріи, помѣщающей его въ третьей лобной извилинѣ лѣваго полушарія мозга, — то патологическія наблюденія все же достаточно ясно показываютъ, что именно этой части мозга принадлежитъ главное дѣйствіе въ феноменахъ языка. Во множествѣ были наблюдаемы случаи такъ называемой афазіи, потери или

и 3) изобразительныя, выходящіи уже за предѣлы настоящаго, присутствующаго, и посредствомъ подраженія напоминающія отсутствующее. Мимика большей части животныхъ, по Вундту, ограничивается рефlekсами и непосредственно происходящими изъ нихъ инстинктивными движеніями; у высшихъ же животныхъ къ этому присоединяется указательная пантомима, и изъ нея состоитъ почти весь мимическій языкъ ихъ. Но Вундтъ полагаетъ, что по крайней мѣрѣ обезьяна способна и къ изобразительной пантомимѣ, что у нея довольно часто можно наблюдать этого рода пантомиму, а слабые слѣды ея можно найти и у собаки, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что у животныхъ этотъ языкъ пантомимы все еще стоитъ на границѣ указательныхъ движеній, такъ что, напримѣръ, на жестъ ѣды, дѣлаемый обезьяной, чтобы показать, что она хочетъ ѣсть, можно смотрѣть одинаково — какъ на указательную и какъ на изобразительную пантомиму (См. тамъ же 485, 487).

поврежденія способности рѣчи: человекъ, очевидно, вспоминаетъ, узнаетъ людей и вещи, предвидитъ, надѣется, страшится, словомъ—сохранилъ свою интеллигенцію, однако не можетъ уже сказать ни одного слова; онъ умираетъ, и при вскрытіи наблюдатель собственными глазами убѣждается въ поврежденіи, иногда разрушеніи, именно этой части мозга. И сверхъ того, тѣ же наблюденія заставляютъ признать, что этотъ спеціальнѣйшій органъ языка распадается на извѣстное число еще болѣе спеціальнѣйшихъ органовъ. По Брондбенту (Broadbent), въ двигательномъ центрѣ для мышцъ языка и губъ, лежащемъ въ третьей лобной извилинѣ, связанномъ съ центромъ слуха и непосредственно подчиненномъ высшему центру, интеллектуальному, имѣющему ближайшее отношеніе къ способности рѣчи и лежащему недалеко отъ перваго, на основаніи наблюденій можно отличать два отдѣла—центръ для названій, именъ и центръ для предложеній; первый связанъ съ центрами зрительнымъ, осязательнымъ и слуховымъ, послѣдній съ двигательнымъ центромъ языка и губъ. Отъ этого въ извѣстныхъ случаяхъ афазіи теряется способность составлять предложенія, хотя память словъ и способность произносить ихъ остаются (*Киндинскій*: общепонятныя психологическія этюды). Нѣкоторые фзіологи насчитываютъ до девяти спеціальнѣйшихъ способностей, относящихся къ языку, независимыхъ одна отъ другой и отличныхъ отъ общей мыслительной способности. Они основываются при этомъ также на положительныхъ наблюденіяхъ, показывающихъ, что каждая изъ этихъ способностей отдѣльно можетъ оказаться въ крайнемъ ослабленіи или чрезмѣрномъ возбужденіи, можетъ дѣйствовать неправильно, беспорядочно, можетъ даже исчезнуть, между тѣмъ какъ другія могутъ оставаться болѣе или менѣе въ нормальномъ состояніи. Такъ, наблюденія показываютъ, что разстройство можетъ поражать отдѣльно, а потому заставляютъ и различать: способность понимать слова и способность произносить ихъ, способность читать и способность писать, способность вообще вспоминать и способность вспоминать мелодію, способность вообще издавать голосовые звуки и способность пѣть, наконецъ способность придавать оттѣнки своему голосу. Наблю-

денія ведутъ, пожалуй, и далѣе: наблюдались случаи потери памяти только существительныхъ именъ, памяти только глаголовъ, наконецъ случаи, когда человѣкъ могъ произносить только одну фразу или одно слово и по всякому поводу произносилъ уже только эту фразу или это слово. Если эти частныя способности не связаны другъ съ другомъ, если разстройство или уничтоженіе одной не ведетъ за собою тотчасъ же разстройства или уничтоженія другой или другихъ, то это значитъ, конечно, что языкъ зависитъ отъ сложнаго механизма, каждая часть котораго имѣетъ свое отправленіе.

Не приводимся ли мы такимъ образомъ къ заключенію, что языкъ, въ исторіи человѣчества, есть произведеніе мозгового механизма, который приводитъ въ дѣйствіе голосовой аппаратъ, а этотъ послѣдній даетъ языкъ чувства или языкъ разума, смотря по степени сложности и силы самого механизма? И далѣе, такъ какъ языкъ есть нѣчто предшествующее по отношенію къ мысли, условіе переведенія ощущенія, или чувства вообще, въ раздѣльно ясную, собственно такъ называемую, мысль, не должны ли мы заключить, что усовершенствованіе жизни организма вообще и въ частности мозгового механизма органа языка произвело переходъ отъ инстинкта къ разуму чрезъ языкъ, который зависитъ отъ этого механизма, какъ мысль зависитъ отъ него, языка, — переходъ отъ homo primigenius alalus, т. е. животнаго къ настоящему человѣку, обладающему языкомъ и потому разумомъ?

Вотъ все, что говорится и, кажется, можетъ быть сказано въ доказательство правильности новой точки зрѣнія на языкъ и отношеніе его къ разуму. Намъ указываютъ на постоянную связь феномена языка съ феноменомъ жизни и дѣятельности особаго органа языка въ мозгу, такую связь, что измѣненія въ послѣднемъ сопровождаются измѣненіями въ первомъ, и говорятъ, что, такъ какъ внутреннее содержаніе, данное въ живомъ существѣ и выражаемое имъ своимъ языкомъ, въ сущности одинаково во всякомъ существѣ, то мы должны признать, что феноменъ жизни и дѣятельности особаго органа языка въ мозгу связанъ съ феноменомъ языка, какъ необходимое условіе и производящая причина его. Достаточна ли

для своей цѣли эта аргументація? Дѣйствительно ли указываемая связь постоянна и такъ намъ дана, что мы логически должны видѣть въ ней связь причинную? Дѣйствительно ли внутреннее содержаніе всякаго языка, животнаго и человѣческаго, существенно одинаково и по своему качеству для существованія и качества способности языка совсѣмъ безразлично, а напротивъ само, по крайней мѣрѣ—первоначально, выводится изъ своей безформенности единственно приложениемъ къ нему этой способности, какъ скоро она дана въ организмѣ? Не находимъ ли мы между феноменами, неизмѣнно связанными съ языкомъ, такихъ, которые напротивъ убѣждаютъ насъ въ зависимости его дѣйствительнаго бытія и всего его характера отъ особой внутренней природы и характера жизни существа, которому онъ принадлежитъ?

Мы не имѣемъ основанія отрицать или подвергать сомнѣнію существованіе въ мозгу особаго органа языка, равно и правильность локализациі его въ указанной части мозга. Въ послѣднемъ отношеніи сами собою, однако, вспоминаются намъ различныя, опиравшіяся, конечно, на фактическія основанія, казавшіяся достаточными, тѣмъ не менѣе оказавшіяся неудачными, локализациі различныхъ функцій животной и интеллектуальной жизни въ различныхъ частяхъ мозга. Конечно, не безъ фактическихъ основаній, подобныхъ тѣмъ, на которыхъ держится и локализациа органа языка. Флуранъ полагалъ, что онъ нашелъ центральный жизненный пунктъ въ мозгу, *point vital*; оказалось, однако, что его *point vital* «можетъ быть совершенно удаленъ (*ganz extirpirt werden*) безъ прекращенія отъ того тѣлесной или душевной жизни» (См. *Scheidemacher: Das Seelenleben und die Gehirnthätigkeit*, 1876. S. 135—136). Не можемъ мы также освободиться отъ сомнѣнія въ безусловномъ значеніи опредѣленнаго органа языка въ мозгу для способности языка, въ совершенной необходимости этого органа существу для возможности говорить, приводить въ цѣлесообразное дѣйствіе голосовой аппаратъ,—не можемъ въ виду нѣкоторыхъ, и немалочисленныхъ, фактовъ, которые сообщаются въ разныхъ сочиненіяхъ, относящихся къ спеціальной патологій мозга, и въ достовѣрности которыхъ не

имѣемъ никакого основанія сомнѣваться. Мы разумѣемъ случаи такихъ обширныхъ поврежденій мозга, гдѣ поврежденія не могли не коснуться и мозгового органа языка,—не коснуться въ размѣрахъ, не позволяющихъ ожидать сохраненія нормальной способности рѣчи,—и гдѣ эта способность однако сохранялась ¹⁾. Подобные факты навязываютъ намъ мысль, что говорящее въ человѣкѣ такъ независимо отъ опредѣленнаго органа языка въ мозгу, что можетъ еще какимъ-нибудь образомъ и безъ посредства этого нормальнаго органа языка, въ случаѣ его поврежденія, цѣлесообразно дѣйствовать голосовымъ аппаратомъ, что вообще языкъ не производится его органомъ. Гдѣ мы можемъ найти это говорящее въ человѣкѣ и можемъ ли въ какой-нибудь степени приписать его животному, это мы увидимъ далѣе.

Не будемъ мы настаивать на томъ, что между патологическими фактами относительно языка нужно различать два рода случаевъ: случаи, гдѣ рѣчь затруднена болѣе или менѣе вслѣдствіе какого-либо поврежденія органовъ, служащихъ для соподчиненія, опредѣленной группировки движеній, посредствомъ которыхъ языкъ выражаетъ мысль, и случаи, въ которыхъ языкъ поврежденъ или уничтоженъ, потому что сама мысль разстроена или подавлена. На это возразили бы, конечно, что въ весьма многихъ случаяхъ самыя представленія и воспоминанія словъ подвергаются подавляющему вліянію болѣзни, касающейся непосредственно мозговыхъ органовъ, связанныхъ съ органами собственно рѣчи, какъ, на примѣръ,

¹⁾ Вотъ два такіе случая. «Нѣкто, въ крайнемъ огорченіи отъ поступковъ жены, ранилъ себя выстрѣломъ въ лобъ между глазами. Разрушены были совершенно вся лобная кость, оба глаза и передняя часть обонхъ полушарій. Тысячи осколковъ костей засѣли въ мозговой массѣ. Онъ однако дышалъ... Призванный врачъ проговорилъ: «что тутъ дѣлать?» Къ немалому удивленію присутствовавшихъ раненный услышалъ и отвѣтилъ: «тѣмъ скорѣе дадите мнѣ умереть, тѣмъ будетъ лучше». Услышавъ и узнавъ подошедшую къ постели жену, онъ сказалъ: «это ваше дѣло, сударыня».—«Въ 1817 г. умеръ мальчикъ, съ 18-го мѣсяца жизни до 10-го года, года смерти, страдавшій многими, отъ родителей наслѣдованными, недугами сифилитическаго происхожденія. Съ 8-го года началось у него все возроставшее разрушеніе (Auflösung) организма, сопровождавшееся разслабленіемъ всѣхъ членовъ. Онъ потерялъ даже чувства обонянія, вкуса, зрѣнія, осязанія. Только слухъ и языкъ и умственная сила сохранились у него до самой смерти.

когда удерживаютъ въ памяти изъ слова только начальную букву и прибѣгаютъ къ какому-нибудь словарю, чтобы найти и быть въ состояніи сказать потерянное слово, — что такимъ образомъ языкъ во всякомъ случаѣ зависитъ отъ механизма, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ двойного.

Пусть такъ; но, не отрицая зависимости языка отъ локализованнаго органа въ мозгу и его механизма, мы все же должны различать въ фазоменахъ языка въ этомъ отношеніи нѣсколько группъ или, точнѣе, фазъ.

Прежде всего, чувствующее существо издаетъ различные звуки: они производятся у него посредствомъ очень простыхъ движеній, не требующихъ никакого труда координаціи ихъ. Голосовой органъ имѣетъ свою жизнь и свою функцію, какъ всѣ другіе органы живого тѣла. Только что родившійся ребенокъ уже кричитъ, какъ онъ двигаетъ руками и ногами. Потомъ онъ кричитъ, когда ему нехорошо, и смѣется, когда ему пріятно, потому что голосовой органъ симпатически принимаетъ на себя возбужденія прочихъ органовъ, повинуваясь общимъ законамъ жизни животнаго организма. Въ силу естественнаго дѣйствія тѣхъ же законовъ чувствующее существо стремится, или склонно повторять своими органами звуки, слышимые имъ; движенія, которыя дѣйствіе отъ нихъ побуждаётъ его выполнять, оно выполняетъ безъ усилія, — они — обыкновенное дѣйствіе подражанія, гдѣ машинально повторяются слышимые звуки. Всѣ эти звуки — органическія слѣдствія внутреннихъ процессовъ, для самого существа не имѣющія значенія выразителей этихъ внутреннихъ состояній. Это первая фаза, которую проходитъ человѣкъ въ своемъ раннемъ дѣтствѣ. Мы увидимъ, что животное дальше этой фазы и не идетъ.

Вторая фаза имѣетъ существенно важное значеніе въ языкѣ. Здѣсь звуки, уже какъ знаки, и знаки вообще умножаются и разнообразятся. Человѣкъ мало по малу привыкаетъ связывать извѣстное значеніе съ извѣстнымъ жестомъ или извѣстнымъ словомъ. Въ его воспоминаніяхъ организуются системы знаковъ, которыя вызываютъ системы представленій. Онъ привыкаетъ все съ большею быстротою и большею лег-

костію развивать эти переплетенные ряды, переходить отъ знаковъ къ представленіямъ и отъ представленій къ знакамъ. Словомъ, устанавливается, болѣе или менѣе сложный, механизмъ и обнаруживаетъ свою силу соединенными въ группы, координированными, движеніями; по мѣрѣ совершенствованія механизма усиліе уменьшается и сознаніе движеній слабѣетъ.

У большинства людей за этой фазой не слѣдуетъ никакой дальнѣйшей; но у нѣкоторыхъ наступаетъ еще третья, называемая афазіей, съ недавняго времени ставшая предметомъ многихъ патологическихъ и психологическихъ изслѣдованій. Въ этой фазѣ, устроенный въ предшествовавшей, механизмъ разстроивается. Животному совсѣмъ чуждо это состояніе,— оно не подвергается афазіи, какъ не подтвергается оно умопомѣшательству, по той простой причинѣ, что теряютъ только то, что напередъ приобрѣли или чѣмъ прежде обладали, то-есть---по той, что не приходитъ оно ко второй, указанной, фазѣ, оставаясь въ первой.

Теперь уже весьма многочисленныя наблюденія надъ афазіей представляютъ намъ нѣсколько особыхъ формъ этого болѣзненнаго разстройства механизма языка. 1) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ механизмъ оказывается вполне парализованнымъ: человѣкъ не въ состояніи уже сказать ни одного слова, не въ состояніи сдѣлать ни одного выразительнаго жеста,— движенія, зависящія отъ этого механизма, стали невозможны по совершенной неспособности къ дѣйствию пораженныхъ болѣзнію органовъ, составляющихъ его. 2) Въ другихъ случаяхъ механизмъ оказывается парализованнымъ только въ какой-нибудь части, между тѣмъ какъ прочія части продолжаютъ еще дѣйствовать: человѣкъ не можетъ, на примѣръ, писать, но можетъ еще читать, или наоборотъ. Наконецъ, 3) въ нѣкоторыхъ случаяхъ механизмъ не парализованъ ни вполне, ни въ какой-нибудь части, но разстроены, спутаны, отказывается дѣйствовать цѣлесообразно: человѣкъ говоритъ, на примѣръ, вмѣсто одного слова, которое хочетъ сказать, другое; хочетъ сказать, на примѣръ, *здравствуй*, - - говоритъ *здоровъ*. Довольно часто онъ замѣчаетъ свою ошибку и сердится, видя, что опять дѣлаетъ ту же ошибку, — установившіяся, привычныя ассо-

ціаціи неровностями теченія жизни, слишкомъ возбужденной въ одномъ пунктѣ и ослабленной въ другомъ, разрываются, замѣщаются новыми, непризнаваемыми памятью человѣка, навязывающимися его разстроеннымъ органамъ, какъ и его спутанной мысли. Можно, пожалуй, отличать и еще видъ болѣзни языка, но онъ очень близокъ къ только что описанному. Въ медицинѣ извѣстна, подъ именемъ Виттовой пляски, болѣзнь, въ которой члены безъ воли человѣка, если не противъ воли, выполняютъ ряды беспорядочныхъ движеній. Есть подобная болѣзнь и органовъ языка: слагается и дѣйствуетъ посредствомъ тѣхъ же органовъ, которые служили нормальному механизму, механизмъ новый, особенный и совершенно бесполезный,—человѣкъ говоритъ и жестикулируетъ безъ конца и не въ состояніи составить осмысленно ни одной фразы.

Таковы разнообразныя поврежденія и расстройства, которымъ можетъ подвергаться механизмъ языка. Невозможно отрицать, что этотъ механизмъ существуетъ и что онъ связанъ со спеціальными органами. Мы не можемъ не видѣть, что онъ можетъ дѣйствовать и самъ по себѣ и не всегда въ своей дѣятельности послушенъ разуму и волѣ человѣка. Но вѣдь никто же, съ другой стороны, не будетъ отрицать, что эта его дѣятельность—ненормальная, патологическое состояніе, и что патологическому состоянію должно было предшествовать развитіе и установленіе нормального состоянія. И потому мы, естественно, спрашиваемъ, какъ нормальный механизмъ языка слагается и, такъ сказать, благоустраивается? Какъ движенія, которыя онъ дѣлаетъ возможными, мало по малу координируются? А для рѣшенія этого вопроса нужно, очевидно, возвратиться ко второй фазѣ,—очевидно, именно въ этой фазѣ, а не въ первой, производится координація движеній, которыя потомъ будутъ достаточны для всѣхъ потребностей языка.

Всѣ гипотезы, направленныя къ уясненію намъ этой фазы съ механической точки зрѣнія, оказываются совершенно недостигающими своей цѣли. Для образца мы приведемъ одно изъ подобныхъ объясненій, данное физиологомъ Люисомъ (*Luys: Le cerveau*). Слово вообще, по его мнѣнію, есть не иное что, какъ внѣшняя реакція чувствилища (*sensorium*) въ со-

стояніи возбужденія. Психическая операція произведенія вольныхъ членораздѣльныхъ звуковъ—сложная операція, которая привлекаетъ къ участию всѣ силы живого индивидуума и которая тотализируетъ совокупность состояній его чувствительности: она резюмируетъ его возбужденность, неизбежно захватываетъ въ свое развитіе его личность, имѣющую сознание производящагося съ ея участіемъ, и становится такимъ образомъ самымъ живымъ тѣлеснымъ выраженіемъ, самымъ конкретнымъ синтезомъ всѣхъ нервныхъ энергій индивидуума въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, по Люису, если мы правильно понимаемъ его мысль, всѣ способности индивидуума безъ исключенія содѣйствуютъ организованію механизма слова, при неизбежномъ участіи даже воли, личности и сознания. Для этой столь сложной общей дѣятельности признается нужнымъ развитіе впечатлительности, усовершенствованіе разборчивой (élective) чувствительности къ вещамъ нравящимся и ненавнящимся; кромѣ того, признается далѣе нужнымъ, чтобы ребенокъ привыкъ интересоваться вѣчными предметами и хотѣлъ удержать образы ихъ и мысль о нихъ. Отселѣ эти образы ассоціируются мало по малу съ различными движеніями членораздѣльнаго языка, развитіе котораго идетъ параллельно развитію ихъ. Вотъ что могъ сказать фізіологъ, труды котораго по изслѣдованію функцій мозга высоко цѣнятся спеціалистами и который, стремясь установить, что мозговая дѣятельность—ряды движеній или рефлексивныхъ актовъ, предпочтительно именно на функціи языка, какъ на типической, отъ которой можно заключать къ другимъ, останавливается въ своихъ анализахъ. Желаннаго объясненія въ данномъ случаѣ отъ него мы далеко не получаемъ. Мы остаемся въ недоумѣніи, какъ можемъ мы думать, что механическое развитіе языка одно само по себѣ порождаетъ интеллектуальныя способности, и вмѣстѣ признавать, что всѣ способности должны совмѣстно дѣйствовать, чтобы организовать и установить самый этотъ механизмъ. Мы естественно спрашиваемъ далѣе, что же у одного человѣка въ цѣлой природѣ порождаетъ эту особенную любовь къ вещамъ, въ силу которой онъ стремится овладѣть ими въ своей мысли, наименовать ихъ, чтобы

легче созерцать образы ихъ? Трудно удовлетвориться отвѣтомъ, что это синтезъ всѣхъ нервныхъ энергій. Безъ сомнѣнія, проще и понятнѣе тотъ отвѣтъ, который говоритъ, что это стремленіе въ человѣкѣ — стремленіе духовной природы человѣка, разумнаго начала въ немъ. Не согласнѣ ли будетъ этотъ отвѣтъ и со всѣми фактами, относящимися къ языку?

Чѣмъ болѣе мы всматриваемся въ эту задачу и данныя, относящіяся къ ней, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что никакая механическая гипотеза не въ состояніи привести насъ къ удовлетворительному рѣшенію ея, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ невозможности признать, чтобы отъ самого органа происходила координація движеній, достаточныхъ для всѣхъ потребностей языка. — органа, притомъ, оказывающагося не простымъ органомъ, а цѣлою системою независимыхъ органовъ, согласное дѣйствованіе которыхъ должно имѣть свое основаніе въ чемъ-то предшествующемъ, стремящимся къ извѣстной цѣли и согласующемъ ихъ дѣятельность направленіемъ ея къ этой цѣли. Все приводитъ насъ къ мысли, что органъ языка послать только слѣдъ акта координаціи, который и воспроизводитъ, какъ скоро говорящее существо того хочетъ, и самымъ естественнымъ образомъ онъ уподобляется для насъ музыкальному инструменту, устроенному внѣшнимъ дѣятелемъ и способному дать элементы гармоническаго цѣлаго, но самое это цѣлое дающему только подъ руками такого же дѣятеля, владѣющаго имъ и пользующагося имъ для произведенія этого цѣлаго. Къ такой мысли приводитъ насъ уже, съ одной стороны, такая связь способности языка съ слухомъ, что глухота обыкновенно сопровождается нѣмотою и въ большей части случаевъ нѣмоты органической недостаткомъ, служащей причиною ея, заключается единственно въ недостаткѣ слуха, а съ другой — извѣстная способность нѣкоторыхъ птицъ произносить членораздѣльные слова и цѣлыя фразы, не приносящая, однако, имъ съ собою способности къ языку.

«Человѣческое существо, самымъ нормальнымъ образомъ одаренное, никогда не будетъ говорить, какъ скоро закрытъ доступъ къ нему только одного класса чувственныхъ впечатлѣній, слуховыхъ впечатлѣній», (*Whitney, La vie du langage,*

350). По способу умозаключенія, принятому за научный механистами, кажется, слѣдовало бы изъ данныхъ въ такой связи фактовъ заключить, что языкъ, а вмѣстѣ и разумъ, есть функція слухового нерва или слухового органа вообще. И тѣмъ болѣе слѣдовало бы, что такая связь языка съ слухомъ—фактъ даже болѣе очевидно постоянный, чѣмъ связь его со спеціальнымъ язычнымъ органомъ въ мозгу. Но на такую высоту научности мышленія трудно намъ подняться и почему-то никто еще, кажется, и не пробовалъ подняться. Все, понятное для насъ, значеніе слуха для способности говорить можетъ состоять только въ томъ, что онъ передаетъ въ распоряженіе человѣка данную въ организмѣ способность производить элементы, изъ которыхъ человѣкъ можетъ образовать себѣ словесный языкъ, какъ наилучшій, наиболѣе пригодный для удовлетворенія присущей ему внутренней потребности въ языкѣ. За постоянное присутствіе въ немъ этой потребности достаточно говорить тотъ фактъ, что и при недоступности для него наиболѣе пригодныхъ средствъ для образованія языка онъ все же не остается безъ языка,--изъ доступныхъ ему средствъ образуетъ себѣ языкъ, по существу одинаковый съ словеснымъ языкомъ. Мы не забываемъ, что органъ языка не то же, что органъ голоса; но намъ кажется, что это различеніе здѣсь не имѣетъ значенія. Вспомнимъ другой, указанный, фактъ -- способность нѣкоторыхъ птицъ къ произнесенію словъ и цѣлыхъ фразъ человѣческаго языка. Мы должны приписать имъ не одинъ голосовой органъ, способный производить членораздѣльные звуки, но и все то, что механически заставляетъ голосовой органъ производить координированныя движенія, нужныя для произведенія такихъ же звуковъ, приписать всѣ фізіологическія средства для образованія язычнаго механизма, достаточнаго для произведенія координированныхъ голосовыхъ движеній; отказывая имъ въ мозговомъ органѣ артикуляціи, мы вмѣстѣ съ этимъ допускали бы прямое дѣйствіе координирующаго внѣшняго вліянія на голосовые органы или, такъ какъ птица повторяетъ выученныя слова и безъ внѣшняго повода, должны бы были помѣстить его въ самомъ голосовомъ органѣ, а въ такомъ

случаѣ абсолютная связь артикуляціи съ особымъ органомъ языка въ мозгу стала бы сомнительною. И однако-жъ механизмъ языка устрояется у этихъ животныхъ только при участіи и въ мѣрѣ участія внѣшняго дѣятеля, и слова и фразы, которыя выучиваются они произносить, остаются словами и фразами языка, т. е. имѣющими смыслъ только для этого же дѣятеля и вовсе не становятся для самихъ животныхъ основами и поводами къ дальнѣйшему образованію языка. Ни малѣйшей тенденціи къ самостоятельной координаціи элементовъ языка у этихъ животныхъ не замѣчается; нѣкоторая тенденція къ воспроизведенію данной — все, къ чему способенъ ихъ органъ самъ по себѣ. «Никогда не слышали», говоритъ Максъ Мюллеръ (Новыя чтенія о языкѣ, чт. 2), «членораздѣльныхъ звуковъ, которые не были бы связаны съ представленіями, понятіями», т. е. членораздѣльныхъ звуковъ, издаваемыхъ органомъ самостоятельно, не данныхъ механическимъ раздраженіемъ. Это совершенно справедливо, но въ этомъ неразрывномъ соединеніи членораздѣльныхъ звуковъ съ представленіями, понятіями, должна быть скрыта тенденція къ артикуляціи и произведенію языка. Попугай можетъ произносить членораздѣльныя слова, но только произведенныя и данныя чужою мыслью. И не потому ли только и для человѣка становится возможнымъ членораздѣльный языкъ, что онъ «пріобрѣтаетъ большое множество опредѣленно раздѣленныхъ представленій о частныхъ отдѣльныхъ предметахъ и о ихъ отношеніяхъ другъ къ другу», что онъ «обладаетъ разчлененнымъ міромъ мыслей, такимъ, гдѣ отдѣльныя главныя представленія, соотвѣтствующія относительно самостоятельнымъ предметамъ, держатся отчетливо отдѣленными другъ отъ друга, и въ то же время опредѣленно различаются человекомъ ихъ измѣняющіяся отношенія другъ къ другу, что опять зависитъ отъ образа первоначальнаго пониманія вещей» (*Waitz, Anthropologie der Naturvölker, I. 330—331*)?

А. Смирновъ.

(Окончаніе будетъ).

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15-го Октября № 19. 1889 года.

Содержаніе: Постановленія съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, состоявшіяся 22 августа 1889 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Постановленія съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, состоявшіяся 22 августа 1889 года.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, прибывъ въ собраніе 22 августа въ числѣ 10-ти, и по молитвѣ, избравъ закрытою баллотировкой предсѣдателемъ съѣзда протоіерея Павла Малишевскаго и единогласно дѣлопроизводителемъ священника Александра Луценкова, приступили, затѣмъ, къ занятіямъ, подлежащимъ обсужденію съѣзда:

1) Разсматривали смѣту прихода и расхода суммъ по содержанію училищнаго общежитія въ будущемъ 1890 году; постановили: смѣту прихода и расхода суммъ принять безъ измѣненія; о покрытіи же ожидаемаго въ будущемъ году дефицита *) въ 700 руб., испрашиваемыхъ на добавочное содержаніе 70 полнокоштныхъ и полукоштныхъ епархіальныхъ воспитанниковъ имѣть особое сужденіе въ вечернемъ засѣданіи.

2) Разсматривали докладъ временно-ревизіоннаго комитета по документальной повѣркѣ экономическаго отчета и прихода-расходной книги училища за 1888 годъ; постановили: принять къ свѣдѣнію, выразивъ членамъ ревизіоннаго комитета благодарность съѣзда за ихъ трудъ по повѣркѣ отчета.

3) Разсматривали отчетъ съ подлежащими книгами и документами, составленный временно-строительнымъ комитетомъ по по-

*) Дефицитъ этотъ ожидается въ будущемъ году по причинѣ уменьшенія вѣнчковаго и свѣчнаго дохода, поступающаго отъ церквей училищнаго округа на содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ.

стройкѣ новаго зданія Сумскаго духовнаго училища, при чемъ заслушанъ былъ журналъ съ заключеніемъ членовъ временно-ревизіоннаго комитета по произведенной ими повѣркѣ вышеупомянутаго отчета; постановили: принять къ свѣдѣнію, выразивъ членамъ ревизіоннаго комитета искреннюю благодарность съѣзда за ихъ многосложный и весьма не легкій трудъ по повѣркѣ стропельнаго отчета.

При семъ съѣздѣ духовенства священнымъ долгомъ поставляемъ еще разъ выразить сыновнюю признательность отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Амвросію—основателю и строителю вполне благоустроеннаго зданія Сумскаго духовнаго училища, а также и благодарность сотрудникамъ Его Высокопреосвященства, потрудившимся много въ семъ дѣлѣ.

4) Слушали сообщеніе правленія училища объ открытіи съ 1 августа н. г. стипендіи имени основателя училища, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, учрежденной на 0/0 съ пожертвованнаго духовенствомъ училищнаго округа капитала въ 2500 рублей и утвержденной опредѣленіемъ Св. Синода 11—17 мая сего 1889 года за № 1725; постановили: принять къ свѣдѣнію.

5) Въ семъ же собраніи съѣздомъ избрана коммиссія изъ трехъ лицъ, имено: протоіерея Василия Доброславскаго и священниковъ: Николая Фесенко и Николая Яковлева для болѣе удобнаго разсмотрѣнія благочинническихъ вѣдомостей церквей училищнаго округа о приходѣ, расходѣ и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также и свѣдѣній о продажѣ вѣчниковъ и восковыхъ свѣчей какъ изъ церквей, такъ и изъ свѣчныхъ складовъ; причемъ, предложено коммисіи о результатѣ разсмотрѣнія вышеупомянутыхъ вѣдомостей сдѣлать докладъ съѣзду въ вечернемъ собраніи сего же числа.

6) Слушали сообщеніе правленія училища относительно понужденія нѣкоторыхъ изъ родителей учениковъ ко взносу слѣдующихъ денегъ за содержаніе въ училищѣ, постановили: недоимку, числящуюся за содержаніе учениковъ: 4 класса Даніила Пономарева 30 р., 3 класса Ивана Арстова 30 руб. и 1 класса Ивана Филоненка 40 р., а всего на сумму 100 руб.—по крайней бѣдности родителей поименованныхъ учениковъ, сложить со счетовъ, относительно же недоимки, числящейся за родителями ученика 1 кл. Александра Столяревскаго въ суммѣ 25 р. и ученика 1 кл. Стефана Заводовскаго въ суммѣ 5 руб., просить Его Высокопре-

освященство предоставить право мѣстнымъ оо. благочиннымъ сдѣлать вычетъ на уплату означенной недоимки изъ жалованья или изъ кружечныхъ доходовъ родителей тѣхъ учениковъ, предоставивъ затѣмъ сумму, слѣдующую въ правленіе училища, по возможности, въ непродолжительномъ времени.

7) Слушали отношеніе училищнаго правленія, отъ 22 августа за № 724 и, на основаніи указанныхъ причинъ въ ономъ, въ видахъ удобства для правленія по представленію срочной и годовой экономической отчетности, признали необходимымъ, на будущее время, назначать училищные сѣзды духовенства во второй половинѣ сентября мѣсяца.

8) Слушали прошеніе г. помощника смотрителя училища о добавкѣ ему содержанія и о дозволеніи пользоваться экономической лошадью ежедневно для доставленія его дочери въ Сумскую гимназію и обратно; постановили: къ получаемому жалованью въ суммѣ 588 руб. добавить еще 162 руб., объ изысканіи же средствъ на сей предметъ имѣть сужденіе въ вечернемъ собраніи; просьбу же на счетъ пользованія лошадью для означенной цѣли оставить безъ удовлетворенія.

9) Слушали прошеніе училищнаго фельдшера о назначеніи ему квартирнаго пособія въ суммѣ 120 р.; постановили: во вниманіе къ его долговременной и усердной службѣ при училищѣ добавить къ получаемому имъ жалованью, въ суммѣ 220 р., еще 80 руб., а объ изысканіи средствъ на сей предметъ имѣть сужденіе въ вечернемъ собраніи.

10) Слушали прошеніе воспитанника 4 кл. училища Тита Здорова изъ Полтавской епархіи объ освобожденіи его отъ платы за право обученія; постановили: предоставить это усмотрѣнію училищнаго правленія.

Резолюція Его Высокопреосвященства на сихъ постановленіяхъ послѣдовала такая: «Сентября 1. Назначеніе добавочнаго содержанія помощнику смотрителя и фельдшеру отмѣнить. Остальное утверждается».

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, собравшись въ вечернее засѣданіе въ числѣ 10-ти, слушали:

1) заявленіе благочиннаго 2 Сумскаго округа о неотложной нуждѣ устроить домъ для училищной больницы при общежитіи Сумскаго духовнаго училища и о способахъ изысканія средствъ для устройства сей больницы; постановили: устройство больницы, по общему сознанію сѣзда, необходимо и неотложно и указанныя

средства для сего благочиннымъ Чугаевымъ ни для церквей, ни для духовенства не стѣснительны; а потому просить Его Высокопреосвященство о разрѣшеніи правленію училища сдѣлать заемъ въ указанныхъ Чугаевымъ, или въ другихъ церквахъ сего округа до 5000 руб. съ уплатою годовыхъ $\%$, которые даетъ государственный банкъ, и погашать сей заемъ изъ арендной суммы за зданія бывшего училища въ г. Ахтыркѣ; по займѣ, немедленно-же приступить къ устройству больницы; но деревянную крышу замѣнить желѣзною и снаружн обложить кирпичемъ, если послѣднее окажется нужнымъ. Для сего-то и испрашивается заемъ до 5000 руб., вмѣсто 3200 руб., предложенныхъ на устройство сей больницы по смѣтѣ г. архитектора Прядкина. Планъ сего зданія, разсмотрѣнный также съѣздомъ, представить Его Высокопреосвященству. Живо сознавая неотложную потребность отдѣльнаго больничнаго зданія, съѣздъ усиленно проситъ Его Высокопреосвященство о разрѣшеніи правленію училища сего займа, дабы окончательнымъ благоустройствомъ заведенія навсегда въ сердцахъ духовенства твердо запечатлѣлась память о незабвенныхъ и многозаботливыхъ трудахъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія.

2) Слушали докладъ провѣрочной комиссіи о движеніи суммъ церквей сего училищнаго округа по благочинническимъ вѣдомостямъ за 1888 годъ; постановили: принять къ свѣдѣнію.

3) Вмѣстѣ съ сѣмъ заслушанъ былъ докладъ той же комиссіи о повѣрѣхъ вѣдомостей вѣнчиковыхъ и о продажѣ свѣчъ по церквамъ и комиссіонерскимъ складамъ, изъ какового доклада съѣздъ духовенства усматриваетъ очевидныя разности по забору свѣчъ церквами училищнаго округа. Такъ, напримѣръ, въ г. Лебединѣ въ Троицкую церковь въ теченіе года взято всего изъ епархіальнаго склада только 3 пуда свѣчъ, въ Николаевскую приписную 2 пуд., въ Воскресенскую самост. 2 пуда, въ Алешинскую Преображенскую 2 п. 20 ф., а прихожанъ при ней 1000 д. муж. п., въ Алешинскую Покровскую 2 п. 30 ф., а прихожанъ тоже 1000 д. м. п., въ Воскресенскую с. Ясеноваго 1 п. при 500 д. м. п., въ г. Ахтыркѣ въ Георгіевскую церковь 1 п. 35 ф., въ г. Богодуховѣ въ Соборно-Успенскую церковь всего 8 п., а прихожанъ 1400 д. м. п., въ Богодуховскую-же Троицкую 5 п., а прихожанъ 2400 д. м. п., въ Ахтырскій Покровскій Соборъ 35 п. 30 ф. и въ Сумской Преображенскій Соборъ 40 п.; между тѣмъ, въ приходскія церкви города Бѣлополя взято такихъ-же епархіальныхъ свѣчъ въ Рождество-Богородичную церковь 74 п. 20 ф., въ Покровскую 38 пуд.

12^{1/2} ф., въ Ильинскую 29 п. 21 ф.; постановили: просить Его Высокопреосвященство, чрезъ консисторію, напомнить оо. настоятелямъ, что такой слабый присмотръ со стороны ихъ по забору свѣчъ епархіальнаго завода доказываетъ явное невниманіе къ удовлетворенію обще-епархіальныхъ нуждъ; а гдѣ церковные старосты не внимаютъ впушеніямъ оо. настоятелей и высказываютъ явное ослушаніе по забору свѣчъ изъ чисто пчелинаго воска въ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ и забираютъ парафиновыя свѣчи, какъ болѣе дешевыя, и тѣмъ ускоряютъ порчу позолоты на иконостасахъ и кіотахъ копотью парафина,—таковыхъ увольнять отъ должности, какъ своимъ непониманіемъ или упорствомъ дѣлающихъ ливный ущербъ своимъ приходскимъ церквамъ. вмѣстѣ съ симъ просить оо. благочинныхъ отъ съѣзда духовенства на будущее время представлять при вѣдомости о заборѣ свѣчъ свѣдѣнія о количествѣ душъ м. п. въ каждомъ приходѣ отдѣльно.

4) Имѣли сужденіе объ изысканіи средствъ на покрытіе дефицита по училищной смѣтѣ на 1890 годъ въ 700 руб. и добавки 242 руб. по постановленію настоящаго съѣзда, поясненной въ пунк. 8 и 9 журнала утренняго засѣданія; постановили: дефицитъ въ 700 р. покрыть единовременнымъ взносомъ отъ церквей округа, а пособіе помощнику смотрителя и училищному фельдшеру въ количествѣ 242 р. назначить постояннымъ взносомъ тоже отъ церквей округа, сдѣлавъ раскладку той и другой суммы по церквамъ на благочинническомъ съѣздѣ и 700 руб. внести въ январѣ слѣдующаго 1890 г., а 242 р. вносить по полугодіямъ, включивъ въ полугодовую сумму на содержаніе Сумскаго духовнаго училища.

5) Слушали предложеніе училищнаго правленія отъ 22 августа за № 728 о томъ, не найдетъ ли съѣздъ возможнымъ разрѣшить правленію употреблять остатки суммъ, могущихъ образоваться отъ сбереженій, на постепенное снабженіе своекоштныхъ воспитанниковъ — полными спальными приборами и принадлежностями, въ которыхъ усматривается крайняя нужда для большинства своекоштныхъ воспитанниковъ; постановили: съѣздъ изъявляетъ свое согласіе, если на это послѣдуетъ разрѣшеніе Его Высокопреосвященства.

6) Временемъ очереднаго съѣзда въ 1890 году назначается 20 сентября.

На таковыхъ постановленіяхъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства слѣдующая: «сент. 1. Построеніе больницы, требуемое съ непріятною настойчивостью (при имѣніи для нихъ помѣщенія въ училищномъ корпусѣ) отложить до тѣхъ поръ, по-

ка правленіе училища собереть наличныя средства изъ аренды училищнаго дома въ Ахтыркѣ и собственной экономіи, а вмѣстѣ съ симъ и обложеніе церквей новымъ взносомъ отмѣнить. Проектъ займа при наличномъ долгѣ училища представляется неблаговременнымъ и трудно исполнимымъ. Сбереженія, назначаемыя для постелей своекоштныхъ учениковъ, обратить на устройство больницы, предоставлявъ о нуждахъ дѣтей заботиться родителямъ. О понужденіи священниковъ и старость означенныхъ церквей къ забору свѣчъ изъ епархіальнаго завода отнести въ консисторію съ переименованіемъ подробнымъ. Остальное утверждается».

Епархіальныя извѣщенія.

Должность благочиннаго Харьковскихъ домовыхъ церквей, за назначеніемъ благочиннаго свящ. Стефана *Любимого* указомъ Св. Синода отъ 6 сентября н. г. за № 3437 членомъ Харьковской Духовной Консисторіи на мѣсто протоіеря Николая *Лещенкова*, уволившагося по прошенію согласно домашнимъ обстоятельствамъ, какъ не вызывающая особенныхъ потребностей—упразднена и поручена благочинному г. Харькова свящ. Петру *Полтавцеву*.

— Священники: Изюмскаго уѣзда сел. Шабельковки Николаевской церкви Павелъ *Ряевскій* и Ахтырскаго уѣзда, сел. Млинковъ, Андреевской церкви Іоаннъ *Колосовскій*, по прошенію перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Свящ. Изюмскаго уѣзда, сл. Мечебиловой Іосифо-Обручницкой церкви Павелъ *Олейниковъ*, за крайнее нерадіе по службѣ, гордыню, неуваженіе къ начальству и противленіе власти, на основаніи ст. 411 улож. о наказ. изд. 1885 г., отрѣшенъ отъ занимаемаго имъ нынѣ мѣста въ примѣръ другимъ, и на его мѣсто въ Мечеблову, по прошенію, переведенъ свящ. Георгіевской церкви, сел. Бѣловода Сумскаго уѣзда, Сергій *Петровъ*.

— Богодуховскаго уѣзда с. Купьвахы, Антоній-Феодосѣевской церкви, свящ. Димитрій *Черняевскій*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ, а на его мѣсто перемѣщенъ свящ. Христо-Рождественской церкви с. Пятницкаго, Волчанскаго уѣзда, Іоаннъ *Поповъ*.

— Священники церковей Старобѣльскаго уѣзда Николаевской сл. Сычевки Никита *Слюсаревъ* и Николаевской сл. Богодаровой, Прокофій *Поповъ*, награждены набедренникомъ.

— Свящ. Христо-Рождественской церкви сл. Верхняго Салтова, Волчанскаго уѣзда, Александръ *Веселовскій*, согласно прошенію, по болѣзни уволенъ за штатъ и на праздное священническое мѣсто при означенной церкви

перемѣщенъ свящ. Александро-Невской церкви сл. Ново-Александровки, того же уѣзда, Сергій *Евфимовъ*.

— Свящ. Старобѣльскаго женскаго монастыря, Александръ *Татарскій*, награжденъ набедренникомъ.

— Свящ. Семепъ *Аннисимовъ* утвержденъ законоучителемъ вновь открывшагося начальнаго народнаго училища въ г. Купянскѣ.

— Священники: Митрофаніевской церкви с. Даниловки, Изюмскаго уѣзда, Павелъ *Санжаревскій*, и Ахтырскаго уѣзда с. Семеренекъ, Николаевской церкви, Николай *Кремтовскій*, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Свящ. г. Ахтырки Адріанъ *Мухинъ* уволенъ отъ должности законоучителя Ахтырскаго женскаго гимназіи.

— Свящ. с. Деревокъ, Ахтырскаго уѣзда, Георгій *Рубинскій*, опредѣленъ законоучителемъ Деревскаго народнаго училища.

— Свящ. Троицкой церкви с. Анненскаго, Сумскаго уѣзда, Іоаннъ *Чефрановъ*, согласно прошенію его, уволенъ за штатъ.

— Окончившій курсъ семинаріи, Павелъ *Ильинскій*, опредѣленъ по прошенію свящсп. къ Троицкой церкви с. Анненскаго, Сумскаго уѣзда.

— Исправляющій должность эконома при Харьковскомъ духовномъ училищѣ, діаконъ Іоаннъ *Добронимскій*, опредѣленъ на праздное діаконское мѣсто при Успенской церкви сл. Заводъ, Волчанскаго уѣзда.

— Діаконъ Троицкой церкви сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Іоаннъ *Власовскій*, перемѣщенъ на праздное діаконское мѣсто при Вознесенской церкви, сл. Салтова, Волчанскаго уѣзда.

— Діаконъ с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда, Константинъ *Аристовъ*, резолюціею Его Высокопреосвященства отрѣшенъ отъ должности съ запрещеніемъ священнослуженія.

— Псаломщики церковей соборной Троицкой г. Волчанска Владиміръ *Червонецкій* и Иверско-Богородичной с. Бѣлаго Колодезя, Волчанскаго уѣзда, Евгенийъ *Огульковъ*, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Псаломщики: сл. Удъ, Харьковскаго уѣзда, Иванъ *Кустовскій* и сл. Крутяковки Купянскаго уѣзда, Михаилъ *Николаевскій*, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Псаломщикъ с. Преображенскаго, Преображенской церкви, Купянскаго уѣзда, Косьма *Настюкинъ*, уволенъ за штатъ согласно прошенію, а на его мѣсто опредѣленъ сынъ діакона Василій *Мухинъ*.

— Псаломщики: Преображенской церкви сл. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, Федоръ *Стеллежскій* и Зміевскаго уѣзда с. Дудновки, Іоанно-Предтеченской церкви, Германъ *Стеллежскій*, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Псаломщикъ Митрофаніевской церкви г. Нодригаилова, Павелъ *Виноградскій*, волею Божією умеръ.

— Утверждены церковными старостами: Изюмскаго уѣзда, с. Прелестнаго къ Васильевской церкви, кр. Петръ *Заводовскій*; сл. Поповки къ Георгіевской церкви, кр. Стефанъ *Бондаревъ*; с. Ольховый-Рогъ къ Архангело-Михаиловской церкви, землевл. каз. Илларионъ *Степенко*; сл. Царь-Борисовой къ Николаевской церкви, кр. Ілія *Чубъ*; кр.: Трофимъ *Кашавцевъ* и Федоръ *Конотопъ*, 1-й къ Димитріевской церкви, сл. Васищева, а 2-й къ Екатерининской церкви, сл. Котаровки, Харьковскаго уѣзда; кр.: Федоръ *Булаховъ*, Николай *Чалый* и Василиій *Гиря*, 1-й къ Николаевской церкви, сл. Каменки, 2-й къ Георгіевской церкви, сл. Николаевки и 3-й къ Казанско-Богородичной церкви, сл. Старовировки, Кулянскаго уѣзда; кр.: Галактіонъ *Черный* и Матфѣй *Олимпъ*, 1-й къ Архангело-Михаиловской церкви, сл. Колупаевки, а 2-й къ Николаевской церкви, с. Русской-Лозовой, Харьковскаго уѣзда; кр. Стефанъ *Овчаровъ*, къ Пятиницкой церкви, с. Великаго Исторопа, Лебединскаго уѣзда; кр. *Кириченко*, къ Казанской церкви, с. Басовки, Сумскаго уѣзда; кр. Діомидъ *Давидовъ*, къ Архангело-Михаиловской церкви, с. Печинъ, Ахтырскаго уѣзда; кр. Василій *Думанюковъ*, къ Космо-Даміановской церкви, с. Людзи, Ахтырскаго уѣзда; кр. Іоанникій *Мостаненко*, къ Іоанно-Вопиной церкви, сл. Андреевки, Сумскаго уѣзда; кр. Евфимій *Назаренко*, къ Всѣхсвятской церкви, с. Малой Чернетчины, Сумскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Извѣстія изъ Галиціи.—Дополненіе устава Палестинскаго Общества.—Расширеніе дѣятельности этого общества.—Новыя постройки въ Палестинѣ.—Юбилей главнаго военнаго священника.—Учрежденіе публичныхъ библиотекъ при сельскихъ школахъ.—Открытіе публичной библиотеки при Митрофановскомъ монастырѣ въ Воронежѣ.—Отношеніе русскихъ иновѣрцевъ къ православію. Католицизмъ въ римской епархіи.—Враждебныя отношенія пасомыхъ къ пастырямъ.—Присужденіе премій митрополита Макарія.—Археологическія раскопки.—Сельская общественная библиотека.—По вопросу о замѣнѣ земскихъ школъ церковно-приходскими.—О презамеменовкахъ въ духовныхъ училищахъ.—Православное Миссіонерское Общество.—Дѣятельность Астраханскаго Кирилло-Меодіевскаго Общества.—Къ устройству церковно-свѣчнаго дѣла.—Сокращеніе духовенствомъ расходовъ на учебныя заведенія.—Взносы за награды.—Попытка улучшить бытъ духовенства.—Благотворное вліяніе духовенства на улучшеніе сельскаго хозяйства.—Вопросъ объ отношеніи нашей интеллигенціи къ дѣлу народнаго образованія.—Причины слабого развитія у насъ общества трезвости.—О юбилеяхъ и чествованіяхъ духовныхъ лицъ.—По вопросу о перпричинѣ для духовенства вгры въ карты.—Чудесное исцѣленіе.—О кладбищахъ.—Общепольныя свѣдѣнія.

Въ Галиціи голодъ. Родственное намъ и по крови, и по вѣрѣ населеніе несчастной «Голціи и Глодоморіи», какъ называлъ Галицію и Лодимирію Янъ Лямъ, уже теперь, послѣ сбора хлѣба, испытываетъ нужду въ хлѣбѣ. Бывшій галиційскій дѣятель, а нынѣ русскій протоіерей о. І. Наумовичъ такъ характеризуетъ настоя-

щее положеніе русскаго населенія Галиціи: «народъ смотритъ на свои сухія поля, съ отчаяніемъ ломая руки, въ зловѣщей перспективѣ предвидя голодную смерть себѣ и скоту и неминуемый переходъ земли въ чужія руки некрещенныхъ». И дѣйствительно, населенію предстоитъ печальная перспектива. Обезземеленіе галиційскихъ крестьянъ уже началось давно и каждый неурожай усиливаетъ его въ страшной пропорціи. Посѣщавшіе Почаевъ галиційскіе паломники поражались разницей въ положеніи крестьянства нашего и галиційскаго, и каждый изъ нихъ, возвратившись домой, не могъ забыть того, что онъ видѣлъ въ Россіи, къ которой не можетъ не обращать свои взоры. А въ настоящемъ году эта разница особенно бросалась въ глаза. Ближайшія мѣстности наши, граничащія съ Галиціей, находятся въ одинаковомъ положеніи съ точки зрѣнія атмосферическихъ вліяній, но тѣ же стихіи въ Галиціи дали настоящій голодъ, а у насъ средній урожай. Достаточное количество земли, которымъ надѣлены наши крестьяне, даетъ возможность вести болѣе разнообразную культуру, особенно яровыхъ хлѣбовъ. Благодаря этому, неурожай для нашихъ крестьянъ далеко не такъ страшенъ, какъ для галичанъ, владѣющихъ ничтожными клочками земли, обремененной непомерными долгами всевозможнымъ ростовщикамъ, живущимъ по деревнямъ и держащимъ населеніе въ настоящей кабалѣ. Вотъ результаты того неслѣпаго политиканства, которому всецѣло предается галиційская интеллигенція, рѣшающая міровые вопросы, раздѣляющая государство, съ легкимъ сердцемъ и образцовымъ безсмысліемъ перекраивающая карту Европы. Народъ для этихъ высшихъ политиковъ «простое быдло», о которомъ не стоитъ думать, ибо что такое голодъ «мужика» сравнительно съ идеей образованія, напри- мѣръ, «кіевскаго гетманства», о которомъ печатно мечтаютъ львовскіе глумоманы! Населеніе Галиціи бѣдствуетъ матеріально, между тѣмъ какъ значительная часть ея интеллигенція погрязаетъ еще въ худшемъ бѣдствіи, погрязаетъ въ духовно-нравственной нищетѣ. Послѣдніе аресты во Львовѣ обнаружили эту нищету во всей ея грязной наготѣ. Въмѣсто того, чтобы работать на пользу родного края, бездоленность котораго становится съ каждымъ днемъ все ужаснѣе, львовскіе интеллигенты составляютъ новую карту Европы, подѣливъ ее на гетманства и, конечно, распредѣливъ ихъ между главарями своими. Это уже не насмѣшка надъ здравымъ смысломъ, а настоящая оргія нищихъ духомъ среди голодающаго населенія, видящаго въ зловѣщей перспективѣ голодную смерть». («Кіевс. Сл.»).

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Его Императорскаго Высочества предсѣдателя Императорскаго православнаго палестинскаго общества, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Состоящую при азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ палестинскую комиссію закрыть, передавъ ей обязанности, дѣла и капиталы въ завѣдываніе совѣта православнаго палестинскаго общества. 2) Въ уставъ православнаго палестинскаго общества включить, взаменъ нынѣ существующихъ въ немъ правилъ: а) православному палестинскому обществу присвоивается названіе «Императорское»; б) вице-предсѣдатель общества и представители въ совѣтѣ онаго отъ вѣдомствъ Святѣйшаго Синода и министерства иностранныхъ дѣлъ назначаются по представленію предсѣдателя Высочайшею волею; в) ежегодныя смѣты и отчеты общества вносятся, чрезъ предсѣдателя, на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе; г) дѣла, передаваемые совѣту православнаго палестинскаго общества и донныя находившіяся въ вѣдѣніи палестинской комиссіи, не подлежатъ обсужденію общаго собранія общества.

— «Новости» сообщаютъ, что секретарь Императорскаго православнаго палестинскаго общества, т. е. В. Н. Хитрово отправился въ Іерусалимъ. Настоящая поѣздка г. Хитрово находится въ связи съ состоявшеюся недавно фактической передачею палестинскому обществу дѣлъ, обязанностей и капиталовъ бывшей при азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ палестинской комиссіи, а равно и съ дѣломъ скорѣйшаго окончанія предпринятыхъ палестинскимъ обществомъ значительныхъ сооружений въ Іерусалимѣ. Расширеніе сферы дѣятельности палестинскаго общества вслѣдствіе означенной передачи, сосредоточеніе въ немъ одномъ всѣхъ заботъ о благотворительныхъ и учебныхъ русскихъ учрежденіяхъ въ Святой Землѣ, побудило палестинское общество ближе ознакомиться на мѣстѣ съ современнымъ состояніемъ православныхъ учрежденій въ Іерусалимѣ и съ ихъ ближайшими задачами, чтобы точнѣе опредѣлить характеръ своей дѣятельности и въ новомъ ея періодѣ. Что касается, въ частности, учрежденій общества для пособія православнымъ паломникамъ въ Святую Землю, то обширныя постройки — страннопріимные дома внутри и вѣнъ іерусалимскихъ стѣнъ — въ настоящее время приближаются къ окончанію. Страннопріимный домъ вѣнъ іерусалимскихъ стѣнъ будетъ оконченъ, вѣроятно, настоящею осенью; стоимость его простирается свыше 450 тысячъ франковъ. Другая постройка, на кото-

рую ассигновано до 350 тысячъ франковъ, также быстро подвигается впередъ.

— Въ «Сынѣ Отечества» сообщается, что 17 сентября, въ квартирѣ главнаго священника гвардіи, гренадеръ, арміи и флотовъ, А. А. Желобовскаго было братское собраніе столичныхъ и окрестныхъ военныхъ священниковъ, которые привѣтствовали своего начальника съ исполненнымъ тридцатилѣтіемъ службы его въ священническомъ санѣ. Въ память этого событія военное духовенство постановило собрать капиталъ на учрежденіе стипендіи имени о. Желобовскаго въ новгородской семинаріи, гдѣ онъ получилъ среднее образованіе. Кромѣ сего, причты — Сергіевскаго и Адмиралтейскаго соборовъ поднесли иконы съ адресами, а московское военное духовенство — адресъ въ великолѣпной обложкѣ.

— «Новости» сообщаютъ, что вслѣдствіе ходатайства, возбужденнаго нѣкоторыми земствами, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ настоящее время устройство при отдѣльныхъ сельскихъ и городскихъ училищахъ особыхъ публичныхъ общедоступныхъ библіотекъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, министерство поставило въ обязанность завѣдующимъ такими библіотеками, чтобы выборъ книгъ для послѣднихъ производился подъ ближайшимъ контролемъ учебнаго начальства, а также чтобы чтеніе книгъ отнюдь не было разрѣшаемо въ самомъ помѣщеніи библіотеки и производилось лишь на дому.

— Существующее въ г. Воронежѣ братство свв. Митрофана и Тихона въ нынѣшнемъ году открываетъ библіотеку при Митрофановомъ монастырѣ для публки три раза въ недѣлю: въ воскресенье, вторникъ и пятницу, съ 2-хъ до 5-ти часовъ вечера. Всѣ желающіе пользоваться книгами читальни имѣютъ право брать книги на домъ и читать въ библіотекѣ бесплатно. Въ обезпеченіе цѣлости книгъ и своевременнаго ихъ возвращенія въ библіотеку, подписчики, берущіе книги на домъ, оставляютъ залогъ въ размѣрѣ стоимости изданія. Въ библіотеку выписываются журналы духовно-нравственнаго содержанія и при ней же продаются дешевыя изданія религіозно-нравственнаго содержанія.

— Русскіе иновѣрцы при случаѣ обнаруживаютъ вполне доброе отношеніе къ православію и православнымъ. къ такому заключенію располагаетъ, напримѣръ, появившееся описаніе посѣщенія высокопреосвященнымъ холмско-варшавскимъ Леонтіемъ, въ прошломъ августѣ, церковей сувальскаго округа. На пути въ Сувалки, въ с. Краснополѣ, православнаго архипастыря привѣтствовали и

поднесли хлѣбъ соль, между прочимъ, мѣстные жители—католики. Въ посадѣ Ставискахъ привѣтствовали архинастыря и приняли благословеніе два ксендза. Для встрѣчи его въ ломжинскомъ соборѣ собрались, кромѣ духовенства и прихожанъ, многіе католики и лютеране съ пасторомъ. Иного рода отношенія къ православной церкви обнаруживаются нѣкоторыми другими членами протестантскаго духовенства въ Россіи, какъ видно, между прочимъ, изъ только-что появившагося на нѣмецкомъ языкѣ «Открытаго письма къ пастору Дальтону».

— Нѣкоторые православные, съ своей стороны, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, не смотря на всѣ тяжелые уроки прошлаго, въ своихъ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ обнаруживаютъ нѣчто большее обыкновенной и естественной пріязни къ христіанамъ. Преосвященный рижскій Арсеній, напрымѣръ, при посѣщеніи церкви въ селѣ Хрщевѣ, въ прошломъ маѣ, въ своемъ словѣ къ мѣстнымъ прихожанамъ нашелъ нужнымъ указать на то, что православные этого прихода заражены католицизмомъ, посѣщаютъ сосѣдній костелъ и бываютъ на польскихъ праздникахъ. При этомъ преосвященный просилъ слушателей больше любить свой православный храмъ, запрещалъ имъ ходить въ костелъ на молитву и обращаться по церковнымъ нуждамъ къ католическимъ священникамъ. Мѣстность хрщевская сильно заражена католичествомъ. Слово «я полякъ» мѣстному бѣлорусу кажется роднѣе, чѣмъ «я русскій». Причина такого явленія та, что хрщевскій приходъ до конца 70-хъ годовъ находился подъ управленіемъ священниковъ изъ униатовъ.

— Во внутренней жизни нѣкоторыхъ православныхъ приходовъ давно замѣчается и указывается нестроеніе, происходящее вслѣдствіе натянутыхъ или даже враждебныхъ отношеній къ мѣстнымъ священникамъ со стороны вліятельныхъ прихожанъ, при чемъ вина ложится прежде всего и даже всецѣло на прихожанъ. Есть не мало примѣровъ такого рода: поступающій въ приходъ священникъ находитъ тамъ много опущеній и недостатковъ и принимается за исправленіе ихъ; но онъ наталкивается на противодѣйствіе разныхъ недобросовѣстныхъ и темныхъ личностей, дѣйствующихъ иногда открыто, чаще же при помощи сплетни и т. под. средствъ; мірошды-пьяницы, иногда, къ сожалѣнію, вмѣстѣ даже съ сельскимъ и волостнымъ начальствомъ, начинаютъ упорную борьбу и ведутъ ее нерѣдко такъ успѣшно, что имъ удается отравить или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать очень горькою жизнь своего пастыря.

(«Церк. Вѣсти.»).

— Не мало цѣнныхъ ученыхъ изслѣдованій появилось въ русской литературѣ вслѣдствіе учрежденія премій за подобныя изслѣдованія незабвеннымъ митрополитомъ московскимъ Макаріемъ. Падавшее на пынѣшній годъ соисканіе премій митрополита Макарія въ академіи наукъ привлекло на судъ академіи значительное число важныхъ ученыхъ трудовъ, и если академія, какъ сказано въ ея отчетѣ, выбирая, для награжденія, лучшія изъ лучшихъ сочиненій, могла радоваться, что награды выпали на долю достойнѣйшихъ, то она не могла не сожалѣть о томъ, что нѣсколько весьма замѣчательныхъ трудовъ должны были остаться неувѣнчанными, единственно по ограниченности числа наградъ. Къ назначенному для приѣма сочиненій сроку было представлено авторами 16 сочиненій, въ томъ числѣ два рукописныхъ; въ нимъ присодинилось еще два сочиненія, отложенныхъ отъ предшествовавшаго конкурса. Полныхъ премій (въ 1500 р.) удостоено два сочиненія, неполныхъ (въ 1000 р.)—три сочиненія. Полной преміи удостоены: «Треніе въ машинахъ», соч. проф. ген.-лейт. Н. П. Петрова, по отзыву рецензента, «полное новыхъ, замѣчательныхъ результатовъ, приведенныхъ въ правильную систему, и «Описаніе триангуляціи въ Болгаріи, произведенной въ 1877, 1878 и 1879 годахъ», составлено ген.-маіоромъ М. Н. Лебедевымъ и признанное «вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ, обогатившимъ разные отдѣлы науки многими новыми наблюденіями первостепенной важности». Неполныя преміи присуждены: 1) проф. Т. Д. Флоринскому за соч. «Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя сербовъ и грековъ», трудъ, въ которомъ представлены многолѣтнія архивныя розысканія и критическія изданія весьма цѣнныхъ памятниковъ; 2) проф. А. А. Кочубинскому за сочиненіе «Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ Румянцевъ»,—обширную характеристику, написанную живо, увлекательно, съ полнымъ знаніемъ дѣла и отчасти по новымъ источникамъ, — трудъ, написанный на благодарную тему, раньше никѣмъ неразработанную; 3) г. Ордину за сочиненіе: «Покореніе Финляндіи. Опытъ историческаго описанія». Г. Ординъ даетъ въ своемъ изслѣдованіи столь много новаго и до сихъ поръ неизвѣстнаго, что его трудъ, по истинѣ, является выдающимся приобретеніемъ для русской исторической науки.

— Прошлымъ лѣтомъ произведено не мало важныхъ въ научномъ отношеніи раскопокъ. Кіевскій археологъ г. Завитневичъ производилъ раскопки въ минской губ., и эти раскопки, по слухамъ,

открываютъ собою рядъ систематическихъ раскопокъ въ предѣлахъ этой губерніи. Раскопками занимались и любители. 4 сентября въ впаденскій музей древностей поступило пожертвованіе псаломщика роговской церкви г. Кушиковича, состоящее изъ нѣсколькихъ предметовъ, причисляемыхъ обыкновенно къ бронзовому и желѣзному періодамъ, и добытыхъ имъ при раскопкахъ.

— Не такъ давно въ одномъ изъ селъ харьковской губ., именно с. Марковскомъ, открыта первая въ Россіи сельская общественная бібліотека. Эта бібліотека принадлежитъ цѣлой волости и завѣдуется правленіемъ, выбраннымъ изъ мѣстныхъ жителей. Постановивъ учредить бібліотеку, марковскіе крестьяне обратились за содѣйствіемъ къ харьковскому обществу грамотности. Общество отислось къ просьбѣ сочувственно и открыло сборъ пожертвованій книгамъ. Всего собрано и сдано въ марковскую бібліотеку 1393 книги, изъ которыхъ 488 религіозно-нравственнаго содержанія, 311—беллетристическаго, 96—сельско-хозяйственнаго, 79—географическаго, 128—историческаго, 63—медицинскаго, 60—естественно-научнаго и 167 разныхъ книгъ.

— «Церк. Вѣстн.» обращаетъ вниманіе на вопросъ о замѣнѣ земскихъ школъ церковно-приходскими. Въ газетахъ,—говоритъ онъ,—распространился слухъ о томъ, что вопросъ о замѣнѣ земскихъ школъ церковно-приходскими уже окончательно рѣшенъ въ правительственныхъ сферахъ. Понятно, что слухъ этотъ возбудилъ весьма много толковъ и волненій, особенно со стороны лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Учителя, учительницы, инспектора и директора земскихъ народныхъ школъ съ понятною тревогою спрашиваютъ всѣхъ и каждого, справедливъ ли этотъ слухъ и если справедливъ, то что будетъ съ ними: останутся ли они на прежнихъ мѣстахъ, будутъ ли получать прежнее содержаніе и пользоваться прежними служебными правами, или должны будутъ искать себѣ новой работы, новыхъ мѣстъ, новаго содержанія? Никто, конечно, не можетъ дать имъ прямого отвѣта на такіе вопросы, хотя съ увѣренностію можно сказать, что слухъ о замѣнѣ земскихъ школъ церковно-приходскими по меньшей мѣрѣ должно считать въ настоящее время преждевременнымъ. Какъ ни странно кажется настоящей строй народнаго образованія, раздѣленный между тремя вѣдомствами: духовнымъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія и земствомъ, причемъ каждое преслѣдуетъ какъ бы свои отдѣльныя задачи и имѣетъ свои собственныя традиціи, и какъ бы ни естественно было желать и стремиться къ тому, чтобы начальное

народное образованіе было исключительно сосредоточено въ рукахъ приходскаго духовенства, но для осуществленія этого потребуется, при настоящихъ условіяхъ, слишкомъ многое. Для того, чтобы все православное приходское духовенство вполнѣ освоилось съ школьно-педагогическими задачами, чтобы все оно дружно и неустанно взялось за громадное дѣло начального народнаго образованія, чтобы это дѣло не только не подавило его своею невообразимою тяжестью, не только не отразилось бы невыгодно на другихъ сторонахъ церковно-приходской дѣятельности духовенства, но чтобы народная школа, находясь въ рукахъ духовенства, развивалась, процвѣтала и приносила достойный и желательный плодъ,—для подготовки всего этого нужно и много времени, и много матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ. Безъ этого же едва ли простая, бумажная передача школъ изъ одного вѣдѣнія въ другое принесетъ какую-нибудь пользу. Скорѣе даже это можетъ отразиться невыгодно какъ на школьномъ дѣлѣ, такъ и на его руководителяхъ, и мы склонны думать, что пущенный въ газетахъ слухъ о замѣнѣ земскихъ школъ церковно-приходскими вытекаетъ изъ нечистаго источника, изъ желанія нѣкоторыхъ лицъ поинтересоваться въ обществѣ на счетъ церковно-приходской школы, и безъ того не пользующейся въ немъ особенными симпатіями. Въ подтвержденіе высказаннаго нами приводимъ нѣсколько строкъ по этому вопросу изъ «С.-Петерб. Вѣд.». «При всемъ рвеніи, какое мы можемъ предположить со стороны приходскаго духовенства въ дѣлѣ обученія дѣтей грамотѣ, оно все же не въ состояніи фактически отдавать школъ столько времени, какъ учитель, специально постановленный для этой цѣли. Если же, какъ это практикуется, обученіе дѣтей будетъ возлагаться на діаконовъ и причетниковъ, то является и опасеніе за совершенство преподаванія. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что сліяніе школъ обоого рода можетъ сильно отозваться и на общей суммѣ затратъ на народное образованіе. Въ настоящее время на школы идутъ и правительственныя, и земскія, и крестьянскія, и специально епархіальныя суммы, и жертвованія благотворителей. И безъ того довольно скромный бюджетъ народнаго образованія поддерживается разнородными поступленіями, въ силу широкаго привлеченія къ дѣлу общественныхъ сферъ. Нѣтъ никакого основанія искусственно преграждать доступъ общественныхъ силъ и капиталовъ, суживая область ихъ примѣненія. Если земство открывало школы, назначало учителей и тратило средства на учебныя пособія, то оно не было предоставлено во всемъ объемѣ школь-

наго дѣла своей инициативѣ. Программы были министерскія, учебники разсматривались въ ученomъ комитетѣ министерства, на мѣстахъ существовалъ надзоръ министерскихъ инспекторовъ и т. д. Оказалось, однако, что земская школа увлеклась по пути мудрствований и, вмѣсто толковыхъ началъ грамотности, пронагандировала логическіе кунштюки г. Евтушевскаго. Но почему же здѣсь больше виновато земство, нежели министерство народнаго просвѣщенія, отъ котораго зависѣло во всякое время упразднить педагогическіе методы г. Евтушевскаго и освѣжить персоналъ учителей земскихъ школъ? Такимъ образомъ, намъ кажется, отпадаетъ наиболѣе яркое обвиненіе противъ земской школы. Если оно раздавалось и продолжаетъ еще раздаваться, то это объясняется не столько недостатками школы, сколько тѣмъ отрицательнымъ отношеніемъ къ земству, которое вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ отлилось въ совершенно опредѣленное теченіе, и подкапывается подъ зданіе земства не только путемъ прямого его отрицанія, но и косвеннымъ образомъ, лишая земство всякой жизнеспособности и стремясь низвести его права и обязанности до нуля. Только съ этой точки зрѣнія можно понять, почему многихъ такъ радуется мысль о сліяніи земскихъ школъ съ церковно-приходскими, подъ видомъ школъ послѣдняго рода.

— Въ «Моск. Церк. Вѣд.» помѣщена не лишенная интереса замѣтка о переэкзаменовкахъ въ духовныхъ училищахъ. Просматривая за лѣто, — говоритъ авторъ замѣтки, — въ разныхъ епархіальныхъ органахъ списки учениковъ духовныхъ училищъ, невольно обращаешь вниманіе на ту массу переэкзаменовокъ, которыя правленія училищъ, какъ бы желая одно у другого оспорить пальму первенства, назначаютъ учащимся дѣтямъ. Читая эти цифры и присутствуя на переэкзаменовкахъ, авторъ задавался вопросомъ о пользѣ таковыхъ и всегда приходилъ къ отрицательному отвѣту. Въ доказательство этого онъ приводитъ слѣдующія соображенія. Переэкзаменовки назначаются ученикамъ, имѣющимъ за годъ въ общемъ выводѣ баллъ удовлетворительный, а на экзаменѣ получившимъ отмѣтку ниже 3. Дурной отвѣтъ ученика на экзаменѣ объясняется или общею недостаточною его подготовкою (удовлетворительный годовой баллъ поставленъ, слѣдовательно, наставникомъ неправильно), или же какою-либо печальною случайностью. Въ первомъ случаѣ, если ученикъ не получилъ достаточнаго запаса нужныхъ свѣдѣній за годъ, если даже при постоянной помощи наставника, былъ слабъ въ извѣстномъ предметѣ, что сдѣлаетъ онъ

одинъ, предоставленный только себѣ, въ теченіе каникулъ? Въ гимназіяхъ, гдѣ воспитываются въ значительной части дѣти болѣе или менѣе состоятельныхъ родителей, имѣющихъ возможность нанять для нихъ въ нужное время репетиторовъ; въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ учатся уже взрослые юноши, въ которыхъ можно предполагать способность къ самостоятельной работѣ, — переэкзаменовки еще могутъ принести какую-нибудь пользу; но ученика духовнаго училища, только что начавшаго знакомиться съ азами науки, можно ли предоставить самому себѣ? Вѣдь уже помочь-то ему, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, рѣшительно некому. А безъ указки идти впередъ куда какъ трудно! Если ученикъ съ трудомъ воспринималъ объясненія учителя, приравливающагося къ его пониманію и по возможности упрощающаго изложеніе тѣхъ или другихъ правилъ, знаніе которыхъ требовалось, пойметъ ли онъ сухой учебникъ, которому, конечно, нѣтъ никакого дѣла до слабаго «отрочата?» И учить ребенка безъ толку, притупляя свои и безъ того не острые способности, и поражаетъ затѣмъ своихъ экзаменаторовъ феноменальными нелѣпостями, что «было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». Странно въ особенности видѣть назначеніе переэкзаменовокъ по арифметикѣ и по письменнымъ упражненіямъ, точно также производимыхъ въ концѣ лѣтнихъ вакацій. Чтобы успѣшно сбыть переэкзаменовку, мальчику нужно усердно заниматься рѣшеніемъ задачъ и письменными упражненіями. Спрашивается: кто поможетъ въ первомъ случаѣ, когда онъ станетъ втупикъ предъ умственными вычисленіями, кто будетъ давать ему темы для работъ по русскому языку, кто научитъ его греческимъ и латинскимъ оборотамъ, дастъ разьясненія о придыханіяхъ и удареніяхъ, сослагательномъ наклоненіи и прочихъ, тому подобныхъ, хитростяхъ? Родитель? — Да тотъ уже давно по-вытрясъ изъ себя всю школьную премудрость, лѣтомъ и не до нея ему: наступила страдная пора, когда дорога каждая минута; онъ и самъ работаетъ, да и сына не прочь заставить, — и заставляеть, такъ какъ въ это время нужны рабочія руки. Если же ученикъ отвѣтилъ дурно по какой-либо случайной причинѣ: или сробѣлъ, или потому, что не успѣлъ просмотрѣть въ учебникѣ параграфъ, вопросъ изъ котораго ему предложилъ наставникъ, или же потому, что крайне утомился и не выказалъ нужной сообразительности, то за что лишать его дорогого для него времени отдыха? Вѣдь послѣ каникулъ предстоитъ ему долгая-предолгая треть, многочасовое сидѣнье зимою въ душныхъ комнатахъ; нужно бы застись

физическими силами, энергіею, бодростію; а вѣдь если назначена переэкзаменовка, пропали каникулы, отравлено удовольствіе; настоящаго отдыха нѣтъ; мысль о предстоящей переэкзаменовкѣ все будетъ стоять въ глазахъ ребенка грознымъ призракомъ.

Чтобы избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ и въ то же время достигнуть отъ переэкзаменовки какой-либо пользы, авторъ статьи совѣтуетъ назначать переэкзаменовки не въ концѣ лѣта, какъ онѣ теперь назначаются, а чрезъ нѣсколько дней по окончаніи общихъ экзаменовъ. Въ памяти ученика, — говоритъ онъ, — еще живо было бы то, чему онъ учился въ теченіе года. Равно онъ не томился бы неопредѣленнымъ положеніемъ цѣлыя каникулы, не мучились бы и родные его, которымъ такъ близокъ вопросъ о судьбѣ мальчика. Нужно судить по себѣ, какъ тягостно бываетъ продолжительное ожиданіе чего-либо, когда результатъ неизвѣстенъ. Слѣдуетъ пожалѣть дѣтей, да кстатѣ уже и родителей.

Намъ кажется, — замѣчаетъ по этому поводу «Церъ. Вѣстн.», — что одною простою перемѣною времени переэкзаменовки ни трудность дѣла, ни успѣхъ его нисколько не измѣняется къ лучшему. Если для маленькаго мальчика трудно самому усвоить плохо имъ понятое или совсѣмъ по какой-либо причинѣ не пройденное, въ теченіе лѣтнихъ каникулъ, когда онъ все-таки можетъ заниматься на свободѣ и съ отдыхомъ, то какъ же онъ исполнитъ свои обязанности въ теченіе нѣсколькихъ послѣ-экзаменныхъ дней и притомъ усталый и измученный годичными и экзаменными занятіями? Охотно допускаемъ, что для учениковъ, которымъ назначена переэкзаменовка, заниматься цѣлое лѣто и томиться неопредѣленностью своего положенія крайне тяжело, даже вредно. Нелегко также бываетъ смотрѣть на такое положеніе дѣтей и родителямъ ихъ. Но развѣ лучше будетъ положеніе тѣхъ и другихъ, если ученикъ, допущенный сряду послѣ экзамена къ переэкзаменовкѣ, снова провалится и останется въ томъ же классѣ или еще того хуже — будетъ совсѣмъ исключенъ изъ училища? Сущность дѣла заключается не столько во времени переэкзаменовки, сколько въ количествѣ учениковъ, допускаемыхъ къ переэкзаменовкамъ. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что одно училище какъ бы оспариваетъ у другого пальму первенства въ этомъ отношеніи. Нужно поэтому обратить вниманіе на то, слѣдуетъ ли допускать вообще переэкзаменовки въ такомъ количествѣ, въ какомъ онѣ теперь практикуются. Напр., можетъ быть совершенно слѣдовало бы освободить отъ переэкзаменовокъ тѣхъ воспитанниковъ, у которыхъ въ теченіе учебнаго

года по извѣстному предмету были удовлетворительные баллы и которые только на экзаменѣ, по какой-либо случайности, весьма возможной при настоящей постановкѣ нашихъ экзаменовъ, оказались неудовлетворительными. Въ крайнемъ случаѣ такихъ учениковъ удобнѣе, конечно, было бы оставить послѣ экзамена на нѣсколько дней, чтобы они, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, могли доказать свои знанія. Интересно, впрочемъ, выслушать мнѣніе по этому вопросу отъ лицъ непосредственно стоящихъ у этого дѣла и вполне компетентныхъ въ немъ — училищныхъ преподавателей.

— Всероссийское православное миссіонерское общество оказывается нынѣ въ состояніи употреблять не малыя суммы на свое дѣло. Въ 1888 г. изъ кассы совѣта общества и изъ комитетовъ на содержаніе миссій и миссіонерскихъ учрежденій, а также на пособія миссіонерамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ отпущено было 189,855 руб. съ копѣйками. Въ остаткѣ къ 1889 г. состояло суммъ общества 625,572 р. 21³/₄ к.

— Астраханское Кирилло-Меѳодіевское общество обратило вниманіе на то важное въ противораскольнической дѣятельности обстоятельство, что въ астраханскомъ и красноярскомъ уѣздахъ расколъ поддерживается, между прочимъ, тѣмъ, что многія деревни, населенныя раскольниками, не имѣютъ у себя церквей, и отъ селъ, въ которыхъ находятся приходскія церкви, онѣ отдалены, да и сообщеніе съ ними неудобное — водяное, а значительную часть года совершенно невозможное. Общество приняло также къ свѣдѣнію обыкновенные отвѣты неграмотныхъ и мало-грамотныхъ раскольниковъ православнымъ миссіонерамъ въ родѣ, наприкладъ, такого отвѣта: «ты поговори съ нашимъ Максимомъ Ивановичемъ, что въ Астрахани: онъ все знаетъ», — разныя выдумки относительно православныхъ, распространенныя въ раскольничьемъ мірѣ, въ родѣ той, будто въ церквяхъ православныхъ курятъ табакъ и пр.

— Заботясь о снабженіи церковей хорошими восковыми свѣчами, наше духовенство останавливается иногда на очень практичныхъ, повидимому, мѣрахъ и предположеніяхъ при устройствѣ свѣчной операциі въ подробностяхъ. Такъ, съѣздъ духовенства томской епархіи въ прошломъ іюнѣ, выражая надежду на содѣйствіе духовенства открываемому тамъ свѣчному епархіальному заводу, замѣтилъ, что это содѣйствіе должно выразиться, между прочимъ, въ живомъ участіи въ покупкѣ воска для завода въ мѣстахъ своего служенія, такъ какъ во многихъ приходяхъ имѣются пасѣки, и мѣ-

стное духовенство поэтому можетъ изъ первыхъ рукъ покупать на церковныя деньги воскъ, вошину и сушь для завода и доставлять эти материалы въ ближайшій складъ, получая отъ него въ обмѣнъ доставленнаго воска выдѣланныя свѣчи или, смотря по желанію, деньги, затраченныя на покупку воска.

— Духовенство наше почти повсемѣстно и весьма часто указываетъ на обремененіе церквей и отчасти причтовъ разными сборами и взносами. Такого рода указаніе въ послѣднее время сдѣлано на сѣздѣ томскаго духовенства. Въ виду недостаточности находящихся въ распоряженіи духовенства денежныхъ средствъ, оно оказывается вынужденнымъ сокращать учебныя заведенія для своихъ дѣтей и ограничивать расходы на эти заведенія. Такъ, сѣздъ подольскаго духовенства въ апрѣлѣ текущаго года постановилъ просить епархіальнаго преосвященнаго ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о позволеніи соединить тульчинское училище съ шаргородскимъ въ одно винницкое, полагая, впрочемъ, что духовенство не будетъ стѣснено въ удовлетвореніи образовательныхъ потребностей для своихъ дѣтей, если будетъ въ епархіи только два училища вмѣсто существующихъ четырехъ. Тотъ же сѣздъ значительно сократилъ смѣтныя назначенія по содержанію епархіальнаго женскаго и нѣкоторыхъ мужскихъ духовныхъ училищъ.

— На пособія бѣднымъ воспитанникамъ обращаются нѣкоторые особые сборы съ духовенства. По этому предмету въ журналахъ чебоксарскаго сѣзда духовенства находимъ любопытный фактъ.

Сѣзду было доложено отношеніе одного благочиннаго о томъ, что священникъ села Комскъ о. Смѣловъ въ прошломъ 1888 году награжденъ камилавкою, но опредѣленнаго десяти-рублеваго взноса въ пользу бѣдныхъ учениковъ училища не представляетъ и представить отказывается, основываясь на томъ, что онъ не шилъ камилавки, не носитъ ея и не имѣетъ свидѣтельства на награду ею. Сѣздъ рѣшилъ просить его высокопреосвященство сдѣлать распоряженіе о взысканіи 10 руб. съ священника Смѣлова въ пользу бѣдныхъ учениковъ училища. На журналѣ сѣзда объ этомъ высокопреосвященный написалъ: «съ священника Смѣлова взыскать въ пользу чебоксарскаго училища 10 р. немедленно. А то, что священникъ Смѣловъ не дорожитъ Высочайшими наградами имѣть въ виду въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ вопросъ о новомъ его награжденіи, дабы поступить въ рѣшеніи сего вопроса по надлежащему».

— Въ самарской епархіи сдѣлана попытка улучшить бытъ ду-

ховенства, которая, впрочемъ, однако пока ни къ чему осязательному не привела.

Въ виду того, что издавна практикующійся причтами способъ къ обезпеченію себя матеріальными средствами къ жизни—сборъ хлѣба по приходу—соединенъ съ большими затрудненіями и нерѣдко служитъ поводомъ къ пререканіямъ между собирающими пожертвованія и жертвователями, невыгодно отзывающимся на взаимныхъ отношеніяхъ тѣхъ и другихъ между собою, съѣздъ духовенства IV благоч. округа, ставропольскаго уѣзда, 22 мая, имѣлъ сужденіе, при совѣщательномъ голосѣ церковныхъ старостъ и предсѣдателей приходскихъ попечительствъ, объ измѣненіи этого способа на какой-либо иной—лучшій. Но представители отъ приходскихъ обществъ отозвались, что они ничего не могутъ сказать въ разрѣшеніе сего вопроса, по неимѣнію отъ прихода полномочій, и съѣздъ постановилъ: просить мѣстнаго благочиннаго предложить этотъ вопросъ на разрѣшеніе непосредственно-приходскимъ обществамъ во время выборовъ въ должность церковныхъ старостъ на будущее трехлѣтіе.

— Большая часть нашего сельскаго духовенства является въ то же время и сельскими хозяевами. Въ этомъ отношеніи священники оказываютъ очень часто весьма благотворное вліяніе на своихъ сосѣдей-крестьянъ. «Одесскій Вѣстникъ», отмѣчая эту сторону въ дѣятельности нашего духовенства, говоритъ: «можно и теперь уже привести цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ, что сельское духовенство могло бы многое вносить въ область плодотворнаго служенія интересамъ сельскаго хозяйства. Достаточно вспомнить заслуги нашихъ сельскихъ священниковъ въ дѣлѣ распространенія рациональнаго пчеловодства. Можно съ увѣренностью сказать, что во многихъ уголкахъ нашего обширнаго отечества главнымъ двигателемъ пчеловодственнаго прогресса явилось духовенство, и что этому послѣднему въ значительной степени обязаны успѣхи рациональнаго пчеловодства въ народной средѣ. Образцовыя пасѣки священниковъ-пчеловодовъ широкой сѣтью разбросаны по всей деревенской Россіи, и каждая изъ нихъ свидѣтельствуетъ о примѣрномъ усердіи и глубокихъ познаніяхъ хозяина. Богатая пчеловодственная литература, сосредоточенная въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества», немало обязана трудамъ сельскихъ священниковъ, статьи которыхъ всегда затрогивали существенные вопросы рациональнаго пчеловодства».

Для болѣе успѣшной дѣятельности духовенства на этомъ попри-

щѣ, газета рекомендуетъ введеніе въ семинаріяхъ преподаванія нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства, въ зависимости отъ условій каждой данной мѣстности.

— На страницахъ московскаго журнала «Дѣтск. Помощь» встрѣчаемъ слѣдующій взглядъ по вопросу объ отношеніи нашей интеллигенціи къ дѣлу народнаго образованія. Нельзя скрыть того, что наше интеллигентное, образованное общество отличается равнодушіемъ къ религіи и съ пренебреженіемъ относится къ церковнымъ установленіямъ и обрядамъ. На почвѣ религіознаго индеферентизма умственное образованіе легко впадаетъ въ крайности одностороннихъ направленій и даже чѣмъ большаго развитія оно достигаетъ, тѣмъ болѣе опасности для него крайнихъ увлеченій и заблужденій. Поэтому болѣе надежно и честно отказаться свѣтскимъ интеллигентамъ отъ непосредственнаго руководства народомъ въ дѣлѣ просвѣщенія. Отвращаясь отъ типа церковно-приходской школы, по какому образцу стали бы созидать типъ духовнаго развитія въ юныхъ поколѣніяхъ народа? Очевидно, по собственному образу и подобию, невольно перенося ложь своего умственнаго образованія въ жизнь народную. Не учить народъ, а самому учиться въ лицѣ собственныхъ дѣтей по болѣе здравымъ образцамъ — вотъ задача нашего интеллигентнаго общества и вотъ точка зрѣнія, съ которой преобразование земскихъ школъ въ церковно-приходскія желательно. Предоставимъ народъ церкви, руководство которой ему близко, понятно и вождельно. Первоначальное обученіе, имѣющее на половину характеръ нравственнаго воспитанія, всего вѣрнѣе можетъ быть ведено съ успѣхомъ подъ вліяніемъ церкви, къ которому народъ привыкъ и изъ-подъ котораго нужно вырывать и, слѣдовательно, развращать народъ, чтобы впѣдрять въ него чисто теоретическое образованіе.

Едва ли справедливо будетъ все интеллигентное русское общество обвинять въ равнодушіи къ религіи и пренебреженіи къ церковнымъ обрядамъ и установленіямъ и на этомъ основаніи совершенно устранять его отъ дѣла образованія юношества. Не нужно забывать, что дѣло образованія по самой своей природѣ требуетъ болѣе, чѣмъ всякое другое дѣло, участія именно интеллигентныхъ силъ страны.

Отыскивая далѣе причину равнодушія образованнаго общества къ религіи, московскій журналъ находитъ ее въ недостаткахъ воспитанія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ нихъ начинается, — говоритъ онъ, — серьезное умственное развитіе для уча-

щихся и здѣсь-то, при слабости или недостаткѣ моральнаго вліянія, незамѣтно полагается основа будущаго религіознаго индиферентизма. А чтобы религіозно-нравственное воспитаніе получило должную силу, — продолжаетъ московскій журналъ, — необходимо дать правильную постановку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Закону Божію.

При существующихъ порядкахъ практическое значеніе Закона Божія ограничивается личнымъ вліяніемъ законоучителя на воспитанниковъ, съ прекращеніемъ котораго воспитанники въ періодъ дальнѣйшаго, высшаго умственнаго развитія бывають лишены внутренняго руководства по существу предмета, при сознательномъ развитіи религіозныхъ понятій. По нашему мнѣнію они должны выходить изъ средняго учебнаго заведенія, унося съ собою сводъ осмысленныхъ, элементарныхъ понятій о предметахъ Закона Божія, какъ основу религіознаго убѣжденія. Выдѣлить въ каждомъ изъ предметовъ, составляющихъ цѣлый курсъ Закона Божія, всѣ существенные факты и понятія, обобщить и связать отдѣлы, и все свести къ конечному результату — таковы задачи нормальной программы, которая и представитъ не только совокупность элементарныхъ свѣдѣній, отвѣчающихъ существу предмета и достаточныхъ для умственной зрѣлости по этой отрасли изученія, но и достаточный запасъ для нравственной зрѣлости. Мы находимъ необходимымъ общее повтореніе всѣхъ предметовъ Закона Божія въ размѣрѣ нормальной программы въ послѣднемъ классѣ средняго учебнаго заведенія, такъ, чтобы воспитанникъ могъ сознательно и отчетливо изложить цѣльное содержаніе каждаго предмета въ главныхъ чертахъ.

Къ сожалѣнію, вопросъ какъ о положеніи Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще, такъ и объ измѣненіи существующихъ программъ, не смотря на очевидные недостатки этого дѣла, остается пока неизмѣннымъ.

— Недавній циркуляръ Св. Синода о мѣрахъ къ искорененію пьянства въ народѣ вызвалъ со стороны нѣкоторыхъ газетъ сужденія о причинахъ слабаго развитія у насъ обществъ трезвости, какъ въ смыслѣ количества ихъ, такъ и дѣятельности. По словамъ «Кіев. Слова», одной изъ причинъ этой неудачи, и притомъ изъ числа главнѣйшихъ, служитъ то, что правила этихъ обществъ недостаточно примѣнены къ русскому складу жизни. Преслѣдуя трезвость, общества эти вовсе запрещаютъ своимъ сочленамъ употребленіе спиртныхъ напитковъ, между тѣмъ какъ можно употреблять

водку, оставаясь въ то же время совершенно трезвымъ человѣкомъ. Въ нашемъ, въ большей своей части, суровомъ по климату отечествѣ рюмка водки не только не можетъ повредить здоровью и силамъ работника, но, напротивъ того, можетъ способствовать сохраненію здоровья и укрѣпленію силъ. Скучная пища напихъ низшихъ классовъ народонаселенія, дурная гигиеническая обстановка, усиленный, часто непомѣрный трудъ создаютъ такія условія жизни нашего рабочаго, при которыхъ рюмка водки является цѣлебнымъ бальзамомъ, чуть не жизненнымъ элексиромъ. Запрещать вовсе пить водку общества трезвости могли бы съ успѣхомъ только въ томъ случаѣ, если бы они въ силахъ были измѣнить эти условія, т. е. улучшить пищу и гигиеническую обстановку нашего простолюдина, а также измѣнить самый климатъ и условія производства самой работы. Конечно, общества трезвости не въ силахъ удовлетворить этимъ нуждамъ рабочаго класса населенія и могутъ лишь обѣщать въ отдаленномъ будущемъ, путемъ воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ, достичь извѣстнаго благосостоянія, при которомъ водка перестала бы быть столь необходимымъ, какъ нынѣ, жизненнымъ суррогатомъ. Подобная отдаленная и, къ тому же, еще сомнительная перспектива благополучія представляетъ мало соблазна, по русской поговоркѣ: «лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ». Вотъ почему мы удивляемся не тому, что у насъ такъ часто прекращаютъ свое существованіе общества трезвости, но тому, что эти общества, при условіяхъ нашей жизни и при требованіяхъ этихъ обществъ, еще могутъ возникать и существовать хотя нѣкоторое время. Эти попытки служатъ все-таки доказательствомъ, что въ средѣ низшихъ классовъ народонаселенія существуетъ отчетливое представленіе о пагубномъ вліяніи пьянства и серьезное желаніе борьбы съ этимъ недугомъ, почему, надо полагать, обществамъ трезвости въ нашемъ отечествѣ можетъ предстоять выдающаяся роль въ дѣлѣ прекращенія пьянства, если только правила этихъ обществъ будутъ ближе принаровлены къ обстановкѣ и быту нашего народа.

Далѣе газета полагаетъ, что однѣхъ нравственныхъ мѣръ для борьбы съ пьянствомъ далеко не достаточно. Нужны еще и мѣры карательныя. По ея словамъ, путемъ предупредительныхъ и нравственныхъ мѣръ пьянство можетъ быть значительно ослаблено. Но ими не должны исчерпываться мѣры борьбы. Рядомъ съ ними должны быть согласованы и карательныя мѣры, и въ особенности необходимо установить, что пьянство не можетъ не только являть-

ся причиною невмѣняемости преступленія, но и служить смягчающими въ немъ обстоятельствами. Достичь этого возможно путемъ изъятія изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ всѣхъ дѣлъ, въ коихъ обвиняемый совершилъ преступленіе въ пьяномъ видѣ или свое преступленіе оправдываетъ пьянствомъ. И это будетъ вполне справедливо. Кто же можетъ поручиться, что самое пьянство не служило однимъ изъ средствъ къ преступленію или одной изъ уловокъ, направленныхъ къ освобожденію отъ наказанія, или, по крайней мѣрѣ, къ его смягченію? Точно также и самое требованіе, чтобы человѣкъ, добровольно допустившій себя до такого опьяненія, когда теряется всякое сознаніе дѣйствительности, былъ бы въ то же время отвѣтственнымъ за всѣ тѣ дѣйствія, которыя онъ совершилъ въ пьяномъ видѣ, является строго справедливымъ, такъ какъ не допустить себя до подобнаго опьяненія всегда во власти самого человѣка. Но важны, повторяемъ мы, не тѣ или другія мѣры,—на недостатокъ ихъ нельзя жаловаться,—важно не давать всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ чахнуть, обращаться въ рутину, во зло, чтобы всѣ они дышали жизнью и вмѣстѣ съ ростомъ жизни видоизмѣнялись и совершенствовались.

Едва ли мы можемъ,—замѣчаетъ «Церк. Вѣстн.»,—похвастаться и количествомъ мѣропріятій противъ пьянства, особенно если сравнить нашу постановку дѣла съ заграничною. Не можемъ также согласиться и съ тѣмъ, чтобы наши общества трезвости чахли исключительно только потому, что въ нихъ безусловно запрещается употребленіе вина, что будто бы невозможно по нашимъ климатическимъ и инымъ условіямъ. Во-первыхъ, на Руси есть очень много людей, которые, не смотря на указанныя климатическія и другія условія, безъ всякихъ обществъ трезвости совсѣмъ никогда не употребляли и не употребляютъ вина. Слѣдовательно, едва ли возможно утверждать, что употребленіе вина для каждаго русскаго вполне необходимо. Далѣе, всякое общество трезвости, если ставитъ задачею для своихъ членовъ совершенное воздержаніе отъ вина, то на это нужно смотрѣть какъ на идеальное стремленіе общества, которое практически, согласно мѣстнымъ условіямъ, всегда, конечно, видоизмѣняется. Намъ кажется, что если у насъ разныя нравственныя мѣропріятія противъ пьянства и чахнутъ, то совсѣмъ не отъ тѣхъ причинъ, на которыя указываетъ кievская газета. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ гораздо вѣрнѣе смотреть на дѣло г. Рачинскій, по мнѣнію котораго борьбу съ пьянствомъ необходимо начинать со школьной скамьи и—главное—

на почвѣ религіозной, чтобы народъ смотрѣлъ на воздержаніе, какъ на нравственный подвигъ, угодный Богу, а не какъ на дѣло полезное и выгодное съ житейской точки зрѣнія.

— Въ «Рус. для сел. паст.» помѣщена слѣдующая замѣтка по вопросу о неприличіи для духовенства игры въ карты. «Если-бы было въ нашей власти и силѣ, то, ни мало не обинуясь, мы положили бы благодѣтельный запретъ на всякаго рода карточные игры для духовенства. И ужъ говорить нечего о такихъ играхъ, какъ игры азартныя, которыя специальными государственными законами воспрещены даже для людей свѣтскихъ. Но пресловутая стуколка,—какъ она глубоко поражаетъ и оскорбляетъ насъ, когда справляется священниками. Между тѣмъ, можно сказать смѣло, есть мѣста въ нашемъ отечествѣ, гдѣ ни одинъ храмовой праздникъ, ни одни именины и вообще ни одно собраніе изъ іереевъ не обходилось бы безъ стуколки. Не успѣютъ выпить чаю, какъ сейчасъ же садятся всѣ за столъ, и батюшки, и матушки, и дѣти, и домочадцы,—и всѣ стучать, выкладывая нерѣдко послѣднюю копѣйку изъ кармана на столъ. Невольно, когда смотришь на эту толпу играющихъ, большею частію всегда съ азартомъ, припоминаешь евангельскіе столы мѣновщиковъ, и такъ бы и хотѣлось опрокинуть ихъ, чтобы не осверняли дома іерейскаго; ибо и объ этомъ домѣ въ Словѣ Божіемъ сказано: *подобаетъ іерею быти—домъ свой добръ правящу*. А хорошее назначеніе и управленіе открывается тутъ, когда люди проигрываютъ трудовые гроши сквернаго ради прибытка или безумной утѣхи міра сего?

Спросятъ насъ: «что же сказать о преферансѣ или винтѣ? Неужели и въ такія простыя, невинныя игры непозволительно играть священникамъ?»

Съ своей стороны мы прежде всего также спросимъ: откуда-же то видно, что это именно невинныя игры? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надо спросить женъ и дѣтей, которыя очень и очень часто остаются безъ куска хлѣба, потому что ихъ мужья и отцы провинчиваются послѣднее достояніе въ клубахъ и другихъ разныхъ игорныхъ домахъ и притонахъ; или спросить начальниковъ разныхъ учрежденій, у которыхъ чиновники не являются на службу, потому что винтятъ по цѣлымъ ночамъ и т. п. Неужели все это такъ просто и такъ невинно, что не только свѣтскимъ, но и духовнымъ лицамъ можно винтить, сколько угодно? А бессонныя ночи, столь опасныя для здоровья, или это нервное расстройство, которое неминуемо соединяется съ каждою, даже самою изъ невиннѣйшихъ

карточною игрою въ борьбѣ между страхомъ и надеждою въ виду выигрыша или проигрыша, тяжелое, подавляющее чувство, овлаждающее всякій разъ отъ нехорошей карты или неминуемаго проигрыша, — развѣ это также просто и невинно? Не бываетъ ли, напротивъ, что люди проигравшіеся теряютъ нерѣдко самообладаніе, проникаются гнѣвомъ и готовы на всякія безпутства для удовлетворенія взволнованныхъ чувствъ своихъ? Хорошо еще, что свѣтскій человѣкъ отъ всего этого можетъ проспать и успокоиться. А вдругъ въ такомъ же положеніи священника позовутъ на какую-либо потребу, или попросятъ утѣшить, успокоить умирающаго больного и пр. т. п.? Хорошо будетъ священникъ въ этомъ случаѣ, и много онъ можетъ сдѣлать для нуждающихся!!

А эти насмѣшливые возгласы, которые то и дѣло слышатся въ честной компаніи, съ которою священникъ играетъ: «что, батюшка, не везетъ? Облапошилъ насъ сегодня, нашъ честной отецъ. Провалялся, отче»... Какою горькою ироніею отзываются они, — и пусть бы еще ироніею. А то нѣтъ; намъ говорилъ одинъ благородный мірянинъ, что онъ никакъ не можетъ помириться съ мыслию, чтобы одною и тою же рукою священникъ переворачивалъ и бросалъ карты и потомъ благословлялъ и даже совершалъ священнодѣйствія св. таинствъ. Такъ чутки ко всему неблагопристойному въ насъ наши же собственные духовныя чада... И не потому ли именно такъ хладнокровно и безразлично и относятся они къ нашей молитвѣ и молитвословію, что мы сами все это профанируемъ, не умѣючи, или сказать вѣрнѣе, не желаячи держать себя на той высотѣ, на которой должны стоять и по сану и по положенію своему. Говорить ли о тѣхъ чувствахъ, какія должны питать тѣ же міряне къ священнику, когда онъ играетъ въ карты чуть ли не всю ночь, и потомъ отирается въ церковь на богослуженіе? О, да не будетъ, не будетъ сего во вѣки!... *Аще брашно соблазняетъ брата моего, — говоритъ св. апостоль, — не имамъ ясти мяса во спки, да не соблазну брата моего его же ради Христосъ умре* (1 Кор. 8, 13, 11). Карты не хуже ли мяса!!!

— Настоятельница Барскаго монастыря (Подольской еп.), въ письмѣ къ нѣкому г. Ш., описываетъ слѣдующій случай чудеснаго исцѣленія отъ чудотворной иконы Барской Богоматери. «Уважаемый Б. П.! — пишетъ м. игуменья: — Спѣшу сдѣлать васъ соучастникомъ въ нашей радости, которая относится къ вамъ ближе, чѣмъ къ кому-либо другому. Ваша родная сестра, послушница Ирина Ш., какъ вамъ раньше было извѣстно, тяжело и ужасно бо-

лѣвшая, теперь, по милости Божіей Матери, получила отъ святой иконы Ея чудесное исцѣленіе, которое опишу вамъ подробно. При сильной впечатлительности вашей сестры, на нее весьма повліяли нѣкоторыя огорченія, осложнявшіяся еще при матеріальной нуждѣ заботою о двухъ малолѣтнихъ сестрахъ, такъ что ея нервы не выдержали — съ ней пропзошла истерика, разрѣшившаяся въ тихое умопомѣшательство, продолжавшееся болѣе недѣли и закончившееся сильнѣйшей нервной горячкою, убившей послѣднія силы больной и сдѣлавшей изъ цвѣтущей здоровьемъ молодой дѣвушки полумертвый трупъ, съ печатью смерти на блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ. Съ начала болѣзни и въ продолженіе ея я приглашала къ больной врачей, но медицинскія пособія оказались недѣйствительны. Больная лишилась чувствъ и въ теченіе 4-хъ дней лежала почти безъ признаковъ жизни: дыханіе, біеніе сердца и пульса въ теченіе нѣсколькихъ часовъ едва было замѣтно. Губы и оконечности посинѣли и похолодѣли; все тѣло одеревенѣло, такъ что при поднятіи головы или ногъ подымалось все тѣло. Всѣ сочли бы ее мертвою, если-бы по временамъ не вырывались изъ груди ея глухіе тяжелые вздохи. Наконецъ, въ ночь съ 13 на 14 августа состояніе больной перемѣнилось. Сильнѣйшія страданія, терзавшія ее всю ночь, смѣнили прежнее состояніе мертвенности и заставляли ее кричать и биться, такъ что всѣ сестры обители сошлись къ ея постели, предполагая, что это послѣдняя предсмертная агонія страдающей и, прочитавши канонъ на исходъ души, стали читать акаѳистъ Божіей Матери и просить Бога разлучить душу съ тѣломъ и прекратить ужасныя страданія умирающей. Къ 5 часамъ утра страданія больной какъ будто утихли: она опять лежала безъ движенія съ закатившимися подъ лобъ глазами и тяжело, прерывисто дышала. Сталъ благовѣститъ къ обѣднѣ, и я велѣла всѣмъ сестрамъ идти въ церковь и молиться о страдающей, а сама осталась при ея постели и молилась. Когда оканчивалась обѣдня, мнѣ пришло на память то чудесное исцѣленіе, которое получилъ разслабленный отъ Господа нашего, будучи принесенъ и омущенъ къ ногамъ Его. Побуждаемая невидимою силою и чувствуя глубокую вѣру и твердую надежду на милосердіе скорой и усердной Заступницы нашей, преблагословенной Владычицы Богородицы, я рѣшила перенести больную въ церковь къ святой и чудотворной иконѣ Ея и молить и просить Ее даровать исцѣленіе болящей. По моему распоряженію, больную отнесли въ церковь на кровати, и затѣмъ, поднявши съ простынею, положили предъ царскими вратами, надъ

конми висить чудотворный образъ Богоматери. Св. икону опустили надъ больною и начали служить молебенъ съ великимъ усердіемъ и слезами. И что-же! Воистину близь Господь всѣмъ призывающимъ Его. Волю боящихся Его сотворить и молитву ихъ услышитъ (Пс. 144, 18—19)! Среди общей скорби и слезъ раздается радостный вопль: «Мати Божія!». Взоры всѣхъ обратились къ болящей и видятъ, что та, которую за минуту предъ симъ зрѣли почти бездыханной, безгласной, ничѣмъ не отличавшейся отъ холоднаго трупа мертвеца, теперь съ радостной улыбкой, осѣнивши себя крестнымъ знаменіемъ, простерла руки къ св. иконѣ и, сама поднявшись на ноги, съ любовію облобызала Ея пречистый ликъ. Радостный трепеть объялъ присутствующихъ. Милость Богоматери и совершенное Ею чудо были такъ очевидны, что невольно влекли сердца и души всѣхъ присутствовавшихъ съ горячею любовію и слезами возблагодарить Господа и Пречистую Его Матерь за явленную Ими милость. Радость всѣхъ еще болѣе увеличилась, когда исцѣленная рассказала слѣдующее: «Я увидѣла предъ собою (находясь еще безъ чувствъ) весьма величественную и благолѣпную женщину, при видѣ Которой страхъ и радость охватили все мое существо. Явившаяся коснулась рукой моею головы и сказала! «вотъ Я исцѣляю тебя; смотри-же, не выходи изъ этой обители: иначе Я опять накажу тебя». При этихъ словахъ Она протянула ко мнѣ руку, и я хотѣла облобызать ее, но не успѣла, потому что Божія Матерь скоро приняла ее, а я воскликнула: Мати Божія: При семъ вдругъ возвратились всѣ мои чувства и я услышала пѣніе молебна: Пресвятая Богородице спаси насъ, и увидѣла подлѣ себя матушку игуменью и другихъ, а надъ своей головой чудотворный образъ Богоматери. Все это привело меня въ недоумѣніе, я не знала, что со мной и гдѣ я нахожусь; потомъ я встала на ноги и приложилась къ чудотворной Божіей Матери». Послѣ сего чудесно исцѣленная сама уже пошла изъ церкви, а я,—продолжаетъ матушка игуменья,—пригласила къ себѣ для угощенія всѣхъ присутствовавшихъ при явленіи великой милости Божіей. Во весь этотъ день всѣ монастырскія работы были оставлены и вся наша обитель родостно праздновала, прославляя Божію Матерь, всегда и во всѣ времена ходатаицу и заступницу, скорый покровъ и помощь всѣмъ притекающимъ къ Ней и къ святой и цѣльбоносной иконѣ Ея съ вѣрою и благоговѣніемъ. Дня черезъ три чудесно исцѣленная совершенно окрѣпла и начала проходить обычное свое послушаніе—пѣть и читать въ церкви, а также заниматься домашними работами.

Свидѣтельству о семъ съ приложеніемъ монастырской печати. Настоятельница Барскаго женскаго монастыря пгуменія Лидія». («Рус. Паломн.»).

— Гигіеническій комитетъ во Франціи призналъ кладбища (при условіи глубокаго зарыванія труповъ и запрещенія накладывать нѣсколько труповъ въ одну яму) безусловно безопасными въ смыслѣ возможности испареній вредныхъ для здоровья газовъ; поэтому нѣтъ необходимости ни ограничивать мѣстоположеніе кладбищъ по отношенію къ вѣтрамъ, ни огораживать ихъ высокими стѣнами: послѣднее можетъ только препятствовать свободной циркуляціи воздуха на кладбищѣ.

Совершенно иначе стоитъ вопросъ о возможности загрязненія подпочвенной воды органическими веществами, развивающимися въ почвѣ кладбища. Въ этомъ отношеніи, наоборотъ, должна соблюдаться величайшая осторожность. Грунтъ кладбища долженъ быть рассыпчатый, преимущественно песчаный; если онъ компактный и содержитъ много влаги, подпочвенный слой кладбища долженъ дренироваться и вода очищаться. Во всякомъ случаѣ кладбище должно быть, насколько возможно, удалено отъ той плоскости подпочвенной воды, которая даетъ воду, употребляющуюся окрестнымъ населеніемъ, и не должно имѣть возможности сообщенія съ нею; оно должно быть удалено, по крайней мѣрѣ, на 100 метровъ отъ всякаго жилья. Что касается до склеповъ, то при открываніи находящихся тамъ гробовъ въ нихъ оказывается сукровичная жидкость, издающая гнилостный запахъ. Поэтому необходимо наполнять въ такихъ ящикахъ все пространство около гроба порошкомъ угля или деревянными опилками, смѣшанными съ какимъ либо обеззараживающимъ веществомъ; кромѣ того, склепы должны постоянно вентилироваться. Перевозъ труповъ допускается не иначе, какъ въ наглухо закрытыхъ и непроницаемыхъ металлическихъ ящикахъ.

(Руков. для сельс. паст. 1889 г., № 26).

Средство отъ кровотеченій. Къ числу наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ отъ кровотеченій принадлежитъ бѣлая глухая крапива, извѣстная также подъ именемъ драголюба (*Lamium album*). Называется она «глухой», также «мертвой», потому что не жжется; «бѣлой» — потому что цвѣты ея бѣлые. Употребленіе этой крапивы слѣдующее. Стержень названнаго растенія срѣзаютъ на высотѣ 10—15 сантиметровъ отъ верхушки и вмѣстѣ съ цвѣтами его растираютъ въ фарфоровой ступкѣ или разрѣзаютъ на мелкія части. За тѣмъ, растертую или изрѣзанную крапиву подвергаютъ прес-

сованію и выжатый сокъ сливаютъ въ чистую стеклянку емкостью граммовъ на сто (граммъ=22 долямъ). Эту стеклянку помѣщаютъ по горлышко въ банку съ водою, которую нагреваютъ до кипяченія; послѣ десятиминутнаго кипяченія стеклянку вынимаютъ, даютъ соку остыть, герметически закупориваютъ и хранятъ въ темномъ и холодномъ мѣстѣ. Одной рюмки на пріемъ приготовленнаго, такимъ образомъ, медикамента, въ большинствѣ случаевъ, совершенно достаточно, чтобы черезъ нѣсколько минутъ остановить сильное кровотеченіе. Въ крайнемъ случаѣ, если первая доза оказывается недостаточной, даютъ, спустя четверть часа, вторую такую же дозу. Употребленіе съ той же цѣлью настоя бѣлой глухой крапивы на алкоголь или въ водяномъ отварѣ менѣе дѣйствительно. Необходимо имѣть въ виду, что крапивнаго сока не слѣдуетъ готовить разомъ въ большомъ количествѣ,—пріема на два, не болѣе, такъ какъ медикаментъ этотъ долженъ быть непременно свѣжій.

(Нов. Врем. 1889 г. № 4841).

— Въ деревнѣ такъ часты бываютъ случаи пораненія, что нелишнимъ будетъ сообщить нѣсколько простѣйшихъ совѣтовъ относительно наложенія первой перевязки при порубахъ, лорѣзахъ и другихъ ранахъ, а также и о дальнѣйшемъ уходѣ за ранами и язвами. Тотъ часъ при пораненіи, рану необходимо хорошенько вымыть карболовой водою, а остановить кровь изъ раны можно сильнымъ прижатіемъ самой раны, комкомъ ваты смоченной 5% карболовой водою. Самымъ же первымъ и главнымъ условіемъ при всѣхъ ранахъ и язвахъ для успѣшности заживленія должна быть чистота. Всякія раны и язвы необходимо два раза въ день обмывать теплою водою съ половиннымъ разведеніемъ 5% карболовой воды, вымывая всякій разъ и въ окрестности ранъ и язвъ мыломъ.

Для обмыванія хорошо пріобрѣсти такъ называемую *кружку Эсмарха*, которая стоитъ 1¹/₂—2¹/₂ р. Она должна быть всегда содержать чисто и опрятно. При неимѣніи ея или при недоступности для кого либо по цѣнѣ, она можетъ быть замѣнена обыкновеннымъ чайникомъ, изъ котораго вода струею поливается на язву. *Гигроскопическая вата* теперь замѣняетъ собою губки, ветошь и корпию; цѣна фунта 75 коп.

Марля—какъ дешевый матеріалъ, 3—5 коп. аршинъ, употребляется вмѣсто бинтовъ, ветошекъ и на компрессы.

Восковая или масляная бумага можетъ быть употреблена вмѣсто клеенки. Какъ восковую, такъ и масляную бумагу легко приготовить дома: нагрѣть листъ простой, почтовой или сахарной даже

газетной бумаги и растирать воскъ или масло, вазелинъ или сало по теплomu листу; пропитавшись тѣмъ или другимъ, бумага приобретаетъ способность не промокать и не пропускать чрезъ себя воды, совершенно замѣняя клеенку, которая отъ бумаги отличается лишь своей большей прочностію. («Самар. Еп. Вѣд.», № 14).

Средства отъ обжога. Смѣшать, хорошенько взбивая, 64 грамма (около 15 золотниковъ) терпетинной эссенціи съ такимъ же количествомъ чистаго, хорошаго, оливковаго масла и затѣмъ прибавить къ смѣси десертную ложку извести гашеной въ полустаканѣ воды. Употреблять эту смѣсь въ видѣ наложенія компрессовъ на обоженныя части тѣла. Очень хорошее, также оздоравливающее, дѣйствіе, даже при сильныхъ обжогахъ, оказываетъ отваръ изъ вяза: молодые, сочные побѣги вяза нарѣзываются небольшими кусками и вывариваются въ водѣ. Полученный отваръ (чѣмъ крѣпче, тѣмъ лучше) употребляютъ наложеніемъ на обожженныя части компрессовъ, смѣняемыхъ возможно чаще. (Н. В. 1889 г. № 4826).

Средство противъ грудницы. Противъ этой болѣзни, которую часто жестоко страдаютъ женщины, по наставленію ученыхъ медиковъ, употребляютъ такое, простое, но вѣрное, уже испытанное средство: берутъ потребную часть картофельной муки (крахмалъ), достаточно наливаютъ на нее коноплянаго масла (олеи, какъ говорятъ малороссы), не доводя, однакожь, до жидкаго состоянія; эту мазь кладутъ на чистую тряпку, согрѣваютъ немного противъ огня, прикладываютъ къ больной груди, затѣмъ накладываютъ а на клеенку фланель или что-либо шерстяное, и завязываютъ полотенцемъ, какъ удобнѣе для больной. Когда совсѣмъ засохнетъ на груди мазь, дѣлаютъ новую перевязку изъ новой, такой же смѣси. При такомъ средствѣ, болѣзнь только начинающаяся умягчается и быстро прекращается; а если уже развилось воспаленіе, то болѣзнь скоро созрѣваетъ, матерія вытягивается изъ ранъ, а потомъ и раны заживляются.

— *Средства отъ чахотки.* «Недѣля» передаетъ любопытныя свѣдѣнія о новомъ способѣ лѣченія больныхъ чахоткой. Докторъ Детвейлеръ основать въ 1877 году приютъ для чахоточныхъ въ Фалкенштейнѣ. и въ немъ находится въ настоящее время 120 больныхъ, которыхъ лѣчатъ по системѣ, давшей прекрасныя результаты въ Германіи, Австріи, Венгріи, Швейцаріи и Норвегіи. Въ пользу этой системы говоритъ уже тотъ фактъ, что, благодаря ей, выздоравливаетъ 25% пациентовъ. Она совершенно уничтожаетъ всѣ лѣкарства и замѣняетъ ихъ гигиеной, которая основана на двухъ

принципахъ: возвратѣ больному силъ и предохраненіи его отъ простуды. Эти принципы не новость, но нова система ихъ примѣненія. Докторъ Детвейлеръ для предохраненія своихъ пациентовъ отъ простуды не запираетъ ихъ въ комнаты, а напротивъ приучаетъ ихъ постепенно къ воздуху, на которомъ они проводятъ 12 час. въ день, какая бы ни была погода, даже въ дождь и снѣгъ, но конечно въ теплой одеждѣ и подъ крышей. Обыкновенно пациенты лежатъ на кушеткахъ и сидятъ въ покойныхъ креслахъ на балконахъ. Другимъ средствомъ противъ чахотки докторъ Детвейлеръ считаетъ обученіе больныхъ не кашлять. Дѣйствительно, онъ достигаетъ удивительнаго результата своей системой, состоящей въ томъ, что больного отъ времени до времени заставляютъ дышать носомъ, при каждомъ приступѣ кашля ему даютъ проглотить немного горячей или очень холодной воды, не дозволяютъ ему кашлять сухо, и только выплевывая, причемъ запрещается плевать въ платокъ и т. д. Такимъ образомъ въ Фалкенштейнѣ больные мало-по-малу приучаются кашлять очень рѣдко, и общій припадокъ кашля слышится только по утрамъ, когда обыкновенно чахоточные сильно кашляютъ. Что касается діеты, то она главнымъ образомъ основана на молокѣ и коньякѣ; пища состоитъ изъ мяса, яицъ, зелени, масла, хлѣба и компотовъ. Сыръ не разрѣшается ни подъ какимъ видомъ. По словамъ доктора Дарембера, больные Фалкенштейна подвержены самому строгому режиму, и онъ видитъ въ этомъ одно изъ важнѣйшихъ условій, обезпечивающихъ успѣхъ этой новой системы лѣченія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1889 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

годъ IV

РУССКІЙ СЛѢПЕЦЪ.

журналъ для обсужденія вопросовъ, касающихся улучшенія положенія слѣпыхъ. Выходитъ ежедневно.

Подписная цѣна за годовое изданіе: съ доставкою и пересылкою внутри Россійской Имперіи 1 р., съ пересылкою за границу 1 р. 50 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Казанская ул., д. № 5, въ Канцелирии Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ.

Объявленія принимаются за строчку или занимаемое ею мѣсто по 15 коп.

Программа журнала. Обсужденіе всѣхъ вопросовъ, относящихся до улучшенія положенія слѣпыхъ: цѣли раціональнаго образованія и призрѣнія слѣпыхъ, принципы воспитанія и образованія, психологія, методы обученія, учебныя программы, учебныя пособія, организація заведеній, техническое образованіе, занятія и ремесла для слѣпыхъ, попеченіе объ окончившихъ ученіе слѣпыхъ (патропатство призрѣніе неспособныхъ къ труду слѣпыхъ, статистика и т. д.; окулистическіе-медицинскіе вопросы; мѣры къ предупрежденію слѣпоты; иностранная литература и заграничныя періодическія изданія о слѣпыхъ.—Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЯ

ОБЩЕПОЯТНО-НАУЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

„НАУКА И ЖИЗНЬ“.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно (52 № въ годъ) съ 1-го января 1890 года по слѣдующей программѣ:

1. Общепоятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія.
2. Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, гѣсоводство.
3. Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библіографія.
4. Научныя игры и развлеченія; задачи; почтовый листокъ.
5. Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту.
6. Объявленія.

Журналъ имѣетъ цѣлью дать интересное и полезное для всѣхъ чтеніе, сообщая въ литературно обработанной формѣ научныя, промышленныя и т. к. новости и т. д. Въ общемъ направленіи журнала редація будетъ руководиться мыслью, что естественныя науки не только не находятся въ антагонизмъ съ религіей, какъ нинѣ ошибочно думаютъ, но, напротивъ, служатъ къ подтвержденію откровенной истины, какъ это ясно выразилъ уже знаменитый Бэковъ Веруламскій. Въ частности журналъ дастъ множество практически полезныхъ въ сельской жизни свѣдѣній. Всѣхъ рисунковъ въ годъ предполагается дать отъ 250 до 500.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ пересылкой и доставкой на годъ ПЯТЬ руб. и на полгода ТРИ р.; безъ перес. и дост. на годъ ЧЕТЫРЕ р. и на полгода 2 р. 50 к.

Иногородніе обращаются исключительно въ редакцію, по адресу: Москва, Малая Дмитровка, д. Шильбахъ, въ редакцію журнала „Наука и Жизнь“.

Редакт.-издат. Dr. М. Н. Глубоковскій.

 ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ:

1. ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ. В. Кудрявцева. Ц. 50 к. съ перес.
2. НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ФИЛОСОФІИ. Вып. I. Начальныя основанія гносеологіи и естественнаго богословія. Ело же. Ц. 1 р. 50 к. съ перес

Оба сочиненія составлены примѣнительно къ программѣ преподаванія философіи въ духовныхъ семинаріяхъ.

Складъ изданія у автора, профессора Московской духовной академіи, въ Сергіевомъ посадѣ, Московской губерніи.

СВ. ГРИГОРІЙ НИССКІЙ, КАКЪ МОРАЛИСТЪ. Этико-историческое изслѣдованіе. Д. Тихомирова. Могилевъ-на-Днѣпрѣ, 1886. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Съ требованіями обращаться или на имя автора по адресу: въ Могилевъ губ., преподавателю духовной семинаріи Д. И. Тихомирову, или въ книжный складъ Полуобояринова, С.-Петербургъ, Николаевская, 18.

ВЪ КНИЖНОЙ ЕПАРХІАЛЬНОЙ ЛАВКѢ,

внутри колокольни Харьковскаго Каѳедральнаго Собора,

устроенной для доставленія православному народу духовно-нравственнаго чтенія по удешевленнымъ цѣнамъ, можно приобрести кромѣ многихъ другихъ—нижеприведенныя книги:

Новый завѣтъ, на 4 языкахъ (греческомъ, славянскомъ, русскомъ и латинскомъ) съ указателемъ параллельныхъ мѣстъ Св. Писанія, 1-й вып. Евангеліе отъ Матѳея, въ 4 д. л. Ц. 60 к. Св. Ефрема Сирина: Цвѣты изъ сада ц. п., въ 12 д. л. Ц. 6 к. Мѣсяцесловъ всего лѣта (Святцы) ц. п., въ 8 д. л., безъ перепл. Ц. 35 к. Наставленія іерею, како чинити обыскъ, по законамъ церковнымъ и гражданскимъ. Ц. 25 к. Практическое изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій, въ руководство священнику на случай совершенія важнѣйшихъ требъ церковныхъ, сост. протоіер. Царвовымъ, безъ перепл. Ц. 90 к. Отпустительные тропари, воскресные и другіе. Ц. 5 к. Молитвословъ сокращенный, ц. п., въ 24 д. л., безъ перепл. Ц. 12 к. Новый завѣтъ (Святое Евангеліе, дѣянія и посланія св. апостоловъ и апокалипсисъ) на русск. языкѣ. Ц. 18 к.; то же, на славянскомъ языкѣ. Ц. 20 к. Октоихъ учебный, ц. п., въ 16 д. л., въ кореш. Ц. 35 к. Евангеліе на славянскомъ яз., въ 16 д. л., безъ перепл. Ц. 20 к. Азбука для обученія отроковъ церковному и гражданскому чтенію. Ц. 5 к. Евангеліе на русскомъ и славянскомъ языкѣ, въ тисненномъ переплетѣ. Ц. 75 к. Часословъ безъ книв., въ 8 д. л. Ц. 30 к. Служебникъ ц. п., въ 8 д. л., безъ перепл. Ц. 50 к. Тріодіонъ (Тріодъ постная) ц. п., въ 8 д. л., съ книв., безъ перепл. Ц. 2 р. 75 к. Библия (книги Священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта) на славянск. языкѣ, въ 8 д. л., безъ перепл. Ц. 1 р. 50 к.; то же, въ 4 д. л., на слав. языкѣ, безъ перепл. Ц. 2 р. Прологъ, собраніе житій, страданій, чудотвореній святыхъ, въ 2 книгахъ, ц. п. Ц. 6 р. 25 к. Ирмологій (простой) ц. п., въ 8 д. л., безъ перепл. Ц. 45 к. Житіе Адриана и Наталіи. Ц. 2 к. Житіе Марка Аѳинскаго. Ц. 3 к. Житіе Антонія Печерскаго. Ц. 2 к. Житіе Арсенія Великаго. Ц. 3 к. Житіе Θεодосія Печерскаго. Ц. 3 к. Учебники для церковно-приходскихъ школъ. Евангеліе на славянскомъ языкѣ, въ переплетѣ, въ $\frac{1}{4}$ долю листа. Цѣна 30 к. Богословіе нравственное, Арсеньева пер. съ латинск. яз., въ $\frac{1}{4}$ д. л., въ перепл. Ц. 1 р. 75 к. Богословіе христіанское, Ювеналія іеромон., безъ перепл., въ $\frac{1}{4}$ д. л., изд. второе. Ц. 1 р. 20 к. Поученіе Тихона Задонскаго 5 томовъ въ перепл. Ц. 6 р. 25 к. Требникъ, въ $\frac{1}{4}$ д. л., безъ перепл. Ц. 40 к. Молитвословъ іерейскій въ $\frac{1}{8}$ д. л., безъ перепл., на славянск. яз. Ц. 1 р. 40 к. Жизнь Господа нашего Іисуса Христа, свещ. Т. Буткевича, изд. 2-е исправл. и дополн. 1887 г., безъ перепл. Ц. 4 р. Акафисты, св. каноны и проч. душеполезн. моленія, въ $\frac{1}{8}$ д. л., съ 16 свещ. изображен., изд. 1-е, безъ перепл. Ц. 2 р. Жизнь и труды св. апост. Павла, съ англійск. перев. Ф. В. Фаррара, т. 1-й и 2-й безъ перепл. Ц. 3 р. 50 к. Октоихъ (восьмигласникъ) въ $\frac{1}{4}$ д. л., въ перепл. Ц. 3 р. 60 к. Часословъ, въ $\frac{1}{8}$ д. л., въ кож. перепл. Ц. 85 к. Служба и акафисты св. Митрофану, въ $\frac{1}{4}$ д. л., въ перепл. Ц. 30 к. Мѣсяцесловъ (святцы) въ $\frac{1}{8}$ д. л., на русск. яз., въ перепл. Ц. 75 к. Учебный октоихъ, въ $\frac{1}{4}$ д. л., въ перепл. Ц. 45 к. Часословъ, въ $\frac{1}{8}$ д. л., въ перепл. Ц. 40 к. Псалтырь въ перепл., въ $\frac{1}{16}$ д. л. Ц. 17 к. Пространный христіанскій катихизисъ, Филарета митр. Московскаго, на русск. яз., въ перепл. Ц. 25 к. То же, въ бум. оберткѣ. Ц. 15 к. Литургія св. Іоанна Златоустаго, въ $\frac{1}{16}$ д. л. въ перепл. Ц. 35 к., то же, безъ перепл. 25 к. Литургія св. Василия Великаго и литургія Преждеосвященныхъ св. Даровъ Григорія Двоеслова, пер. печ. въ $\frac{1}{16}$ д. л., въ перепл. Ц. 45 к. Новый Завѣтъ (Святое Евангеліе, дѣянія и посланія св. апостоловъ и апокалипсисъ) въ $\frac{1}{16}$ д. л., церк. печ., въ перепл. Ц. 35 к., то же, на русск. яз., безъ перепл. Ц. 28 к. Учителище благочестія или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранныя изъ житія святыхъ, въ 2-хъ томахъ, безъ перепл., въ $\frac{1}{4}$ д. л. Ц. 85 к. Евангеліе на русск. яз., въ перепл., въ $\frac{1}{4}$ д. л. Ц. 35 к. Служебникъ, въ $\frac{1}{4}$ д. л., въ шегр. перепл. Ц. 2 р. Библия на русск. яз., въ $\frac{1}{4}$ д. л., въ шегр. перепл. Ц. 4 р. 90 к. Мѣсяцесловъ Христіанскій съ краткими историческими сказаніями о всѣхъ святыхъ, прославляемыхъ православною церковью, и съ объясненіемъ

совершаемыхъ въ оной празднествъ, въ перепл. въ 1/4 д. л. Ц. 75 к. Разказы изъ исторіи христіанской церкви отъ I-го вѣка до половины XI в., ч. 1-я, А. Н. Бахметевой, въ 2-хъ част. Ц. 2 р. 50 к. Толкованіе воскресныхъ Евангелій съ правоучительными бесѣдами, въ 2-хъ томахъ, соч. Никифора архіеп. Астрах., въ перепл., въ 1/8 д. л. Ц. 3 р. 25 к. Толкованіе воскресныхъ апостоловъ съ правоучительными бесѣдами, соч. Никифора архіеписк. Астрахадск., въ перепл., въ 2-хъ книгахъ, въ 1/8 д. л. Ц. 3 р. 25 коп.

Кромѣ этого въ этой же лавкѣ продаются портреты митрополита Кіевскаго Платона, разнаго рода хромолятографированныя иконы и виды разныхъ св. мѣстъ Кіевскихъ.

Съ 1 Ноября 1889 г. будетъ выходить безъ предварительной цензуры

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ:

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ,

При участіи Московскаго Психологическаго Общества.

Подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. | Изданіе А. А. Абрикосова.

Программа журнала предполагается слѣдующая: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, — опытная и фізіологическая психологія, психопатологія; 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ; 3) Обще обзоры литературы поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія; 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія; 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналѣ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица: 1) изъ числа специалистовъ по философіи: профес. А. А. Козловъ, проф. М. М. Троицкій, профес. М. И. Владиславлевъ, профес. Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, Влад. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, П. Е. Астафьевъ, іеромонахъ Антоній, А. И. Введенскій, А. Н. Гялировъ, А. П. Казанскій, Н. Н. Ланге, В. В. Левевичъ, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, кн. Д. Н. Цертелевъ, Е. И. Челпановъ, В. Ф. Лютославскій (магистръ дерпт. ун.), Э. О. Масарикъ, (проф. Прагскаго унив.) и др. лица, — 2) слѣдующіе члены психологическаго общества: графъ Л. Н. Толстой, проф. А. Н. Анучинъ, проф. А. П. Богдановъ, проф. Н. В. Бугаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, В. А. Гольцель, В. А. Грингутъ, Д. А. Дриль, проф. Н. А. Звяревъ, Н. А. Ивановъ, проф. П. И. Карѣевъ, проф. А. Я. Кожениковъ, М. С. Корелинъ, д-ръ С. С. Корсаковъ, д-ръ И. Ф. Огневъ, Л. К. Оболенскій, д-ръ А. А. Токарскій, Н. Н. Страховъ, проф. Э. П. Шереметьевскій, Н. И. Шинкинъ, В. И. Штейнъ.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна въ годъ 6 руб., съ доставкою въ Москвѣ; — 6 р. 50 коп. съ пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества и для студентовъ университетовъ — 4 р., съ пересылкою 4 р. 50 к. — Подписка будетъ приниматься съ 1 сентября нын. года въ помѣщеніи редакціи (Повинскій бульваръ, д. Котлярова, кв. Николая Як. Грота), въ редакціи журнала «Русская Мысль» и въ магазинахъ «Новаго Времени» (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.